

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 14
Выпуск 2

Издается с 1961 года

ISSN 0202-2397

Том 14

Выпуск 2

Главный редактор: канд. филол. наук доц. *Е. В. Краснова* (СПбГУ, Россия)

Редакционная коллегия выпуска: д-р филол. наук проф. А. М. Вонен (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук проф. Н. Ю. Гвоздецкая (РГГУ, Россия); старший научный сотрудник, д-р физ. наук Т. де Грааф (Фризская академия, Нидерланды); старший преподаватель Ю. М. Григорьева (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. А. Ю. Дароци (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); канд. фил. наук доц. Б. С. Жаров (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц. Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. Ю. К. Кузьменко (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук доц. А. Н. Ливанова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук доц. П. Н. Лисовская (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. И. М. Михайлова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук Т. Росен (Университет г. Орхуса, Дания); канд. филол. наук доц. А. В. Савицкая (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. Е. М. Чекалина (МГУ, Россия)

Vol. 14

Issue 2

Editor-in-chief

Assoc. Prof. *E. V. Krasnova* (St. Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. A. M. Vonen, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. N. Y. Gvosdeckaya, Doctor of Science (Philology), (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate T. de Graaf, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer J. Grigoryeva (St. Petersburg State University, Russian Federation); Prof. A. J. Daróczy, Doctor of Science (Philology) (KároliGáspár University of the Reformed Church, Hungary); Assoc. Prof. B. S. Zharov, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. E. V. Krasnova, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. Y. K. Kuzmenko, Doctor of Science (Philology); (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. A. N. Livanova, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. P. Lisovskaya, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. I. M. Michajlova, Doctor of Science (Philology), (St. Petersburg State University); T. Roesen Candidate of Science (Philology) (Copenhagen University, Denmark); Assoc. Prof. A. V. Savitskaya, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. E. M. Chekalina, Doctor of Science (Philology), (Lomonosov Moscow State University)

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.11-112+811.112.4

Tjeerd de Graaf

*Frisian Academy and the European Research Centre
on Multilingualism and Language Learning, The Netherlands*

DUTCH, FRISIAN AND LOW GERMAN: THE STATE LANGUAGE OF THE NETHERLANDS AND ITS RELATIONSHIP WITH TWO GERMANIC MINORITY LANGUAGES. PART 2

The primary involvement of the Fryske Akademy (Frisian Academy) lies in the domain of history, literature and culture related to the West-Frisian language. The users of its nearest relatives, the East- and North-Frisian languages in Germany, are less numerous and these languages are included into the list of most endangered languages of Europe. This report describes the present day position of the Frisian language as one of the minority and regional languages of Europe. Part 1 (Scandinavian Philology, vol. 14, issue 1) considers the relationship of Dutch with Frisian and the Low German dialects in the Netherlands (where it is called Low Saxon) and other parts of the world. Part 2 deals with question of education of Frisian and presents a survey of organizations which are involved in the documentation and safeguarding of Frisian and other regional and minority languages in Europe: the Fryske Akademy and the Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning. One of the subjects for study is the possible effect the new media have on the use of norms in the written language. This survey can be useful for the study and safeguarding of minority language situations elsewhere in the world.

Keywords: Frisian language, Low German, West-Germanic subgroup, minority languages, multilingualism, language policy, Frisian Academy.

Тьерд де Грааф

*Фризская академия, Европейский исследовательский центр многоязычия
и обучения языкам, Нидерланды*

НИДЕРЛАНДСКИЙ, ФРИЗСКИЙ И НИЖНЕНЕМЕЦКИЙ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК НИДЕРЛАНДОВ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ДВУМЯ «МАЛЫМИ» ГЕРМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ. ЧАСТЬ 2

Главная задача, стоящая перед Фризской академией, заключается в изучении истории, литературы и культуры, связанных с западнофризским языком.

В Германии бытуют два близкородственных к западнофризскому языка: восточно- и севернофризский, однако носителей этих языков настолько мало, что они занесены в список языков Европы, находящихся под угрозой исчезновения. В данной статье описано сегодняшнее положение фризского языка как одного из языков меньшинств и региональных языков Европы. В части 1 (Скандинавская филология, том 14, вып. 1) рассмотрено родство фризского языка с нидерландским и нижненемецкими диалектами в Нидерландах (где они называются «нижнесаксонским языком») и в других странах мира. В части 2 описываются история преподавания фризского языка в школе и современное положение, а также дается обзор организаций, призванных сохранять фризский и другие региональные языки Европы (Фризская академия и Европейский исследовательский центр многоязычия и обучения языкам). Один из аспектов исследования — то влияние, которое новые средства информации могут оказать на нормы письменного языка. Данный обзор может быть полезен для изучения и сохранения языков меньшинств в любой точке мира.

Ключевые слова: фризский язык, нижненемецкий язык, западногерманские языки, малые языки, многоязычие, языковая политика, Фризская академия.

EDUCATION OF FRISIAN AND ITS ORGANISATION

The role of **Frisian in education** dates back to 1907 when the provincial government offered a grant to support Frisian lessons after regular school hours. Frisian was then taught as an extra-curricular subject. Legislative provisions for Frisian only began in 1937 with amendments to the Education Act of 1920. Although Frisian was not specifically mentioned, the changes to the act made it possible to teach Frisian as a regional language in higher grades during Dutch lessons [Riemersma, De Jong, 2007].

However, nothing was arranged for the use of Frisian as a medium of instruction. In 1950, nine primary schools began to experiment with bilingual education and in 1955 bilingual schools obtained a legal basis. Frisian became an optional subject throughout primary school and the use of Frisian as medium of instruction was allowed in the lower grades. By 1959 the number of bilingual schools had risen to 47. Starting from 1959, the Dutch state financed the *Pedagogysk Advysburo* of the *Fryske Akademy*, which merged into the organisation CEDIN for the Northern provinces.

The *Paedagogysk Advysburo* has been an institution that has offered educational advice and guidance to bilingual schools. Around 1970 these had risen to 84 schools, which was 25 per cent of all primary schools in the province. In 1974 the Primary Education Act was modified. Frisian

became an approved teaching medium in all grades and an obligatory school subject throughout primary education as of 1980. Preparations for the implementation of this new policy included the following extensive activities: the training of 3,000 teachers; special parents' evenings at all schools; the development of new learning material; the re-working of television and radio for schools and, finally, the introduction of Frisian as a subject at teacher training colleges.

Since 1980 Frisian has been taught in all primary schools, both public and private. In many of these schools, Frisian is also used to varying degrees as a teaching medium, alongside Dutch. There is no provision for primary education entirely through Frisian, although some preschool groups are conducted exclusively in Frisian. At secondary level it is also possible to use Frisian as a teaching medium for some subjects, but this is infrequently done. There is no secondary schooling entirely in Frisian, but in some schools Frisian can be used as language of instruction and Frisian can be taken as exam subject. In the early eighties the subject was offered by 25% of all secondary schools on an optional basis, and about 5% of all pupils availed themselves of this opportunity. Since 1993, Frisian has been an obligatory subject in the first three years of secondary education. The two teacher-training centers in Friesland are required to offer Frisian to their students. They have the policy which stipulates that all students must attend Frisian classes. This qualifies them to teach Frisian in primary schools. Secondary school teachers of Frisian are trained at the part-time higher vocational education college in Ljouwert/Leeuwarden and at the university of Groningen after having studied the language as a main subject at either the universities in Groningen or Amsterdam. In the University of Leiden, Frisian is a subsidiary subject. There is an extensive network of adult language courses in Frisian.

The current Primary Education Act (*Wet op het Primair Onderwijs — WPO, 1998*) lists a number of subjects that all primary schools have to teach without prescribing the number of hours or how schools should teach those subjects. In 1993, the Minister of Education defined attainment targets (*kerndoelen*) for these subjects. These targets were modified to some extent in 1998. Fully identical goals have been developed for both the Dutch and Frisian language, indicating which skills have to be attained in Dutch and Frisian by the end of primary education.

Together with other regions with lesser-used languages within the European Union, special projects have been initiated in the field of trilingual education. In a number of schools in Friesland three languages are used as medium of instruction: Frisian, Dutch and English. The Frisian Academy is involved in the co-ordination of these projects and the evaluation of their results [Cenoz, Gorter, 2005].

In the Netherlands it is the minister of education in The Hague who determines the attainment targets. The minister may be corrected by the national parliament, but not by the Frisian parliament. As a matter of policy, the Frisian parliament wishes to remain firm on the attainment targets for Frisian. The targets for Frisian should be equal to the targets for Dutch, requiring full literacy and proficiency in both languages. According to recent studies only 30 % of the primary schools in Friesland meet these targets for Frisian.

Afûk and the promotion of Frisian

The **Algemiene Fryske Ûnderrjocht Kommisje (Afûk)** is a cultural institution in Leeuwarden which aims to promote knowledge of Friesland and the use of Frisian via the use of traditional and new media. Its editing house produces numerous Frisian-medium books, with a particular focus on educational material, and children's books, and the Frisian monthly cultural journal **De Moanne**. Afûk also organizes language courses for both native speakers and learners of Frisian and houses a special translation service, **stipepunt Frysk** where texts are translated from and into Frisian. Alongside these traditional methods, Afûk exploits new technologies. Their Twitter account and Facebook page boast some 6,000 users apiece. The enthusiasm of the **Praat mar Frysk** campaign motivates many to tweet in Frisian, once a year or preferably more often. The access to new media has made this campaign much more alive than it would be without. A success story any minority language can learn from.

Afûk also provides an online learning facility **eduFrysk**. This is a good example of how new technology can open up a wide range of new possibilities in language learning and teaching. Since 2010, well over 4,500 persons have applied for an account. Students with different levels of proficiency are catered for and, through its careful selection of texts, music and songs, the programme combines language learning with learning about Frisian culture. The facility also incorporates podcasts

and games, which are especially appreciated by younger users. Other features include personalized profiles and virtual communities, which enable users to chat with each other and use the language in a friendly and informal way. Specialized learning packages are developed for particular target groups, such as people working in law or medicine. Students currently following Frisian language course and also those who have never taken a course before can all make use of eduFrysk. Emigration from Friesland to countries such as Canada and New Zealand has led to children finding that their grandparents are speaking a language they do not understand

Finally, Afûk provides an online dictionary, which translates words from Dutch into Frisian and vice versa. It is available on the different websites from Afûk. Afûk daily promotes a different Frisian word through **wurdboek** and various media. The use of New Media has made that Afûk has come very close to the Frisians and can approach them practically at any time.

Another success story is the introduction and the use of Wikipedia. The Frisian version of this multilingual encyclopaedia, which started in the beginning of this century now has more than 30,000 sites and a growing number of users. Therefore, the use of new technologies has made Frisian highly accessible to people both within and outside Friesland.

ORGANISATIONS RELATED TO FRISIAN AND OTHER MINORITY LANGUAGES IN EUROPE

The Fryske Akademy (Frisian Academy)

The main authoritative source on the Frisian language is the Fryske Akademy. It was founded in 1938 with the aim of maintaining an academic focus on Frisian, the Frisian people and the Frisian culture. Today, it houses departments of Linguistics, Social Sciences and History.

The **Department of Linguistics** conducts linguistic research on all periods of Frisian. Currently, special projects are being undertaken on the phonology and grammar of Frisian and on the linguistic characteristics of Frisian spoken in urban and rural environments. The Akademy makes extensive use of new technologies. For example, it has compiled several language corpora, such as the New Frisian language corpus (25 million words), which is a digital collection of Frisian books, scientific magazines and newspaper articles. The texts in this corpus

provide a tool for keeping scientific research on Frisian culture up-to-date.

The **Dictionary of the Frisian Language (Wurdboek fan de Fryske Taal (WFT))** is the product of one of the most important projects of the Fryske Akademy: the WFT-project, which collected the vocabulary of Modern Frisian (Frisian since 1800) and has been published in book form annually between 1984 and 2011. The collection was completed in 2011 and the online version (<http://gtb.inl.nl>) is freely accessible via the Internet from anywhere in the world.

Other results of the lexicographic work of the Fryske Akademy are a Frisian-English, a Frisian-Frisian dictionary and dictionaries with special terminology such as the one for legal matters. The internet has facilitated an intensified cooperation with other researchers of minority languages such as the exchange of research papers and comparison of results. The Linguistic Department has made a large contribution to the preservation of the Frisian language. Firstly, by developing the dictionaries and later on, by digitising them and developing new (online) digital applications.

Since 2011, the department has been developing the Frisian language *Taalweb*, consisting of a new online spell checker, a machine translation programme (*Oersetter*) and a dictionary portal. The whole idea behind *Taalweb* is to encourage people to use the Frisian language in everyday work contexts by offering user-friendly applications and including many practical examples in translations / spelling suggestions.

The Frisian Language Desk also forms part of the Linguistics Department. This service, which can also be consulted via email, is available to answer questions about spelling, phrasing or terminology and can give advice concerning the composition of Frisian texts. It also specializes in translating technical texts into Frisian such as notarial acts, and other official and technical documents. Information can be obtained about place names in Friesland and abroad, computer terminology, inland shipping and so forth.

The **Department of Social Science** studies the Frisian society. The central theme of multilingualism represents a point of departure for its many projects, which include:

- Multilingualism and minority languages
- a) A regular survey of language use in Friesland
- b) The Frisian language abroad: the language of emigrants

- c) Technological developments in language learning
- d) The availability of online materials for language learning
- e) The cognitive effects of multilingualism on children
- f) Regional variation in spoken Frisian

The Department's work on multilingual education supports and evaluates education policy making, with a particular focus on the following areas:

- a) The evaluation of the provincial education policy 2007–2014
- b) Language acquisition and development in young children
- c) Trilingual schools
- d) Technological developments in education.

Part of these activities take place within the framework of the **Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning** which addresses the growing interest in multilingualism and the increasing need for linguistic communities to exchange experiences and to co-operate within a European context (see below). The Department of Social Sciences makes use of new technologies in almost all aspects of their work, using online questionnaires and social media such as Twitter, Facebook and LinkedIn.

The **Department of History** studies the history, literature and toponymy of Friesland, focusing primarily on historical resources. New technologies have had a big impact on its work. Collections have been digitized and are freely accessible via the Internet. One example for this is provided by the website <http://www.hisgis.nl> of the project HISGIS, which stands for Historical Geographic Information System. This is a digital software package, which makes it possible to elaborate geographic and historical information: Initially, the oldest cadastral maps (dating from 1832) of Friesland have been digitized and they can be linked to later versions, texts and illustrations, which in various ways can be related to each other. On the website anyone can search through historical geography and ownership maps. The Fryske Akademy is gradually completing this website with maps from other regions in the Netherlands.

The Mercator European Research Centre

The Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning (<http://www.mercator-research.eu>), is an important

part of the Fryske Akademy, which addresses the growing interest in multilingualism and the increasing need of language communities to exchange experiences and to cooperate in a European context. It gathers and mobilises expertise in the field of language learning at school, at home and through cultural participation in favour of linguistic diversity of Europe.

The Mercator Centre aims to be an independent and recognised organisation for researchers, policymakers, and professionals in the field of education and language learning and it endeavours to favour linguistic diversity within Europe. The starting point lies in the field of regional and minority languages. Yet, immigrant languages and smaller state languages of Europe are also a topic of study.

In Europe there is a growing awareness of the value of linguistic diversity and the need to learn languages. The objective of the Council of Europe and the European Union is that all Europeans learn to speak at least two other languages in addition to their mother tongue. This not only refers to some of the major languages of Europe, such as English, French, German, or Spanish, but also to smaller state languages, immigrant languages, and regional and minority languages. All these languages together create the linguistic diversity of Europe. This characteristic diversity, however, needs to be protected and promoted at all levels. For example, the Province of Fryslân, the Dutch government, and the European commissioner for multilingualism all emphasise the relevance and importance of multilingualism. The Council of Europe stimulates language teaching and learning by means of conferences, projects and comparative studies, whereas the European Union has its own **Integrated Lifelong Learning Programme** that explicitly wants to promote language learning and supports linguistic diversity. This creates a clear need for up-to-date information and research. The Mercator Research Centre tries to meet this need by participating in and developing a multitude of activities ranging from carrying out research projects and making inventories of existing research, to conducting comparative studies and providing language dossiers, search engines and articles on regional and minority languages, immigrant and smaller state languages as well as sign languages.

Successful on-going activities of the Mercator Research Centre are: research, the series of Regional Dossiers, the Network of Schools and the organisation of international conferences and expert seminars.

The Mercator Research Centre develops its **research programme** in line with its experience and on the basis of the data collections available.

Scientific research is being conducted at the following three levels of aggregation:

- the way in which language and multi-lingualism takes place within individuals in a cognitive-psychological sense (intra-individual and individual; psycho-linguistics);
- the way in which language and multi-lingualism between individuals is realized, acquired (transfer, teaching, training, and testing) and experienced in mutual contact of the language itself and by the individuals who use the language (inter-individual and socio-linguistically. This implies the linguistic study of language contact, language mergers, creolization, code switching, language surveys, new teaching methods and the issue of inter-cultural and bi-lingual didactics;
- the way in which language and multi-lingualism are practiced in a society in terms of policy, institutes, legal structures and strategy (governance and organizational), language strategy and planning.

Recent research activities focussed on:

- Language learning and acquisition; various aspects of bilingual and trilingual education, such as interaction in multilingual classrooms, language proficiency in different languages, teachers' qualifications for the multilingual classroom, and the development of standards.
- Stimulating and improving multilingualism; the study of role models, language attitude, language vitality, immersion programmes, position of (new) media, relation between RML and immigrant languages (IML).
- Added value of multilingualism; international comparison of social status of languages, socio-economical value of languages.

The published inventory of **Trilingual Primary Education in Europe** [Bangma, van der Meer, Riemersma, 2011] presents a number of case studies (e.g. Fryslân, the Basque Country and Finland) as well as a number of small scale initiatives in trilingual education. The results of trilingual primary schooling in Fryslân are encouraging: pupils have mastered Dutch equally well as other pupils, but Frisian better, and

they speak English more easily [Ytsma, 2007]. The model of trilingual schooling will be expanded to other schools and extended to a trilingual stream in secondary education. Research on trilingual education will focus on the actual results in terms of language command, but also on the longitudinal approach, the use of both Frisian and English as a medium of instruction, and on the implications for teacher training.

Whenever possible, research will be carried out in a comparative European perspective. On behalf of the Congress of Local and Regional Authorities (CLRAE) of the Council of Europe, Mercator has carried out the study **The Development of Minimum Standards on Language Education in Regional and Minority Languages** [De Jager, Van der Meer, 2007]. With reference to the European Charter on Regional or Minority Languages [European Charter, 1998] the present situation of ten languages in eight countries has been evaluated. The outcomes show a great variety in terms of time investment, teaching materials, teacher qualifications and the curriculum. This report will be used for the setting of minimum standards by the Council of Europe.

The series of **Regional Dossiers** meets the growing need for basic information on education in minority language settings. The dossiers present an up-to-date description of the position of a minority language at all levels in the educational system of a state. The Regional Dossiers are written by experts according to a fixed structure. Each dossier is updated once every five to eight years. In this way the dossiers can also be used for comparative research. So far, more than some 40 languages of EU member states have been covered. In the years to come the series will be extended with the coverage of other languages: smaller EU state languages, minority languages of CoE member states outside the EU and beyond. The whole series of regional dossiers is online available at the website of the Mercator Research Centre.

The **Network of Schools** consists of around 100 schools in 20 European regions where a regional or minority language is taught. The goal of the Network of Schools is to create a platform for bilingual and multilingual schools in minority regions in Europe in order to facilitate the exchange of information and experiences. The Network of Schools is intended for schools at the pre-primary, primary, and secondary level. These schools actively teach and use the minority or regional language, aside from the state language in the curriculum and they often teach English as a third language. Mercator started to create a European Net-

work of Teacher Training Institutes. Institutes which are training future teachers for bilingual and multilingual education. This Network will not only build a platform for the exchange of information and experiences, but also function as the instrument to further development of common projects in terms of language transmission, adequate levels of language command, didactics and testing.

The Mercator Research Centre organises **conferences and expert seminars** on a regular basis. Important themes for the conferences are: measurement and good practice, educational models, language vitality, development of minimum standards, teacher training, and the application of the Common European Framework of Reference. The main target groups for the Mercator Research Centre are professionals, researchers, and policymakers from all member states of the Council of Europe and beyond.

During the first years of its existence, Mercator Education has cooperated with two partners in a network structure: Mercator Media hosted at the University of Wales in Aberystwyth and Mercator Legislation hosted at the Ciemen Foundation in Barcelona. The Mercator Research Centre has expanded its network in close cooperation with a number of partner organisations working in the same field: the Research Institute for Linguistics of the Academy of Sciences in Budapest, Hungary and the Mälardalen University in Eskilstuna, Sweden.

The **Mercator European Network of Language Diversity Centres** connects multilingual communities across Europe, promoting knowledge sharing and facilitating structured exchange of best practice and cutting edge initiatives through its programme of activities. Focus lies on multilingual regions dealing with regional or minority languages, but also immigrant languages and smaller state languages, with emphasis on language needs arising from migration and globalisation.

This Network builds on the achievements of the former Mercator Network, which was founded in 1987. The specific topics chosen are: the use of media and information technology, legal provisions with respect to minority language learning, and developments in language teaching and learning. The Mercator Network aims to contribute to improving language vitality by analysing language visibility as well as cultural, economic and social opportunities for language use. The envisaged function of the Network is to be a platform for the exchange of research results, information, experience and good practice in the field of lan-

guage learning and linguistic diversity. Communication among policy-makers, language planning professionals and those involved in language transfer and teaching will take place in face-to-face meetings at annual conferences and workshops as well as through publications and in on-line activities. In addition, the Mercator Network aims to be a reference point for these target groups as well as for academics and students by providing accurate and reliable information, which can inform policy development at all levels of government and administration.

The Mercator Network is member of the **European Civil Society Platform on Multilingualism**. The platform was created as an initiative of the European Commission in 2009. Almost 30 different networks working in the field of multilingualism are member of this platform. Out of this platform a project called **Poliglotti4.eu** was initiated. This is a project promoting multilingualism in Europe. Its website reports on best practice in language policy and language learning, and provides policy-makers, teachers, learners and civil society organisations with a powerful toolkit for benchmarking and enhancing their activities in non-formal and informal education and learning sectors . The project is funded through the European Commission's **Lifelong Learning Programme**.

For all Mercator projects, Friesland is used as a living example of a bilingual laboratory. Within the Fryske Akademy, the Mercator Research Centre also takes the lead in researching the **influence of new media on the use of minority languages**. This has also been described above in the section about Afûk and recently Mercator started research on this topic. The research focuses on the influence of social media on language use. Firstly, the research analyses the language use of Frisian adolescents on social media. A study of 6,000 tweets of fifty persons in this age group has just been finished. On a regular day, 13% of the tweets are in Frisian compared to 65% in Dutch. When tweets are directed to one or more addressees (starting with @) the share of Frisian messages doubles to a quarter. In this research group (twenty-four males against twenty-six females), Frisian males tweet more in Frisian than their female counterparts. At April 18th 2013, the campaign to promote the use of the Frisian language (**Praat Mar Frysk**) organised a **Frisian Twitterday**. On this day, the Frisian language is used much more by the research group. 53% of the messages are then in Frisian, compared to 29% in Dutch. To validate these results and to get insight into language use in different contexts, demographic background data and other vari-

ables, the research will be continued with a large scale online questionnaire. The questionnaire will be both spread through social media and through secondary education.

The collected Frisian tweets are also being analysed linguistically. The input of this analysis will, among others, be used to further optimise the new spell checker that is being worked on by the Fryske Akademy. An example that can already be named now is the phonetic spelling that has been found in the analysis of the Frisian tweets. This phonetic (often wrong) spelling will be included in the new spell checker. In this way, a large range of suggestions based on the current day spelt words can be added to the spelling checker; this will make the spelling checker even more practical. Another outcome of the analysis is the regular use of code-switching: Dutch and Frisian words and characters are often mixed within one message.

As a critical note many researchers are questioning the value of social media and are concerned about the quality of the language used through these media. Social media often put limits to the physical possibilities of the user, e.g. text messaging on small mobile phones and tiny screens, or by the limits of the software, e.g. 140 characters with Twitter. For that reason the young generation feels the need to develop some kind of 'turbo' language where words are often replaced by symbols or shortened to one or two characters. In the future this development will certainly influence the use of the written languages and its possible norms.

CONCLUDING REMARKS

Within Europe, awareness is growing of the value of linguistic diversity, the need to speak different languages and the importance of safeguarding endangered languages. The case of Frisian shows a variety of aspects related to this diversity, in particular the use of spoken and written language varieties and the possibility to establish norms in the written language. It shows that new technologies can play an increasingly important role in the latter area. The advantage of social media is that they can strengthen the informal written use of minority languages such as Frisian amongst the young people and reinforce the sense of belonging to a minority language group. Only time will tell whether these new technologies will help save the Frisian language and other minority languages. So far, the signs are positive.

REFERENCE WORKS RELATED TO FRISIAN AND OTHER MINORITY LANGUAGES

- Bangma I., van der Meer C. and Riemersma A. *Trilingual Primary Education in Europe; some developments with regard to the provisions of trilingual primary education in minority language communities of the European Union*. Fryske Akademy, 2011.
- Cenoz J. and Gorter D. Trilingualism and minority languages in Europe. *International Journal of the Sociology of Language*, 2005, vol. 171, pp. 1–5.
- De Jager B. & C. van der Meer. *The Development of Minimum Standards on Language Education in Regional and Minority Languages*. Ljouwert, Leeuwarden, Fryske Akademy, 2007. 65 p.
- European Charter for Regional or Minority Languages (1998) Explanatory Report*. (ETS no. 148) Strasbourg: Council of Europe.
- Riemersma A., De Jong S., *Frisian: The Frisian language in education in the Netherlands*. Ljouwert, Mercator-Education, 2007.
- Ytsma J. Language use and language attitudes in Friesland. *Multilingualism in European Bilingual Contexts (Language use and attitudes)*. Eds. D. Lasagabaster and A. Huguet. Clevedon, Multilingual Matters, 2007, pp. 144–163.

REFERENCES TO RELATED WEBSITES

Further information can be found in the following websites about Frisian and other minority languages. Part of this report is based on texts from these websites.

www.fa.knaw.nl

Website of the Frisian Academy

www.eurolang.net/languages/frisian.htm

Minority Languages Archive

www.berneboek.nl

On the first interactive book for children

www.mercator-research.eu

Homepage of the Mercator Research Centre. The site contains the series of regional dossiers, the network of schools, a database with organisations and bibliography and many rated links to minority languages

www.mercator-network.eu/

The Mercator European Network of Language Diversity Centres and portal for the partners of the network

www.networkofschools.org

Website of the Network of Schools, a network of around 100 schools in Europe dealing with regional or minority languages in the curriculum. This network is maintained by the Mercator Research Centre

www.aber.ac.uk/~merc/

Homepage of Mercator-Media. It provides information on media and minority languages in the EU.

www.troc.es/ciemen/mercator

Homepage of Mercator-Legislation. It provides information on minority languages and legislation in the EU.

www.eurydice.org

Eurydice is the information network on education in Europe. The site provides information on all European education systems and education policies.

europa.eu.int/comm/education/langmin.html

At the website of the European Union an explanation is given of its support for regional or minority languages.

conventions.coe.int/

European Charter for Regional or Minority Languages (1992) and Framework Convention for the Protection of National Minorities (1995) European Treaty Series/Série des traités européens ETS 148 and 157, Strasbourg.

www.ogmios.org

Foundation for Endangered Languages

Тъерд Де Грааф

Доктор физических наук (теоретическая физика), магистр гуманитарных наук, лингвистика (славянские языки, компьютерная лингвистика)

Старший научный сотрудник, Фризская академия, Европейский исследовательский центр многоязычия и обучения языкам

Tjeerd de Graaf

PhD in Theoretical Physics, Master of Arts in Linguistics (Slavic Languages, Computer Linguistics)

Senior research associate at the Frisian Academy and the European Research Centre on Multilingualism and Language Learning

Fryske Akademy, Doelestrjitte 8, 8911 DX Ljouwert, The Netherlands

Статья поступила в редакцию 18.03.2016, принята к публикации 19.05.2016

УДК 811.113.4+81'37

Е. В. Краснова

Санкт-Петербургский государственный университет

ДАТСКИЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА, СОЗДАННЫЕ ПО МОДЕЛИ V+N

Рассматриваются сложные существительные с первым глагольным компонентом, которые представляют собой неоднородную группу, включающую в себя композиты как с инфинитивом, так и с глаголом в форме повелительного наклонения в качестве первого компонента. Семантический анализ сложных существительных с первым компонентом инфинитивом позволяет выделить основные типы связи между компонентами, которые можно сопоставить с номинативными моделями. Наиболее интересной представляется группа сложных слов, первый компонент которых создается в результате компрессии побудительного предложения (*bland selv-slik*, *bag selv-bryllupskeg*, *byt til nyt-koncept*, *tag selv-bord*). Некоторые из рассматриваемых элементов были заимствованы из английского языка (*gor det selv* от англ. *do it yourself*), но получили дальнейшее развитие на датской почве и стали основой для создания целого ряда сложных слов с видоизмененным первым компонентом («нарисуй сам», «покрась сам», «выучи сам», «напечатай сам», «напиши сам»). В сложных словах, созданных по данной модели, первый компонент, возникший в результате сжатия предложения, субстантивируется, принимает на себя характеризующую функцию и дает образную характеристику предмета, лица или явления, обозначенного вторым компонентом, таким образом, эта модель повторяет самую частотную в датском языке модель N+N. Некоторые из рассматриваемых в статье императивных композитов зарегистрированы в словарях, однако в устной речи, рекламе и на страницах газет появляются окказиональные образования такого типа, что свидетельствует о жизнеспособности данной модели.

Ключевые слова: датский язык, словосложение, сложные существительные, модель V+N, императивные сложные слова, компрессия побудительного предложения, окказионализмы.

Elena Krasnova

St. Peterburg State University

DANISH COMPOUND WORD, BASED ON V+N-MODEL

The article discusses compound nouns with a verbal first component; they represent a non-uniform group that includes composites both with the infinitive and with the imperative verb as the first component. A semantic analysis of compounds with an infinitive first component reveals main types of relation between the components that can be compared with nominative models. Of most interest is a group

of compounds where the first component is the result of compression of an imperative sentence (bland selv-slik, bag selv-bryllupskage, byt til nyt-koncept, tag selv-bord). Some of the analyzed elements were originally borrowed from English (gør det selv from English 'do it yourself'), but later developed against the Danish background and formed the basis for a variety of compounds with a modified first component ("draw it yourself", "paint it yourself", "learn it yourself", "type it yourself", "write it yourself"). In compounds following this model, the first component, which originated as the result of a sentence compaction, substantivizes, takes a qualificative function, and gives a figurative characteristic of an object, a person, or a phenomenon specified by the second component; thus the model repeats the most frequent in Danish N+N model. Some of imperative composites analyzed in the article are registered in dictionaries; however, occasional forms of this type appear in oral speech, advertisements, and newspapers, which proves the feasibility of the model.

Keywords: Danish, compounding, compound nouns, model V+N, imperative compounds, compression of an imperative sentence, nonce words.

Словосложение — один из основных способов пополнения словарного состава скандинавских языков и, в частности, датского языка. Классификация сложных слов и их анализ представляют собой особые трудности из-за разнообразия типов сложных слов и комплексного характера самого явления, в котором тесно переплетаются орфографические, фонетические, морфологические, семасиологические и синтаксические особенности.

Сложные существительные с первым глагольным компонентом, представляющим собой инфинитив, форму настоящего времени или форму повелительного наклонения, встречаются во всех индоевропейских языках, однако особенности реализации и продуктивность таких композитов в разных языках могут обладать своими особенностями. Н.Д. Арутюнова указывает на важность данной группы для романских языков, и в частности для испанского словообразования, в котором эти слова часто выступают в функции названия и «составляют наиболее яркий и интересный раздел» [Арутюнова, 2007, с. 205]. В работах по германскому словосложению основное внимание вполне обоснованно уделяется номинативным композитам N+N, которые составляют многочисленную и разнообразную группу, представленную семантическими структурами различного содержания. При рассмотрении композитов, созданных по модели V+N, авторы, как правило, ограничиваются описанием их в рамках группы экзоцентрических сложных слов, являющихся наименованием лица (*англ.* cutthroat

‘головорез’, killjoy ‘нытик, зануда’, pickpocket ‘вор-карманник’). Общее мнение состоит в том, что данный тип словосложения в германских языках в целом непродуктивен [Арутюнова, 2007, с. 205].

Вместе с тем группа сложных существительных, где в качестве первого элемента используется инфинитив глагола или форма повелительного наклонения, в датском языке достаточно многочисленна и, несомненно, интересна не только в связи с тем, что представлена разнообразными структурными типами, но и в связи с тем, что при ближайшем рассмотрении особенности создания целого ряда композитов данного типа могут пролить свет на некоторые универсальные законы датского словосложения.

Наиболее подробно сложные существительные с первым глагольным элементом рассматриваются в небольшом разделе в грамматике О. Хансена [Hansen, bd. 2, 1967, s. 315–318], где автор приводит примеры таких слов, анализирует их основные орфографические и структурные особенности, а также семантические отношения между компонентами сложного слова с инфинитивом на первом месте.

В грамматике датского языка, изданной почти сорок лет спустя [Allan, Holmes, Lundskar, 1995], группа сложных существительных с инфинитивом в качестве первого компонента заслуживает лишь беглого упоминания. Авторы выделяют три типа таких слов, классифицируя их в соответствии с их синтаксическими перифразами: второй компонент — субъект (rullestol = stol som ruller ‘инвалидное кресло = кресло, которое катится’), второй компонент — объект (bærepose = pose, som man bærer ‘пакет, сумка = пакет, который носят’), второй компонент — обстоятельство (skrivemaskine = maskine som man skriver på ‘пишущая машинка = машинка, на которой пишут’).

Наименее изученной на материале датского языка оказывается группа так называемых императивных сложных слов, а также слов, в которых первый компонент является инфинитивной конструкцией или стяженным побудительным предложением. Последние два типа О. Хансен в 1967 г. считает непоказательными и помещает отдельные примеры такого рода в общую группу окказиональных образований [Hansen, bd. 2, 1967, s. 319–320]. Вместе с тем за последние десятилетия наметились некоторые тенденции в развитии сложных существительных с первым глагольным компонентом.

В результате исследования на материале Датского словаря [Den danske ordbog], корпуса датского языка [KorpusDK], а также СМИ можно выделить следующие группы сложных существительных с первым глагольным компонентом.

1. Первый компонент представляет собой инфинитив (kørekort 'ехать+карточка = права на вождение автомобиля', malkepigе 'дойти+девушка = доярка', drukneulykke 'тонуть+несчастный случай = несчастный случай на воде'). В ряде случаев инфинитив используется в усеченной форме (например, byg вместо bygge 'строить' в сложном слове bygmester 'строить+мастер = подрядчик') или применяются параллельные формы (broderergarn или brodergarn 'вышивать+нитки = нитки для вышивания'). Новые слова не очень часто образуются по данной модели, примерно три четверти неологизмов из списка новых слов, регистрируемых электронным Словарем датского языка [Den danske ordbog] три раза в год, являются номинативными композитами, однако встречаются и отдельные образования с инфинитивом на первом месте (løbetights 'брюки для бега', taleradio 'разговорное радио').

Следует отметить, что параллельно с инфинитивом в качестве первого компонента могут использоваться и однокоренные существительные (sovepose 'спальный мешок', но søvngænger 'лунатик').

О. Хансен отмечает, что глаголы, основа которых заканчивается на согласную букву + ge, в сложных словах трансформируются в форму, оканчивающуюся на -er (flagre 'порхать', но flagermus 'летучая мышь') [Hansen, 1967, bd. 2, s. 315].

Не всегда представляется возможным определить, что именно является первым компонентом: инфинитив или омоним-существительное (prøverum 'примерочная', rejsekammerat 'попутчик').

2. Экзоцентрические сложные слова с первым компонентом инфинитивом, семантическое ядро которых оказывается за пределами слова (drillerind 'дразнить+палка = задира').

3. Так называемые императивные сложные слова, один из компонентов которых представляет собой глагол в форме повелительного наклонения. Эти слова, как правило, дают образную характеристику лица (Olelukøje 'Оле-закрой-глазки', Flosøге 'рви-ухо'). По этой модели созданы многие наименования, некоторые из них зарегистрированы словарями, но часть представляет собой динамичную группу окказиональных композитов, которые продук-

тивны в основном при создании прозвищ. Первый глагольный компонент может быть связан определительной связью со вторым и давать ему характеристику, а может быть и не связан (*forglemmigej* ‘забудка’).

4. Первый компонент — инфинитивная конструкция, которая подвергается компрессии и становится определительным компонентом сложного слова. Ряд композитов такого типа зарегистрирован словарями (*folde ud-pige* или *folde-ud-pige* ‘разворачивать+девушка = страница из журнала с изображением красивой девушки, которую можно повесить на стене’, *gå hjem-møde* или *gå-hjem-møde* ‘собрание «идти домой» = о собрании после окончания рабочего дня’), многие представляют собой окказиональные образования (*slappe af-dag* — досл. ‘отдыхать+день = день отдыха’). Конструкция эта, несомненно, призвана привлечь внимание читателя или слушателя и используется как средство выразительности, но вместе с тем в ней нет ничего противоречащего правилам датского словосложения, к тому же ее вряд ли можно назвать новой. Например, еще в известном романе К. Рифбьерга «Порок невинности», впервые изданном в 1958 г., используется сложное слово, первый компонент которого представляет собой стяженное предложение (*gå-hjem-fra-gilde-vej* ‘погода «идти (для прогулки) домой с вечеринки»’) [Rifbjerg, 1991, s. 70].

5. Первый компонент — конструкция с глаголом в форме повелительного наклонения, которая представляет собой стяжение побудительного предложения. В сущности, так же как и в предыдущей группе, происходит субстантивация предложения, и все оно становится определительным компонентом сложного слова, который несет характеризующую функцию и дает образную характеристику предмета или лица, обозначенного вторым компонентом (*bland selv-slik eller bland-selv-slik* ‘конфеты «смешай сам»’, *bag selv-bryllupskage* ‘свадебный торт «испеки сам»’, *byt til nyt-koncept* ‘концепт «поменяй на новое»’, *slip let-belægning* ‘покрытие «отходи легко»’ (о покрытии сковороды), *slip let-pande* ‘сковорода «отходи легко»’, *tegn og gæt-spil* ‘игра «нарисуй и отгадай»’, *stem rødt-kryds* ‘крестик «голосуй за левых»’, *arbejd efter reglerne-aktion* ‘акция «работай по правилам»’, *brug og smid væk-samfund* ‘общество «попользуйся и выброси»’). Многие из относящихся к этой модели сложных слов зарегистрированы в словарях, но регулярно

возникают новые окказиональные образования. Хотя эта группа и немногочисленна, но в последние годы можно наблюдать распространение модели такого типа, в связи с чем она представляет особый интерес в аспекте изучения номинативного словосложения и реализации творческих возможностей языка.

Отдельные примеры использования в качестве первого компонента субстантивированной формы в датском языке были известны и ранее, например в старом Словаре датского языка зарегистрировано слово *Kys-mig-om-du-kan* (-Hat) (досл. 'шляпа «поцелуй меня, если сможешь»', с доказательным примером, относящимся к 1889 г., и пояснением, что речь идет о женских шляпках с большими полями, которые носили в начале XIX в. [*Ordbog over det danske sprog*]).

Правила правописания императивных сложных существительных, первый компонент которых представляет собой сжатое побудительное предложение, регламентированы словарем и допускают два варианта: с дефисом между всеми элементами или с дефисом только перед определяемым компонентом: *brug og smid væk-samfund* или *brug-og-smid-væk-samfund* 'общество «попользуйся и выброси»' (вариант *køb og smid væk-samfund eller køb-og-smid-væk-samfund* 'общество «купи и выброси»' — об обществе сверхпотребления), *gør det selv-kursus eller gør-det-selv-kursus* 'курсы «сделай сам»' [*Den danske ordbog*]. Однако следует отметить, что в случае создания окказионализма авторы публикаций нередко отступают от этих правил и выбирают бездефисное написание.

Часть сложных слов данного типа представляет собой заимствования из английского языка. Среди них выделяются как кальки *gør det selv* или *gør-det-selv* (от англ. *do it yourself*), так и полукальки (*to go-krus* или *to-go-krus* 'чашка (кофе) «с собой»').

Некоторые из сложных существительных с первым компонентом, представляющим собой сжатое предложение, несомненно относятся к индивидуально-речевому словосложению, но часть из них зарегистрирована словарями. Слова такого типа нередко образуют целые ряды по аналогии, в частности компонент *gør det selv*, известный в датском языке с 1955 г. (например, *gør det selv-skab* 'шкаф «сделай сам»'), может свободно сочетаться с множественством в первую очередь конкретных существительных, в частно-

сти arbejde 'работа', bog 'книга', folk 'люди', kursus 'курсы', køkken 'кухня', løsning 'решение', mand 'человек', metode 'метод', projekt 'проект', værksted 'мастерская', tips 'подсказка'. В результате возникают единицы, которые легко интерпретируются носителями языка. Можно сказать, что данная словообразовательная модель достаточно стабильна, и хотя в ней и присутствуют определенные компоненты окказионального сложного слова (в частности, экспрессивность), они не привлекают внимания носителя языка и необязательно воспринимаются как новые. При этом окказиональные образования, созданные по этой модели, нередко появляются на страницах газет, в рекламе, на форумах и в чатах.

Многие из заимствованных моделей получили дальнейшее развитие на датской почве и стали основой для создания целых рядов сложных слов с видоизмененным первым компонентом (используется форма повелительного наклонения другого глагола), в частности компонент *gør det selv* привел к появлению целого ряда сложных слов с первым компонентом «покрась сам», «напечатай сам», «испеки сам», «выучи сам», «напиши сам» и т. п.: *mal selv-krus* 'чашка «нарисуй сам»', *print selv-kalender* 'календарь «напечатай сам»', *bag selv-bryllupskage* 'свадебный торт «испеки сам»', *lær selv-kursus* 'курсы «выучи сам»', *skriv selv-bog* 'книга «напиши сам»', *bland selv-slik* 'конфеты «выбери/смешай сам»'.

Таким образом, можно сказать, что для модели сложных существительных с первым компонентом V+N наметилась новая тенденция: с одной стороны, мы наблюдаем распространение композитов с первым компонентом, возникшим в результате сжатия побудительного предложения, в результате чего происходит субстантивация и исчезает «ощущение» императива, а первый компонент принимает на себя характеризующую функцию и дает образную характеристику предмета, лица или явления, обозначенного вторым компонентом; с другой стороны, как следствие указанных выше процессов модель повторяет самую частотную в датском языке модель N+N, т. е. наблюдается «тяготение» к наиболее распространенному и привычному для датского языка виду словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования. М.: Языки славянских культур, 2007. 284 с.
- Allan R., Holmes P., Lundskaer T. *Danish: A Comprehensive Grammar*. London; New York: Routledge, 1995. 628 p.
- Den danske ordbog. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 01.07.2016).
- Hansen A. *Moderne dansk*. Kbh.: Grafisk forlag, 1967. Bd. 2. 461 s.
- KorpusDK. URL: <http://ordnet.dk/korpusdk> (дата обращения: 05.07.2016).
- Ordbog over det danske sprog. URL: <http://ordnet.dk/ods> (дата обращения: 04.07.2016).
- Rifbjerg K. *Den kroniske uskyld*. Kbh.: Gyldendals Paperbacks, 1991. 185 s.

REFERENCES

- Allan R., Holmes P., Lundskaer T. *Danish: A Comprehensive Grammar*. London, New York, Routledge, 1995. 628 p.
- Arutjunova N. D. *Problemy morfologii i slovoobrazovaniia* [*The problems of morphology and word formation*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 284 p. (In Russian)
- Den danske ordbog*. Available at: <http://ordnet.dk/ddo> (accessed: 01.07.2016).
- Hansen A. *Moderne dansk*. Kbh., Grafisk forlag, 1967, Bd. 2. 461 p.
- KorpusDK*. Available at: <http://ordnet.dk/korpusdk> (accessed: 05.07.2016).
- Ordbog over det danske sprog*. Available at: <http://ordnet.dk/ods> (accessed: 04.07.2016).
- Rifbjerg K. *Den kroniske uskyld*. Kbh., Gyldendals Paperbacks, 1991. 185 p.

Краснова Елена Всеволодовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Elena Krasnova

PhD of Philology, associate professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia 199034
E-mail: e.krasnova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2016, принята к публикации 01.09.2016

УДК 811.112.5

А. А. Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ, ИЛИ ЗЕРКАЛО ГОЛЛАНДСКОЙ ДУШИ

В голландской «наивной мифологии» голландцы — это собирательный образ по имени Jan (Ян), представленный в языке в виде 74 сочетаний и выражений, в большей или меньшей степени перешедших в разряд нарицательных. Анализ сочетаемости особенностей нидерландского имени собственного *Jan* (Ян), ставшего нарицательным и употребляющегося в функции автоэтнонима, позволил выделить структурообразующие элементы голландской культуры, а также проследить эволюцию некоторых из них в процессе исторического развития. Удалось выяснить, что рассматриваемый автоэтноним содержит две ядерные семьи: «обычный парень», «средний уровень». Все остальные словосочетания образованы в основном по модели Jan + вымышленная фамилия. С точки зрения семантики модель «выше нормы» в нидерландском языке не представлена, что объясняется желанием голландца быть «одним из всех». Модель «ниже нормы» представлена самыми разными вариациями со значением «простак». Анализ сочетаний с именем нарицательным *Jan / jan* (Ян) позволил продемонстрировать лингвистическую закрепленность структурообразующих ценностей голландской культуры, таких как стремление к равенству и равноправию, умеренность во всем, отсутствие авторитетов и героев, способность позаботиться о себе в любой ситуации. Наличие столь богатого материала на примере выражений с одной ключевой лексемой демонстрирует то, что подобные «ключевые концепты» обладают замечательным свойством притягиваться друг к другу и часто появляются в текстах рядом.

Ключевые слова: нидерландский язык, этноним, автоэтноним, стереотип, имя собственное, имя нарицательное, сочетаемость.

Alexandra Yakovleva

St. Peterburg State University

NATIONAL-GEOGRAPHICAL STEREOTYPES, OR THE MIRROR OF THE DUTCH SOUL

In the “Naive Mythology” of Dutch people is their own nation — a collective image of the name Jan, presented in the language in the form of 74-combinations and expressions to a greater or lesser extent, have fallen into the category of common nouns. Analysis of distributive restriction of Dutch proper name Jan, who became a common name and is used as an endonym made it possible to identify structure-forming

elements of Dutch culture, as well as to trace the evolution of some of them in the process of historical development. It found out that the reporting endonym contains two nuclear semes: “regular guy”, “mean level”. All other combinations are formed mainly on the model of Jan + fictitious surname. From the point of view of semantics model “above the norm” does not appear in the Dutch language, which is explained by the desire of a Dutchman to be “one of the all”; “below normal level” model shows a wide variety of variations in the value of “simpleton”. Analysis of the combination of a proper name Jan will demonstrate the linguistic structure-tightness values of Dutch culture, such as the pursuit of equality and equity, moderation in all things, the lack of authority and heroes, the ability to take care of yourself in any situation. The presence of such rich material expressions with one key lexeme shows that such “key concepts” have a remarkable property attract to each other, and often appear in the texts beside each other.

Keywords: Dutch, ethnonym, endonym, stereotype, proper noun, common noun, distributive restriction.

Речь пойдет о национально-географических стереотипах, т. е. о том, каким образом в нидерландском языке отражается «наивная мифология», описывающая характеристики своей нации. Объектом анализа стали сочетаемостные особенности нидерландского имени собственного *Jan* (Ян), ставшего нарицательным и употребляющегося в функции автоэтнонима (ср. *Иван* как собирательное наименование для русского человека или *Ханс* — для немца).

Строго говоря, в лингвистике принято различать два вида этнонимов: автоэтнонимы — самоназвания народов и аллоэтнонимы — названия, данные народу другими. В сочетании с относительными прилагательными названия национальностей формируют особую семантическую группу национальных стереотипов, отражающих наивное представление народа о другом народе или о самом себе. Так, голландцы считаются *жадными* у бельгийцев, а бельгийцы, в свою очередь, слывут *глупыми* в представлении голландцев.

Необходимо отметить, что настоящее исследование описывает лишь языковую реальность, т. е. особенности языкового поведения обозначенной группы слов. Не секрет, что закрепленные в языке сочетания этнонимов с определенным качеством могут быть никак не связаны с реальной действительностью, поэтому всестороннее изучение «справедливости / несправедливости» определенной характеристики — сфера интереса других дисциплин. Нас интересовала не степень правильности словосочетания как такового,

а то, что мы назовем *лингвистической отмеченностью* сочетания. А именно — синтагма признается лингвистически отмеченной для данного исследования, если она «может обозначать некоторую *стандартную* (лексикографически закрепленную) *модификацию* определенного качества. Ни наличие, ни отсутствие лингвистической отмеченности а priori, само по себе никак не связано с реальностью / распространенностью / типичностью данного качества у данной группы людей, лингвистическая отмеченность — следствие весьма прихотливой языковой воли, подчиняющейся собственным законам» [Рахилина, 2010, с.96]. В частности, многие наблюдатели пишут о *русской терпеливости*, которая, однако, не вошла в русский язык, или о *лени* и *сибаритстве* для обозначения восточного человека как лингвистически отмеченные в русском языке, но свойственные, как известно, далеко не всем восточным людям [Рахилина, 2010, с.95–105]. Таким образом, *национальный характер* здесь следует понимать как фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов [Шмелев, 2000, с.338].

Наличие закрепленных в языке определительных синтагм о каком-либо народе — вещь сама по себе показательная. Как правило, лингвистически отмеченным оказывается представление о соседях (для нидерландского этноса это бельгийцы, немцы и французы), а также о народах, связанных общей историей или контрастных по большому набору характеристик. Так, русский язык демонстрирует богатую вариативность прилагательного *немецкий* с названиями качеств, причем большинство из них прямо противопоставлены русским (ср.: «Что русскому здорово, то немцу смерть»), а вот представление о голландцах в русском языке отсутствует, по крайней мере на уровне лингвистических данных.

В то же время совершенно особое место голландцы, по понятным историческим причинам, занимают в языковом сознании англичан. Выражений с аллоэтнонимом *Dutch* в английском языке сотни: *Dutch party* (вечеринка, на которую приходят со своим алкоголем), *Dutch condolence* (скупое сочувствие, например: «понижили в должности — радуйся, что не уволили»), *Dutch concert* (кто во что горазд), *Dutch uncle* (человек, вечно поучающий других), *Dutch crossing* (переход перекрестка наискосок, как в прямом, так и в переносном смысле) и др. Все эти голландские стереотипы име-

ют ярко выраженную негативную окраску — расчетливость, скупость буквальная и эмоциональная, прагматичность, желание поучать всех и каждого, жажда наживы любой ценой, самодурство.

Примечательно, что новые словосочетания на основе этнонимов образуются по сей день. Х. Плей отмечает появление в 2000 г. в газете «Вашингтон Пост» глагольного сочетания *Dutching the food* (досл. *голландить еду*) для обозначения мошенничества сети американских супермаркетов, облучавших ультрафиолетом продукты питания с почти истекшим сроком годности, чтобы продавать их на несколько дней дольше [Pleij, 2010, CD 1: track 6–9]. Американцы, для которых *жажда наживы любой ценой* традиционно ассоциируется с национальной голландской чертой, это выражение моментально поняли, приняли и взяли на вооружение. Подобные примеры демонстрируют актуальность темы, а также то, что устоявшиеся национальные стереотипы, складывавшиеся веками, продолжают не только копироваться другими или собственным языком, но и видоизменяться под влиянием современных условий. Еще один пример такой исторической эволюции, который приводит Х. Плей, — понятие *Dutch wife* (досл. «голландская жена»), появившееся во время Второй мировой войны у японцев на территории оккупированной Индонезии для обозначения подушки, заменявшей японским солдатам женщину. В современных японских магазинах эротических товаров под этим английским названием продаются надувные резиновые женщины, копирующие представление японского потребителя о голландцах как о нации, где все должно быть *недорого, быстро и удобно*.

Рассмотрим психолингвистический аспект проблемы. Некоторые качества и характеристики по тем или иным причинам все же вошли в язык, и, как следствие, говорящие на определенном языке действительно *приписывают* соответствующие качества их носителям. Об этом, в частности, пишет Кобозева [Кобозева, 1995], а уже упоминавшийся Х. Плей в цикле лекций по истории нидерландской культуры утверждает, что так называемым коллективным менталитетом продиктованы многие модели поведения человека или целых групп людей. Это выражается, в частности, в желании противопоставить себя приписываемому качеству (например, некоторые голландцы оставляют за границей в ресторанах слишком большие чаевые, чтобы не показаться жадными и выделиться

на фоне большинства соотечественников) [Pleij, 2010, CD 1: track 2–5] и играет роль в процессе воспитания и образования (например, когда русским детям в школе рассказывают о том, что нужно читать книги, ведь русские — самая читающая нация).

Говоря *мы* — *русские* или *мы* — *голландцы*, каждый из народов подразумевает определенный набор качеств, которыми он наделяет собственную нацию как общность, снова оговоримся, не всегда будучи правым. Тем не менее рискнем предположить, что характеристики, даваемые нацией самой себе, будут иметь больше совпадений с реальностью, чем взгляд на другие народы со стороны, по причине большей осведомленности, а также окажутся более взвешенными, без «перехлестов» в сторону отрицательных черт. В ходе исследования лингвистической отмеченности национальных качеств голландцев, приписываемых ими самим себе, их самоидентификации, обнаружилось две любопытные закономерности, которые во многом повлияли на выбор темы, подход к материалу и постановку задачи.

Во-первых, лингвистически отмеченных определительных синтагм с этнонимами *Nederlands* (нидерландский) или *Hollands* (голландский), которые хоть как-то характеризовали бы народ, не оказалось. В этой связи уместно вспомнить высказывание классика нидерландской литературы XX в. В.Ф.Херманса, произнесенное одним из его персонажей: «У каждого голландца глубокое чувство неприязни по отношению к Голландии. Это наша главная национальная черта» [Hermans, 1992].

Во-вторых, исследование показало, что выражений, характеризующих самих голландцев, в нидерландском языке немало, но существуют они «от третьего лица». Подобная «опосредованная» манера говорить о себе вполне соотносится с такими выделяемыми многими исследователями национальными чертами голландцев, как желание *быть как все, умеренность*, стремление *не выпячиваться*.

Итак, в «наивной мифологии» голландец — это собирательный образ по имени *Jan* (Ян), представленный в языке в виде 74 сочетаний и выражений, в большей или меньшей степени перешедших в разряд нарицательных, а также ставших впоследствии частью сложных слов. Анализ этих выражений дает возможность выделить структурообразующие элементы голландской культуры,

а также проследить эволюцию некоторых из них в процессе исторического развития. Отметим также ощущение непереводаемости подобных сочетаний на иностранные языки, учитывая плотность их ассоциативных полей.

В механизме, предполагающем мотивированность языковых форм, в принципе «нет места семантическому противопоставлению между словоизменением и словообразованием: все формы строятся по регулярным моделям, но в то же время их интерпретация апеллирует к семантике исходной лексемы» [Рахилина, 2010, с. 105]. Поэтому предлагается представить сочетания для обозначения жителя Нидерландов в виде лексико-семантического поля, где самыми широкими, корневыми оказываются: *Jan* (Ян), *Kees* (Кейс), *Kaas* (Сыр), *kaaskop* (сырная башка), а также сочетание *Jan Kaas* (Сырный Ян) и его уменьшительная форма *Jantje Kaas* (Сырный Янчик). По сути дела, все наименования сводятся к двум корневым понятиям — *Jan* (Ян) и *kaas* (сыр)¹, причем к семантической модели **имя собственное + определение**, где в функции определения может выступать как существительное, так и другое имя нарицательное или более сложное лексическое образование (согласно толковому словарю лексема *Jan* (Ян) в нидерландском языке может фигурировать как имя собственное *Jan*, имя нарицательное *jan*, местоимение *jan*, первая часть сложного слова *jan-*, глагол *jannen*).

Имя собственное *Jan* (Ян), образованное от библейского *Johannes* (Иоанн), служит для обозначения мужчины или юноши вообще в самом широком смысле — отсюда выражения *Jan en de hele wereld* (Ян и весь мир), *Jan en alleman* (Ян и все), а также сочетание с вымышленной фамилией *Jan Publiek* (Ян Публика), что значит *широкая публика*. Кроме того, встречаются варианты со сниженной коннотацией, например *Jan Rap en zijn maat* (Ян От-

---

¹ Можно с большой долей вероятности утверждать, что имя *Kees* (Кейс) в данном значении сводится не к сокращенной форме имени *Cornelis* (Корнелиус), а к одному из диалектных вариантов произношения слова *kaas* (сыр), о чем, в частности, пишет толковый словарь Ван Дале, считая *kaas* и *Kees* в популярном голландском выражении *Klaar is Kees!* (досл. «Кейс готов!»), означающем то, что говорящий завершил какое-то дело, вариантами слова *kaas* (сыр). Кроме того, имя *Kees* для обозначения голландца скорее аллоэтоним, поскольку так в шутку голландцев называют бельгийцы, причем есть все основания полагать, что здесь также «зашифрован» намек на сыр в сочетании с провинциальным произношением этого слова самими голландцами.

бросов и товарищи), т. е. *каждый встречный и поперечный*, в некоторых контекстах *всякий сброд*. Для обозначения *всех и каждого* также используется выражение, состоящее только из имен собственных, — *Jan, Piet en Klaas* (Ян, Пит и Клаас). Удалось выяснить, что все эти имена по отдельности вызывают разные ассоциации. Поскольку большинство мужчин в Нидерландах по своему роду деятельности были так или иначе связаны с морем, то *jan* (ян) как имя нарицательное — это моряк, матрос или его «сухопутный» вариант — официант, затем оно приобрело значение *простонародье, чернь*. Другое имя — *piet* (пит) — в функции имени нарицательного обозначает человека со статусом: *een hele piet* (досл. «целый пит») *важная птица, de hoge pieten uit Den Haag* (досл. «важные птицы из Гааги») *влиятельные люди, een piet in iets zijn* (досл. «быть питом в чем-либо») *разбираться в чем-либо, de grote piet uithangen* (досл. «играть важного пита») *вести себя надменно*. В той же функции *klaas* (клаас) вызывает ассоциации по внешнему виду — *верзила, неповоротливый малый*. Получается, что имена выбраны неслучайно, а Ян, Пит и Клаас — это все общество, условно говоря, *бедный, богат и чудака*, где Ян — это простой малый, представитель народных масс, некий эталонный представитель народа.

Значение эталона, уровня, по которому можно измерять, равнять, встречается и в других выражениях, например *Jan Modaal* (Средний Ян) *средний голландец*², *boven Jan zijn* (досл. «обогнуть Яна») *преодолеть проблемы / набрать половину очков / перевалить через экватор* (например, при сдаче сессии) / *добраться до дома* или биржевой термин *bij Jan zijn* (быть у Яна) *добиться получения инвестиций*.

Характерны вошедшие в язык многочисленные сочетания рассматриваемой лексики в том числе с вымышленными или реальными фамилиями, конкретизирующие основное значение определяющего слова: *Jan Boezeroen* (Ян в робе) *рабочий, Jan Patat* (Ян Картошкин) *простолюдин, Jan Grabbel* (Ян Хватайкин) *мелкий обыватель, Jan met de pet* (Ян в кепке) *простой обыватель, рабо-*

---

² И. Б. Братусь приводит такие данные: по статистике, средний голландец — это человек с годовым доходом 30 тыс. евро, который съедает в год 84 кг мяса и 208 яиц, выпивает 100 л алкогольных и 98 л прохладительных напитков, 3–4 раза обращается к врачу, из автомобилей предпочитает «Фольксваген» и «Опель» [Братусь, 2015, с. 117].

чий, *Jan de loodgieter* (Ян сантехник) *простой человек, zo komt Jan Splinter door de winter* (так Ян Щепкин проживет зиму) *простой мужик должен позаботиться о себе сам.*

Отдельного комментария заслуживают сочетания лексемы *jan* с лексемой *kaas* (сыр). Если учесть, что *Kaas* (Сыр) — белокожий голландец (ругательство, употребляемое иммигрантами), а *kaas-kor* (сырная башка) — голландец по рождению, то их сочетание с рассматриваемым именем — это голландец «в квадрате». Действительно, если сочетанием *Jan Kaas* (Сырный Ян) обозначают моряков низшего ранга, а также простонародье, чернь, то уменьшительная форма *Jantje Kaas* (Сырный Янчик), хоть и с пометой «устаревшее», стало прозвищем самого короля Виллема I, а вслед за ним всех подданных — голландских солдат или, в более узком смысле, солдат колониального войска. Отметим ряд существенных деталей.

Во-первых, столь фамильярное, на первый взгляд, прозвище для монарха весьма ожидаемо в Нидерландах, где отсутствие авторитетов — одна из главных национальных черт. Между тем называть монарха «одним из народа», «таким, как все» — наивысшая похвала и по сей день. Х.Плей отмечает, что любой публичный человек в Нидерландах должен казаться «в доску своим парнем», в противном случае на карьере можно поставить крест. Поэтому попадание в нелепые ситуации и выставление себя в «неприглядном» свете — необходимая составляющая имиджа любого публичного голландца [Pleij, 2010, CD 2: track 1–3].

Во-вторых, характерно положительное значение форм с уменьшительным суффиксом по сравнению с их эквивалентом без такового. Это касается как примера, приведенного выше, так и самой лексемы *jan* и ее уменьшительного варианта *jantje* (янчик), обозначающего: 1) военный матрос; 2) голландский солдат; 3) смельчак; 4) подушка для опоры. Одна из немногих откровенно положительных характеристик встретилась также в сочетании с уменьшительным суффиксом: *Jantje Stap allemachtig* (Янчик Семимильный) *человек, быстро и уверенно идущий вперед*. Замечено, что использование уменьшительных существительных само по себе может создать ощущение уюта [Левонтина, Шмелев, 2000, с. 346]. Экзистенциальное «умиление» перед всем маленьким напрямую связано с описанным выше любованием простотой, позволяя составить

ассоциативный ряд к определению «хороший» — *маленький, простой, такой же, как я.*

В-третьих, сочетание *Jan Kaas* (или его вариант *Kees*) вошло в английский язык как известное *yankee* (янки), поскольку именно так в XVII в. англичане пренебрежительно называли голландцев, а впоследствии это слово заимствовалось из английского языка во многие другие, в том числе и в русский.

В-четвертых, отметим стеснительно-ироничное отношение голландцев к собственной армии и военным действиям как таковым. Большинство голландцев — ярые антимилитаристы, в Нидерландах нет памятников военачальникам или генералам, и героизация голландцам не свойственна, зато вызывают симпатию простой солдат, пехотинец, моряк, матрос, о чем говорит наличие в языке выражений: *Jan Compagnie* (персонификация Ост-Индской компании), *Jan Courage* (Ян Кураж) *отважный моряк*, *Jan Kordaat* (персонификация голландского солдата), *Jan Fuselier* (Ян Пехотинец) *пехотинец с ружьем* (в Индонезии). Иными словами, если и есть герой, то это простой голландский солдат, причем его деперсонифицированный образ: *Al is Jan Pieters dood daar leeft nog zijns gelijke* (досл. «Хоть Ян Питерс и умер, равный ему еще жив») *есть герои в нашем Отечестве*, причем, вопреки ожиданиям, Ян Питерс — это не конкретный исторический персонаж, а собирательный образ храброго воина.

Следующая группа выражений имеет в своем значении ухудшение основного признака: *Jan Joker* (Ян Джокер) *простофиля*, *Jan Eepoor* (Ян Одноух) *простак*, *Jan Kalebas* (Ян Бутылочная Тыква) *хвастун*, *een felle jan* (страстный Ян) *хвастун*, *'t is een jan van een brat* (не ежевика, а Ян) *хвастун*, *Jan Vlegel* (Ян Цеп) *невежа*, *Jan met de korte achternaam* (Ян с короткой фамилией — намек на голландский аналог русского нецензурного слова, также состоящего из трех букв) *придурок*, *Jan de Wasser* (Ян Полоскун) *подкаблучник*, *een slap jantje* (вялый Янчик) *бесполезный человек*, *Jan de Rijmer* (Ян Рифмач) *посредственный поэт*, *Jantje Soet* *сутенер*, *Jantje Beton* (Янчик Бетон) *ребенок, который скучает на природе*, *Jan Starpnetjes* (Ян Осторожный) *осторожный человек*.

Особую группу образуют выражения, обозначающие размер: *jan* (ян) *нечто важное, весомое*, *'t is een (hele) jan* (это (целый) Ян) *крупный парень*, *'t is een jan van een brat* (не ежевика, а Ян), *een jan*

van een appel (Ян среди яблок) *большое яблоко*, *een grote jan uithangen* (играть большого Яна) *важничать*, *een echte jan* (настоящий Ян) *начальник*. Сюда же, на наш взгляд, относится глагол *janpen* (досл. «янить») *играть важного*, а также выражение *jan van ras* *подходящий жених*. Значение размера, по всей видимости, возводится к семе «эталон», «стандарт», речь о которой шла выше. Выходит, что при всей простоте и обыкновенности Ян все же *большой и важный*, а это значит, что, условно говоря, быть Яном хорошо и правильно.

Еще одна традиционно голландская тема — банки, финансы и торговля — также представлена в анализируемых сочетаниях: *Jan oom* (дядя Ян) *ломбард / банк, выдавший кредит*, *het is hier Jantje Contantje* *здесь платят наличными*, *Jan Krediet* (Ян Кредит) *торговец, везде получающий выгоду*, *Jan Snotneus* (Ян Сопливый) *процентщик*.

К периферии анализируемого поля относятся сочетания, где лексема *jan* полностью утратила признак одушевленности: *Jan Gat* (Ян Дыра) *заброшенный город*, *wijn van Jan Langarm* (вино от Яна Длиннорукого) *вино из помпы*, *Jan Bil z'n wagen* (тачка Яна Ягодицына) *педальная тачка*, *Jan Langbeen* (Ян Длинноногий) *смерть*, *Jan* (Ян) *церковная колокольня*, *de vierkante Jan* (квадратный Ян) *можжевельная водка*, *Jan plezier* (Ян удовольствие) *многоместный крытый прогулочный экипаж*, *jan-in-de-zak* (Ян-в-кармане / мешке) *пирог из дрожжевого теста с цукатами*.

Анализ сочетаний с именем нарицательным *Jan / jan* (Ян) позволил выявить основные представления голландцев о самих себе как о народе, а также продемонстрировать лингвистическую закреплённость структурообразующих ценностей голландской культуры, таких как стремление к равенству и равноправию, умеренность во всем, отсутствие авторитетов и героев, способность позаботиться о себе в любой ситуации. Кроме того, в рассмотренных выражениях нашли отражение колониальная история страны, кальвинистские ценности и предпринимательский талант нации.

ЛИТЕРАТУРА

Братусь И. Б. Нидерланды: Лингвострановедческий словарь. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 284 с.

- Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338–347.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 448 с.
- Шмелев А. Д. Широта русской души // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357–367.
- Hermans W. F. De tranen der acacia's. Amsterdam: G. A. Van Oorschot B. V., 1992. 424 p.
- Pleij H. Cultuurgeschiedenis van Nederland. Hoorcollege over de historische ontwikkeling van de Nederlandse identiteiten. NRC Academie, 2010. CD 1–4.

REFERENCES

- Bratus' I. B. *Niderlandy: Lingvostranovedcheskii slovar'* [*The Netherlands: Linguistic and cultural dictionary*]. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbU Publ., 2015, 284 p. (In Russian)
- Hermans W. F. *De tranen der acacia's*. G. A. Van Oorschot B. V. Publ., 1992. 424 p.
- Kobozeva I. M. Nemets, anglichanin, frantsuz i russkii: vyivavlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsii etnonimov [A German, an Englishman, a Frenchman and a Russian: national character stereotypes identification through the analysis of ethnicons connotations]. *Vestnik MGU. Series 9. Phylology*, 1995, no. 3, pp. 102–117. (In Russian)
- Levontina I. B., Shmelev A. D. [Native open spaces]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [*Logical analysis of language. Languages of spaces*]. Eds. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 338–347. (In Russian)
- Pleij H. *Cultuurgeschiedenis van Nederland. Hoorcollege over de historische ontwikkeling van de Nederlandse identiteiten*. NRC Academie Publ., 2010. CD 1–4.
- Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [*Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 448 p. (In Russian)
- Shmelev A. D. [The breadth of the Russian soul]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki prostranstv* [*Logical analysis of language. Languages of spaces*]. Eds. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 357–367. (In Russian)

Яковлева Александра Алексеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Alexandra Yakovleva

PhD of Philology, associate professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia 199034
E-mail: yakosasha@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.06.2016, принята к публикации 01.09.2016

UDC 811.113.5

Agnija Platace

University of Latvia

ENGLISH LOANS IN LATVIAN AND NORWEGIAN SPORTS COLUMNS IN THE POST-WAR PERIOD

The author of the article examines forms of English borrowings in sports articles in Latvian and Norwegian during the period 1946–2005. The present contrastive analysis reveals similarities and differences of anglicisms as part of the Latvian and Norwegian language vocabulary and tendencies of equivalent formation.

The collected data illustrates assimilated loans, hybrids and non-assimilated words. The English pattern shows a tendency to be more favoured in Norwegian than Latvian. Among non-assimilated forms we find instances of original forms with Norwegian inflections and hybrids where one of the components is English, but the other — Norwegian.

The attitude towards borrowing from English seems to be rather similar in both languages though with a stronger tendency towards openness in the Norwegian language environment throughout the whole period under research. It can be explained with several factors, such as the language typology and language contact time scale within the Norwegian speaking society and its English language competence. Though now preference for English borrowings has evened out, there is still greater openness to anglicisms in Norwegian than Latvian.

Keywords: English loanwords, Norwegian, Latvian, sport, newspaper, post-war period.

Агния Платаце

Латвийский университет

АНГЛИЙСКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В ЛАТЫШСКИХ И НОРВЕЖСКИХ СПОРТИВНЫХ КОЛОНКАХ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются формы английских заимствований в статьях о спорте на латышском и норвежском языках в период 1946–2005 гг. Данный сопоставительный анализ показывает сходства и различия в употреблении англицизмов в составе лексики латышского и норвежского языков и тенденции формирования эквивалентов.

Собранные данные приводят примеры ассимилированных заимствований, гибридов и неассимилированных слов. В рамках исследования выявляется, что заимствование английских слов более распространено в норвежском языке, чем в латышском. Среди неассимилированных форм можно обнаружить примеры

оригинальных форм с норвежскими окончаниями и гибриды, где один из компонентов взят из лексики английского языка, а другой — из норвежского.

Отношение к заимствованию из английского языка представляется весьма похожим в обоих языках, хотя и с более ярко выраженной тенденцией к открытости в среде норвежского языка, наблюдаемой в течение всего исследуемого периода. Это можно объяснить рядом факторов, таких как типология языка и временная шкала языкового контакта и уровень знаний английского языка в норвежском обществе. Несмотря на то что в настоящее время употребление английских заимствований выровнялось, открытость к англицизмам всё ещё остаётся более выраженной в норвежском языке, чем в латышском.

Ключевые слова: английские заимствования, норвежский язык, латышский язык, спорт, газета, послевоенный период.

There is a rather common assumption that the language is Great Britain's biggest export goods [Johansson, 1992, p. 65]. The present-day processes reveal that the dominant role of the Anglo-American world has been increasing the number of words borrowed from English. No doubt, it inevitably leaves an impact on different domains in the development of a particular language. The aim of the present paper is to trace linguistic similarity and difference in terms of the usage of anglicisms in the field of sports in Latvian and Norwegian in the post-war period, focussing both on the linguistic influence and the factors that have determined it.

A wide range of sporting activities were already established in the ancient times, however the term *sports* comes from the Old French (www.sn.no/idrett). In the 16th and 17th century this term was used by the British upper class referring to different recreational activities (ibid.). Having been borrowed into English, the term may well have furthered its spread in a global scale. In the paper the term *anglicism* denotes any borrowing from English without specifying its anglophone area. It is claimed that [Görlach, 2007, p. 732; Svartvik & Leech, 2006, p. 158] the differences between British English and American English are decreasing, as a result it is difficult to determine the source of anglicisms and once having been established in British English, Americanisms become Britishisms.

In Latvian word-stock the borrowing *sports* appears to be registered first in the edition "Svešu vārdu grāmata" [Dravnieks, 1886] meaning *pastime*, e. g., *riding*, *running*. Physical events used to be popular in the territory of Latvia long ago. Best evidence of Latvians' interest in games and plays, in the modern meaning 'sports', can be found in the Latvian folksongs [Čika, Gubiņš, 1970]. As one of the games can be mentioned the ritual with a kind of a disk, the symbol of the sun, which was stroked

and pushed. Although the mentioned cult activity has disappeared, the game with a puck is still alive.

The origin of the Norwegian word *idrett* in the meaning of sport comes from Old Norse. The term was first used to denote competence and skills both in the art and sports. The term has retained its meaning in the domain of sports, nevertheless the findings of linguists show that the English *sport* is used twice as much [Johansson, Graedler, 2002, p. 90]. The Old Norse word has preserved its meaning as *friidrett* in the name for track and field athletics.

The birth of modern sports originated in Great Britain at the end of the 19th century and soon spread as a worldwide phenomenon manifesting its vocabulary in many languages and accounting for the English language dominance in the sports domain. Norwegian linguist Stene [Stene, 1945] in her research on English borrowings in Norwegian in the 1930s concludes that the largest group or one fifth of 530 excerpts denote terminology of sports. Latvian linguist Baldunčiks [Baldunčiks, 1987] having analysed sports lexis in Latvian, mentions the fact that its terminology includes over one hundred anglicisms.

Material for the research was drawn from items selected in articles on sports as extracted from the largest Norwegian and Latvian national newspapers, all in all 60 copies. Thus a cross-linguistic investigation in a diachronic aspect seeks to reveal the role of Anglo-American values in the two recipient languages. The collected data are divided into (1) the socio-historical context with regard to Soviet and contemporary Latvia vs. post-war Norway and (2) the degree of assimilation in terms of assimilated/ non-assimilated forms and hybrid words. The approximate date of entering the receiver languages has been determined by using dictionaries. The contrastive analysis (research of the material as published in five years with a time-span of 50 years: from 1946 till 2005) provides a number of findings.

Assimilated Forms and Hybrid Words

Anglicisms in Sports Language of Soviet Latvia

The development of Latvian sports terminology has been affected by Russian, the closest language in contact in the Soviet period. It is revealed both in word-for-word translation and in borrowings from other languages with Russian as the intermediary language.

Thus, for example, until 1991 sports terminology in oral speech was mainly used in Russian [Švinks, 2004]. Although the newspaper under research had the largest circulation in Latvia, the sports column is not among the themes of major importance. In the eighteen issues of 1946, 1960 and 1975 only one new English borrowing — *presings* ‘*pressing*’ — was found [Cīņa, 1975].

“Cīņa”, the official daily newspaper of the Communist Party in the post-war period, focuses on sports news in a couple of columns, listing mainly scores and covering the Soviet Spartakiad events, hardly ever descriptions of a particular game itself. It can be attributed to the fact that the media were used as an outlet for expressing government’s views, as a political instrument and control in form of censorship. Within the lines of the then state policy of the former Soviet Union the themes discussed in articles of post-war period comprised domestic news including topics like lengthy speeches and obituaries of the state leaders, crops productivity, increase of harvesting, etc., did not require the use of new anglicisms. The vocabulary of the media in Latvian was restricted by constant repetition of the above mentioned themes. By suppressing information divergent from the then political views, the policy of censors was to differentiate between “our” vs. foreign or welcome vs. unwelcome word stock. Hence, if there are to be found new English borrowings in other domains, they were usually in their assimilated forms. Moreover, the fact that there were relatively few English loan words in the post-war Latvia can be explained by a limited contact with the westernization process in Europe.

Anglicisms in Sports Language of Contemporary Latvia

The end of the 20th century brought rapid changes in the language community facing the globalisation processes with English as a dominating language. Articles of 1991 and 2005 contain more detailed descriptions of games and movements, however new borrowings have not been excerpted from the issues of 1991. This is due to economy in transition with focus on a number of resolutions and laws passed by the government and authorities that dominate in the newspaper “Diena” under study, a four page issue at that time.

Certain parallels between Latvian and Norwegian concerning borrowing occurrences in 2005 appear in assimilated and non-assimilated forms. Owing to language typology, the borrowed word is mostly in-

tegrated into the grammar and orthography system of Latvian. For instance: *skeitošana* 'skating', *sērfotāji* 'surfers', *drafts* 'draft'.

The use of the term *draft* in Latvian is still rather uncertain. The borrowing has been registered with different forms of spelling in dictionaries of foreign words in Latvian, both with a short vowel *drafts* [PLSV, 2004] and a long one *drāfts* [ibid; ISV, 2005]. No doubt, it allows language users to use the most attractive parallel form of their choice.

Anglicisms in Sports Language in Norway

The sociolinguistic climate of the 20th century is marked by the internal linguistic competition between the two written standards — Bokmål and Nynorsk, changes and spelling reforms in both the standards, and implementation of the so-called Samnorsk [Common Norwegian] policy to end the language struggle [Jahr, 2002; Linn; 2010; Vikør, 2010]. However, this language planning strategy carried out with a goal to develop one written standard in the period 1915-1964 finally was terminated in 1981 [Jahr, 2002]. As a result, there was a relatively weak involvement of the Norwegian Language Society, today the Language Council, in developing uniform strategies of standardization of English loans and dealing with English-American linguistic and cultural influence. Although in the post-war period we find some sporadic attempts from officials representing the language body to draw attention to the growing processes of borrowing, apart from accepting assimilated forms of some particular loans no significant measures are taken. Only in 1998 the Norwegian Language Council passed principles for standardization of English borrowings. Nevertheless, since Bokmål speaking community is rather anti-purist, attempts to assimilate the spelling of more recent loan words meet with resistance [Vikør, 2010].

The turn of the 21st century is characterized by preservation of the language from external pressure in form of English borrowings. Hence, the main language strategy set forth by several institutions is to ensure the future of the national language (e.g. a survey on the language situation *Norsk i hundre!* (Norwegian at full speed!) issued by the Norwegian Language Council in 2005 and *Mål og mening* with a subtitle *A complete Norwegian language policy* by The Ministry of Culture in 2008).

Throughout the whole period under study Norwegian media coverage of sports is quite analytic with frequent usage of English terminology. A number of borrowings belong to such sports as tennis and foot-

ball. Some of the borrowings are assimilated by the use of the article for nouns: *centercourten* 'the centercourt' [Aftenposten, 1946], *en sidehalf* 'a sidehalf' [Aftenposten, 1960]

Other examples include plural forms:

tacklinger 'tacklings' [Aftenposten, 1946], *windsurferne* 'windsurfers' [Aftenposten, 1975], *steeplerne* 'the steeplers' [Aftenposten, 1975], *stayerne* 'stayers' [Aftenposten, 1960]

The distinctive feature of Norwegian hybrids is their way of formation. They are typically made up with the first element in English and the second one in Norwegian. The first part of the compound usually is not declined and is in a singular form, therefore it allows to introduce the borrowing in its non-assimilated form. Thus:

stayerløp 'stayers' race' [Aftenposten, 1960], *passgjengere* (*pacersløp*) 'pacers' run' [Aftenposten 1975], "fitness"-bransjen 'the fitness branch' [Aftenposten, 1991], "fitness"-klubber 'fitness clubs' [Aftenposten, 1991], *hardcourt-mesterskapet* 'hardcourt championship' [Aftenposten, 1991]

In the last example describing equestrian events, the journalist has made up a hybrid word in the brackets (*pacers' run*) after the Norwegian word, thus partly retaining the original name for the notion and further in the sentence supplementing it with the explanation 'this new type of pace'. The Norwegian explanation introduces a new meaning in horse riding *passgjenger* 'pacer', while the English element might have been used for clarity of expression among people competent in this sport.

Norwegian press articles are quite open to English. It is reflected both in assimilated single words and word-groups which rarely are provided with a translation or an explanatory note, for example:

birdie [Aftenposten, 2005], *boner ut en indy grab* — *strekker armen i været* 'stretches his arm in the air' [Aftenposten, 2005]

However, articles on golf or snowboard are usually looked through by a small readership who most probably has a good command of a particular terminology in English. All golfing terms (except for *golf* itself) tend to be known to specialists only [Görlach, 2005, s. 22]. It allows to borrow the English pronunciation and leads to the snob value of the sport. The anglicism *birdie* ('a score of one stroke under par') has been included in Norwegian language dictionary [NO, 2005].

Non-Assimilated Forms

Anglicisms in Sports Language in Contemporary Latvia

New types of sports demand new equivalents in recipient language both for rules and names for sports. Terminology of new sports is often borrowed non-assimilated, especially if it is difficult to make a short equivalent. Journalists not being capable of producing equivalents in their mother tongue, quite frequently prefer to retain the original term though letters (e.g. *y*) and letter combinations are foreign to Latvian. For instance from Diena, 2005:

freely, play-off, play off

The excerpted anglicism *play-off* has several variants, hyphenated and as a word-group term. The non-assimilated borrowings tend to be written italics drawing reader's attention to code switching and inappropriate use in the text. However, recently there has been observed the increasing use of the Latvian equivalent *izslēgšanas sacensības/ spēle* 'contest/ game which involves exclusion' for the term *play-off*, a descriptive term accepted by Terminology Commission.

Anglicisms in Sports Language in Norway

As mentioned before, in Latvian newspaper texts English borrowings are usually found in their assimilated forms while in Norwegian there is quite a widespread tendency to use English borrowings as a part of the Norwegian word-stock. Norwegian being a Germanic language of partly analytical type accounts for the presence of English elements in Norwegian. It is claimed [Graedler, Johansson 2002, p. 77] that English as a first foreign language introduced in primary school education in 1935 has probably facilitated competence of the Norwegian society in English which in turn allows to convey the meaning with the help of borrowings from English.

The aim of sports advertisements is to sell different services and goods. The use of borrowings often accounts for prestige, especially to denote new terms and objects. Thus in Aftenposten, 1991 one can come across:

work out, kickboxing, offroad/ mountain veltepetter 'bicycle'

The Dictionary of Anglicisms in Norwegian [Anglisismeordboka, 1997] lists all the four above mentioned borrowings. Several parallel

non-assimilated forms can be found for the term *off-road*, e.g. *off-road*, *off road*, *offroad* and *kickboxing*, e.g. *kickboxing*, *kick boxing*. The assimilated form *kickboksing* is included in the dictionary of the Norwegian Language [NOI, 2005]

Some Norwegian linguists [Johansson, Graedler, 2002] stress the fact that in the first stage of assimilation nouns tend to have the English plural inflection –s. Thus:

Go-Karts [Aftenposten, 1960], *time-outs* [Aftenposten, 1991]

The Norwegian language dictionary [NO, 2005] for the entry *go-cart* provides two plural forms — the assimilated and the non-assimilated one. Some dictionaries have included all the possible parallel forms for the mentioned borrowing, e.g. *gokart*, *go-kart* or *go-cart*. For instance:

Go-Kart [Aftenposten, 1960], *midget* [Aftenposten, 1960], *tie-break* [Aftenposten, 1991]

The Old Norse element as in track and field athletics originally is connected with the names for skiing disciplines. Old Norse mythology mentions the goddess of skiing, and the famous Viking kings usually were characterized as skiers with exceptional skills. Nevertheless, such names for modern skiing sports as *freestyle*, *super-G* is of English origin. English as the intermediary language reveals its influence, for instance, in the borrowing *jetski* [Aftenposten, 1975]. The hybrid word has been dated in Norwegian dictionary examples already in 1969, but as a headword since 1995.

In some places terms and expressions not known to wide readership are written in inverted commas. For instance:

”*Olympic flame carrier*” [Aftenposten, 1960], ”*the double*” [Aftenposten, 1975]

Other instances include an explanatory supplementation with a phrase ‘*the so-called*’:

ekstraomganger — *med såkalt* ”*sudden death*” [Aftenposten, 1991]

The original form of the term *sudden death* in a 1991 year issue has been registered eight times. Although the writer has mentioned its meaning in Norwegian ‘*ekstraomganger*’, it leaves the impression of pushing reader to use the borrowed form.

The excerpted English sports word stock reveal that borrowings are often regarded as a natural part of Norwegian. This phenomenon could be attributed to the fact, as already mentioned earlier, that Norwegian is a partly analytic and partly synthetic language that allows keeping forms foreign to this language, as well as lack of language policy by the middle of 1990s. Taking into account English and Latvian as being typologically different languages, the borrowed forms tend to be adapted. It also accounts for the fact that no hybrid words have been extracted. Nevertheless, the collected data show there is a tendency to retain the original form. Especially it is observed in words with letters, letter combinations and pronunciation foreign to Latvian e.g. *freely* and *play-off*, difficult to be adjusted or find a one-to-one counterpart, therefore borrowing usually results in non-assimilated forms. Though language contact time scale within the Norwegian speaking society and its English language competence have deeper roots than in Latvian, due to the political changes in Latvia at the end of the 1980s, English now is ranking high as a donor language in newspaper articles. Intensive borrowing reflects lack of corresponding words in Latvian, the desire to play with the English language and the existing trace of English prestige.

Borrowings in the domain of sports in Latvian and Norwegian demonstrate that the leading role of Anglophone states as the main modern sports exporter and the globalisation processes go hand in hand with desire of language users to expand their vocabulary with necessary means of expression — assimilated/ non-assimilated forms and hybrids.

REFERENCES

- Baldunčiks J. Aizguvumi sporta leksikā. *Padomju Jaunatne*, Aug 12, 1987.
- Baldunčiks J. *Anglicismi latviešu valodā*. Rīga, Zinātne Publ., 1989, 540 p.
- Čika V., Gubiņš G. *Latvijas sporta vēsture: 1918–1944*. Vašingtona, Amerikas latviešu apvienības fiziskās audzināšanas un sporta birojs, 1970, 381 p.
- Dravnieks J. *Svešu vārdu grāmata: grāmatniekiem un laikrakstu lasītājiem*. Jelgava, H. Allunans Publ., 1886, 294 p.
- Graedler A.L., Johansson S. *Anglismsmeordboka*. Oslo, Universitetsforlaget Publ., 1987, 466 p.
- Görlach M. (ed.) *A Dictionary of European Anglicisms: a Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages*. Oxford, Oxford University Press, 2001, 352 p.
- Görlach M. Borrowing as Language Contact. Eds. M. Hellinger, A. Pauwels. *Handbook of language and communication: diversity and change*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2007, pp.715–749.

- ISV — *Ilustrētā svešvārdu vārdnīca*. Rīga, Avots Publ., 2005, 891 p.
- Jahr E. H. The special case of Norway in the 20th century: language conflict and language planning. Eds. O. Bandle, K. Braunmuller, E. H. Jahr, A. Karker, H. P. Nauman, U. Telemann, L. Elmevik, G. Widmark. *The Nordic Languages: an international handbook of the history of the north Germanic Languages*. Volume II. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2005, pp. 1635–1646.
- Johansson S. Engelsk — et must i norsk? On the role of English in Norwegian Language and society. Eds. A. M. Langvall Olsen, A. M. Simensen. *Om språk og utdanning: festskrift til Sivertsen, Eva*. Oslo, Universitetsforlaget Publ., 1992, pp. 65–83.
- Johansson S., Graedler A. L. *Rocka, hipt og snacksy*. Kristiansand, HøyskoleForlaget Publ., 2002. 318 p.
- Konsultācijas 2003 — *Terminoloģijas Jaunumi*. 3. nr., Rīga, LZA Terminoloģijas komisija Publ., pp. 26–29.
- NOI — Guttu T. (red.) *Norsk ordbok med 1000 illustrasjoner*. Oslo, Kunnskapsforlaget Publ., 2005. 1350 p.
- NO — *Norsk ordbok: ordbok over det norske folkemålet og det nynorske skriftmålet*. Bind 5. Oslo, Samlaget Publ., 2005. 1604 p.
- PLSV — Jurisone I. (red) *Preses lasītāja svešvārdu vārdnīca*. Rīga, Nordik Publ., 2004. 520 p.
- Linn A. R. Voices from above — voices from below. Who is talking and who is listening in Norwegian language politics? *Current Issues in Language Planning*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 114–129.
- Stene A. *English loan-words in modern Norwegian: a study of linguistic borrowing in the process*. London, Published for the Philological Society by Oxford University Press, 1945. 222 p.
- Store norske leksikon*. Available at: www.snl.no/idrett (accessed: 10.10.2009).
- Svartvik J., Leech G. *English: one tongue, many voices*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2006. 287 p.
- Švinks U. Dažas pārdomas par sporta terminoloģiju. *Linguistica Lettica*, 2004, vol. 13, pp. 156–167.
- Vikør L. Language purism in the nordic countries. *International Journal of the Sociology of Language*, 2010, vol. 204, pp. 9–30.

Агния Платаце

лектор, кафедра скандинавистики
Латвийский университет
agnijaplatace@hotmail.com

Agnija Platace

Lecturer, Scandinavian department
University of Latvia

Статья поступила в редакцию 17.06.2016, принята к публикации 01.09.2016

УДК 811.11–112+81’367

Д. Д. Пиотровский

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Полнота охвата языкового материала, накопленного сравнительно-историческим языкознанием, позволяет сделать следующий шаг в развитии исторического синтаксиса — встроить историко-синтаксические исследования в систему взглядов, сложившуюся в языкознании к настоящему моменту. Современный исторический синтаксис должен начинаться с классификации языков на бесписьменные и письменные. От типа текста зависят существенные синтаксические характеристики языка. Прежде всего речь идет об основной единице синтаксиса. Для устного языка такой основной единицей оказывается период. Период — это единица, выделяемая на основе как структурных, так и ритмических параметров. Последние зависят от условий исполнения текста и связаны с памятью, дыханием и т. п. Основной синтаксической единицей письменного текста является предложение, определяемое только структурно. Но какой бы ни была основная единица синтаксиса, период или предложение, ее основное свойство неизменно — это предикативность. Необходимо различать предикативность как онтологическую характеристику предложения и техническую реализацию предикативности. Онтологически предикативность есть связь языковых структур с внешним миром. Технически предикативность реализуется в виде структуры. Полнота структуры зависит от того, насколько внешние факторы самодостаточны для того, чтобы связь языковых структур с внешним миром была очевидна. Наибольшая степень очевидности имеет место при односоставных предложениях. Если такая связь неочевидна из внешних характеристик, она должна обеспечиваться за счет структурных параметров. Структура основной синтаксической единицы тогда должна быть более сложной. Она представляет собой дерево зависимостей со своей вершиной. Тип вершины зависит от типа основной единицы синтаксиса. Для предложения вершиной оказывается глагол. Для периода — существительное.

Ключевые слова: синтаксис, современное языкознание, предложение, период, устный, письменный, предикативность.

Dmitry Piotrovskii

Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

**THE HISTORICAL SYNTAX ON
THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT OF LINGUISTICS**

The completeness of the language material collected by the comparative linguistics makes possible the further step in the development of the historical syntax which is to place the comparative studies into the system of views formed lately in the linguistics. The modern historical syntax is to begin with the classification of languages as oral and written. Some important language characteristics depend on the type of the text. In the first instance it is about the main syntactical unit. An oral text presupposes that the main syntactic unit is a period, which is determined on the base of both structural and rhythmical characteristics. The latter depend on the situation of the text performance and are bound with memory, breath, etc. The main unit of a written text is a phrase, determined only structurally. But whatever the main unit of syntax would be: a period or a phrase, its basic characteristic is the same. This is the predicativity. It is necessary to distinguish the predicativity as an ontological phrase characteristic from its technical realization. Ontologically the predicativity is the connection between linguistic structures and the outer world. Technically the predicativity represents a kind of structure. The completeness of the structure depends on the self-sufficiency of the outer factors to make the connection between linguistic structures and the outer world obvious. Mononuclear phrases provide the highest degree of obviousness. Whereas such a connection is unevident it is to be guaranteed by the structure. In this case the structure of the main syntactical unit has to be more complicated. It represents a dependence tree with its own head. The type of the head depends on the main syntactical unit type. For a phrase it is a verb. For a period it is a noun.

Keywords: syntax, modern linguistics, phrase, period, oral, written, predicativity.

Интерес к историческому синтаксису зародился в то время, когда языкознание было сравнительно-историческим. Неудивительно поэтому, что система приемов историко-синтаксических исследований формировалась исключительно в рамках сравнительно-исторического метода. И даже смена научной парадигмы в языкознании — сначала возникновение структурализма, а потом и появление конструктивных методов — область исторического синтаксиса затронула мало. Деятельность сторонников вышеназванного метода была в высшей степени плодотворной. В нашей стране помимо отдельных фундаментальных описаний исторического синтаксиса ряда языков (см., напр.: [Ломтев, 1956; Ярцева, 1961; Адмони, 1963]) практически каждый учебник по истории того или иного языка сопровождался подробным разделом о синтаксисе. Помимо трудов, посвященных общим вопросам, появилось немало работ по частным проблемам исторического син-

таксиса (из сравнительно недавних книг отметим: [Баева, 1994]). Благодаря стараниям лингвистов, действовавших в рамках сравнительно-исторического метода, накоплен, описан и систематизирован очень большой фактический материал, а также прослежены связи между синтаксическими явлениями внутри отдельных языков. Значение этой работы для науки о языке невозможно переоценить. Именно полнота охвата языкового материала позволяет сделать следующий шаг в развитии исторического синтаксиса — встроить историко-синтаксические исследования в систему взглядов, сложившуюся в языкознании к настоящему моменту.

Прежде всего необходимо сказать, что структура языкознания как науки и дисциплины университетского преподавания в настоящий момент отличается от той, которая имела (или еще вообще не имела) место во времена господства компаративистики. Если части, соответствующие языковым уровням: фонология, морфология, синтаксис, — сложились уже давно, то раздел, с которого начинается теперь любой учебник по общему языкознанию, — онтологические проблемы языка — появился вместе со структурализмом.

Из всех онтологических проблем для построения новой системы исторического синтаксиса важна одна — форма существования языка (письменная или устная). Общим местом в языкознании является первичный характер устной формы. Диахронически устная форма предшествует письменной. С синхронной точки зрения первичность проявляется в том, что без письменной формы язык существовать может, а без устной — нет. Но историко-синтаксическое исследование возможно только для языков, имеющих длительную письменную традицию.

Итак, видимо, современный исторический синтаксис должен начаться с очень простой классификации: 1) бесписьменные языки (существующие только в устной форме), 2) письменные языки (существующие и в устной, и в письменной форме).

Простота классификации, однако, кажущаяся. Требуется ряд комментариев. Во-первых, логически напрашивающаяся возможность языка, существующего только в письменной форме, не реализуется. На первый взгляд сюда могли бы быть отнесены мертвые языки с сохранившимся письменным наследием, такие как латинский. Но слово «мертвый» говорит само за себя. Правда, никто не

отменяет возможности изучения таких языков применительно к моменту времени, когда они были живыми. И такое изучение может быть как синхронным, так и историческим.

Во-вторых, для целей исторического синтаксиса важно не столько разделить языки на бесписьменные и письменные, сколько выявить и взять в качестве предмета исследования те, у которых доступны для изучения обе фазы: и устная, и письменная. Поскольку диахронически устная фаза всегда предшествует письменной, обращение к первой может сопровождаться серьезными проблемами, а иногда и вовсе невозможно. Иначе проблема формулируется так. Историко-синтаксическое исследование возможно только для языка, который зафиксирован письменно (в настоящий момент или в какой-либо момент в прошлом) и для которого имеется также письменная фиксация устной литературной традиции.

В-третьих, существует переходная стадия — младописьменный язык. А. В. Циммерлинг [Циммерлинг, 2004, с. 36] определяет младописьменный язык как язык, в котором письменная традиция сосуществует с устной. Переходный характер младописьменных языков препятствует их включению в рассматриваемую классификацию, но их выделение исключительно важно, поскольку только здесь может иметь место письменная фиксация текста, предполагающего устное бытование.

Действительно, от младописьменных времен сохранились довольно многочисленные памятники словесности. Это и гомеровский эпос, и «Слово о полку Игореве», и «Калевала», и «Манас», и многое другое. Но это все памятники поэтические. Их изучение очень важно, в том числе для целей исторической грамматики, но в плане синтаксиса их данные должны восприниматься с осторожностью. Есть опасность принять правила стихосложения за правила синтаксические. Для историко-синтаксического исследования желательно было бы иметь памятники, восходящие к устной традиции, но прозаические. И группа таких памятников существует. Это **исландские родовые саги**.

Решив проблему материала, можно сделать следующий шаг. Синтаксис, как и любой другой уровень, оперирует единицами. Древнегерманский материал заставил лингвистов усомниться в абсолютно доминирующей роли предложения в синтаксисе любого языка и языка вообще. Первым, судя по всему, был

А. Хойслер [Heusler, 1913], считавший основной синтаксической единицей композиционный эпизод, при том что отдельные предложения были структурированы слабо (см. также: [Циммерлинг, 2002, с. 115–117, 539 и далее]). К сожалению, позднее данная идея А. Хойслера была забыта, и лишь сравнительно недавно к ней вновь обратился Ю. К. Кузьменко [Кузьменко, 1985, с. 62–63; 1991, с. 140–151]. Исследовав корпус исландских саг, Ю. К. Кузьменко пришел к выводу, что основной синтаксической единицей в них является не предложение, а более крупная единица — период. Эта идея получила развитие в работах А. Г. Гурочкиной [Гурочкина, 1991, с. 127–139], распространившей ее на текст древнеанглийской прозы, а также Т. Б. Магницкой [Магницкая, 1989а, с. 17–18; 1989б, с. 21–33; 2004, с. 265–271], которая соотнесла выделяемые в тексте древнеанглийской поэзии сверхфразовые единства с единицами собственно семантическими — микротемами [Магницкая 1989б, с. 22; 2004, с. 263]. Этим был сделан важный шаг в сторону сближения гипотезы о неуниверсальности синтаксического членения (см., напр.: [Циммерлинг, 2002, с. 538–581; 2003, с. 246–251; 2004, с. 21–42]) с теориями бытования устного текста (см., напр.: [Magoun, 1953, с. 446–467; Лорд, 1994; Клейнер, 1994, с. 350–365; 1999, с. 22–25]).

Таким образом, получается диахроническое изменение. Предложению как основной синтаксической единице письменных языков предшествует в качестве таковой период. Различие между предложением и периодом состоит в том, что предложение представляет собой чисто структурное образование, в то время как период, помимо структурного фактора (синтаксические связи между словами никто не отменял), определяется еще и фактором ритмическим. Ритмичность понимается не как чередование сильных и слабых мест, а как расстановка границ (которые возможно, но необязательно соответствовали паузам в устном исполнении). При этом ритмические границы не обязательно связаны со смыслом. Они вполне могут определяться такими свойствами говорящего, как память и дыхание. Доказательства существования ритмической организации исландской родовой саги были приведены автором в работе [Пиотровский, 2014]. Ввиду важности для общей концепции кратко приведем их здесь. Одним из маркеров начала нового периода является переход от прямой речи к косвенной.

Такой переход справедливо считается яркой отличительной чертой исландских саг. Более того, именно переход от прямой речи к косвенной является неопровержимым доказательством наличия в этом месте границы между синтаксическими единицами. Такой метод доказательства, когда граница между одними единицами (период) устанавливается по наличию границы между другими (фрагменты прямой и косвенной речи соответственно), органично вписывается в методологию языкознания. В качестве аналогии можно вспомнить об обязательном проведении границы между фонемами в том месте, где проходит граница между морфемами.

Так вот, выделенный описанным способом период никогда не бывает слишком коротким. Никогда одно-два слова, редко — три. Чаще всего слов в таком отрезке пять. Число пять вписывается в нижнюю границу известного в психологии магического числа 7 ± 2 , т. е. числа, обозначающего количество элементов, с которым может одновременно справляться человеческая память.

Невозможность слишком коротких периодов представляется доказательством наличия ритмического элемента в определении данной синтаксической единицы.

Итак, первым шагом в историко-синтаксическом исследовании должно стать разграничение устной и письменной форм бытования текста, вторым — определение основных синтаксических единиц. Дальнейших шагов может быть еще много. Возможно выделение различных существенных характеристик предложений и периодов и соотнесение их с различными параметрами, известными в разных областях языкознания и смежных дисциплин. Предвидеть все пути не представляется возможным. Однако один шаг еще необходимо сделать сейчас. Нужно установить основное свойство, которое выделяло бы как предложение, так и период из набора других единиц языка. Таким свойством оказывается предикативность.

Наличие такого универсального свойства вне зависимости от конкретной реализации синтаксических единиц объясняется самой сущностью синтаксического компонента языка и его отличием от других уровней. Именно на синтаксическом уровне происходит воплощение отвлеченных языковых структур в виде конкретных речевых построений. Причем конкретность последних заключается в их привязке к фрагментам внешней действительности. Пре-

дикативность традиционно представляется либо в виде парной (см., напр.: [Стеблин-Каменский, 2003]), либо в виде древесной (см., напр.: [Касевич, 1988, с. 711 и далее]) структуры. Однако какой бы путь понимания предикативности ни был избран, остается открытым вопрос, а где же собственно связь с внешней действительностью, с окружающим миром. В самом деле, оба определения предикативности, и как парной структуры (субъект — предикат), и как дерева с вершиной, имеют дело собственно со структурой, но не имеют, по крайней мере видимого, выхода вовне, во внешний мир.

Решается эта проблема следующим образом: необходимо различать, с одной стороны, собственно предикативность как явление, а с другой стороны, его техническую реализацию при помощи языковых средств. Тогда онтологическое понимание предикативности будет состоять в том, что предикативность есть связь языковых структур с действительностью, а техническое — в том, какими структурными средствами она осуществляется.

То есть мы имеем, с одной стороны, средства языка, с другой — внешний мир. Средства языка, задействованные для установления предикативной связи, изучены весьма подробно. Но вот фактор другой стороны — внешнего мира — попадал в поле зрения лингвиста в несоизмеримо меньшей степени. Говоря о внешней стороне предикативности, т. е. о той, где находится внеязыковая действительность, достаточно принять во внимание только один момент, а именно степень вовлеченности внешней ситуации в установление связи с языковыми средствами. Степень эта может быть различной. Иногда внешняя ситуация оказывается настолько самодовлеющей, что разговор на постороннюю тему просто невозможен. Тогда связь внешнего и языкового настолько очевидна, что каких-либо языковых формальностей и не требуется.

Подтверждением данного тезиса могут служить так называемые односоставные предложения. В односоставном предложении языковой структурный момент сведен к минимуму. Предложение чаще всего состоит из одного слова. М. И. Стеблин-Каменский [Стеблин-Каменский, 1957, с. 173] по этой причине вообще отказывает речевым произведениям такого типа в предикативности. Раз нет двух частей, субъекта и предиката, то, следовательно, нет и предикативного отношения. Однако в приведенном им приме-

ре (норв. *Brann!* ‘Пожар!’) связь между языковым высказыванием и реальностью самоочевидна. А такая связь и есть не что иное, как предикативность. Просто эта связь настолько ясна, что не требует никаких особых языковых приемов.

Гораздо чаще, однако, соотношенность с реальностью не столь очевидна. И тогда возникает необходимость в использовании специальных языковых средств. В качестве такого средства выступает структура в виде дерева с вершиной.

Есть основания предполагать, что тип вершины — именная или глагольная — зависит от степени сформированности письменной традиции на данном языке. В языке с установившейся письменной традицией вершиной предложения выступает глагол. В языке бесписьменном вершиной оказывается существительное. В устном тексте глагол вообще в меньшей степени важен семантически, чем имя (см., напр.: [Смирницкая, 1982, с. 188; Пиотровский, 2012, с. 486]). Таким образом, одно и то же свойство основной синтаксической единицы в текстах двух выделенных нами типов технически реализуется по-разному.

Подведем итоги. Синтаксис языка зависит от типа текста, бытующего на данном языке. Устный текст предполагает выделение синтаксических единиц (периодов) на основе как структурных, так и ритмических характеристик. Основная единица письменного текста (предложение) определяется только структурно. В любом случае главным сущностным свойством основной синтаксической единицы является предикативность. Предикативность есть соотношенность языковых структур с внешним миром. Технически предикативность реализуется в виде древесной структуры. В текстах разных типов предикативность осуществляется по-разному. Для предложения вершиной оказывается глагол. Для периода — существительное.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 336 с.
- Баева Г. А. Падеж и падежное управление в истории немецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 172 с.
- Гурочкина А. Г. Структурно-композиционные характеристики текста в древнеанглийском языке // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 127–139.

- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 320 с.
- Клейнер Ю. А. А. Б. Лорд и древнегерманская устная традиция // Лорд А. Б. Сказитель. М.: Восточная литература, 1994. С. 350–365.
- Клейнер Ю. А. Поэтический язык как язык // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 15–22 марта 1999 г. Вып. 16. Секция общего языкознания. СПб.: СПбГУ, 1999. Ч. 1. С. 22–25.
- Кузьменко Ю. К. Основная единица в тексте древнеисландских саг // Западноевропейская средневековая словесность. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 62–63.
- Кузьменко Ю. К. Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 140–151.
- Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.
- Лорд А. Б. Сказитель. М.: Восточная литература, 1994. 370 с.
- Магницкая Т. Б. Сверхфразовое единство в поэме «Беовульф» // Проблемы поэтического языка. Конференция молодых ученых: тезисы докладов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 1989а. Т. II. Поэзия западной Европы. С. 17–18.
- Магницкая Т. Б. Сверхфразовое единство в древнеанглийском эпическом тексте // Слово в контексте литературной эволюции. Античность — Средние века — Возрождение. I. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 1989б. С. 21–33.
- Магницкая Т. Б. Некоторые особенности синтаксиса древнеанглийского эпического текста // Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 265–271.
- Пиотровский Д. Д. Информационная структура исландской родовой саги // Скандинавские чтения 2010 года. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 485–491.
- Пиотровский Д. Д. Переход от косвенной речи к прямой в связи с проблемой ритмизации текста (на материале Саги о Валла-Льоте) // Скандинавские чтения 2012 года. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 465–475.
- Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд-е подгот. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 244 с.
- Стеблин-Каменский М. И. О предикативности // Труды по филологии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. С. 618–627.
- Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
- Циммерлинг А. В. Гипотеза о неуниверсальности синтаксического членения // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию

со дня рождения проф. Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб.: Наука, 2003. С. 246–251.

Циммерлинг А. В. В поисках устного текста // Слово в перспективе литературной эволюции. К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21–42.

Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 308 с.

Heusler A. *Altisländisches Elementarbuch*. Heidelberg: б/и, 1913. 264 p.

Magoun F. P. Oral-Formulaic character of Anglo-Saxon Narrative Poetry // *Speculum. A Journal of Mediaeval Studies*. 1953. Vol. XXVIII, No. 3. P. 446–467. (Published Quarterly by The Mediaeval Academy of America).

REFERENCES

Admoni V. G. *Istoricheskii sintaksis nemetskogo iazyka* [*Historical Syntax of the German Language*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1963. 336 p. (In Russian)

Bayeva G. A. *Padezh i padezhnoe upravlenie v istorii nemetskogo iazyka* [*The Case and the Case Government in the History of German Language*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 1994. 172 p. (In Russian)

Gurochkina A. G. [Structure-Compositional Characteristics of the Text in Old English Language]. *Oчерki po istoricheskomu sintaksisu germanskikh iazykov* [*Essays on Historical Syntax of Germanic Languages*]. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1991, pp. 127–139. (In Russian)

Heusler A. *Altisländisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1913. 264 p.

Kasevich V. B. *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [*Semantics. Syntax. Morphology*]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 320 p. (In Russian)

Kleiner Yu. A. [A. B. Lord and Old Germanic Oral Tradition]. *Lord A. B. Skazitel'* [*The Singer of Tales*]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 1994, pp. 350–365. (In Russian)

Kleiner Yu. A. [Poetic language as language]. *Materialy XXVIII mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov*. 15–22 marta 1999 g. Vyp. 16. Sektsiia obshchego iazykoznaniiia [XXVIII Conference of the faculty and graduate students. March 15–22, 1999. Issue 16. General Linguistic Section]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press., 1999. Chast' 1, pp. 22–25. (In Russian)

Kuz'menko Yu. K. [Main Unit in the Text of Old Icelandic Sagas]. *Zapadnoevropeiskaia srednevekovaia slovesnost'* [*West European Medieval Literature*]. Moscow, Moscow Univ. Press, 1985, pp. 62–63. (In Russian)

Kuz'menko Yu. K. [Some Syntax-Style Peculiarities of the Period in Old Icelandic Prose]. *Oчерki po istoricheskomu sintaksisu germanskikh iazykov* [*Essays on Historical Syntax of Germanic Languages*]. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1991, pp. 140–151. (In Russian)

- Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo iazyka* [Essays on Historical Syntax of Russian Language]. Moscow, Moscow Univ. Press, 1956. 596 p. (In Russian)
- Lord A. B. *Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow, Vostochnaia literature Publ., 1994. 370 p. (In Russian)
- Magnitskaya T. B. [Some Syntactic Features of the Old English Epic Narrative]. *Slovo v perspektive literaturnoi evoliutsii. K 100-letiiu M. I. Steblin-Kamenskogo* [Word in the Perspective of Literary Evolution. To M. I. Steblin-Kamenskii' centenary]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 265–271. (In Russian)
- Magnitskaya T. B. [Super Phrase Unit in the Old English Epic Text]. *Slovo v kontekste literaturnoi evoliutsii. Antichnost' — Srednie veka — Vozrozhdenie. I.* [Word in the Context of Literary Evolution. Antiquity — Middle Ages — Renaissance]. Moscow, Moscow Univ. Press, 1989, pp. 21–33. (In Russian)
- Magnitskaya T. B. [Super Phrase Unit in the Poem Beowulf]. *Problemy poeticheskogo iazyka. Konferentsiia molodykh uchenykh. Tezisy dokladov* [Problems of the Poetic Language. Abstracts. Volum II. Western Europe Poetry]. Moscow, Moscow Univ. Press, 1989, pp. 17–18. (In Russian)
- Magoun F. P. Oral-Formulaic character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. *Speculum. A Journal of Mediaeval Studies*. Volume XXVIII, Number 3, July 1953. Published Quarterly by The Mediaeval Academy of America, pp. 446–467.
- Piotrovskii D. D. [Informational Structure of Islandic Tribal Saga]. *Skandinavskie chteniia 2010 goda* [Scandinavian Readings of the Year 2010]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2012, pp. 485–491. (In Russian)
- Piotrovskii D. D. [Transition from indirect to direct speech in Connection with the Problem of Text Rhythmization (on the Material of Valla-Lyot's Saga)]. *Skandinavskie chteniia 2012 goda* [Scandinavian Readings of the Year 2012]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014, pp. 465–475. (In Russian)
- Smirnit'skaya O. A. [Poetic Art of Anglo-Saxons]. *Drevneangliiskaia poeziia* [Old English Poetry]. Eds. O. A. Smirnit'skaya, V. G. Tikhomirov. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 171–232. (In Russian)
- Stebelin-Kamenskii M. I. [About Predicativity]. *Trudy po filologii* [Works on Philology]. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbU, 2003, pp. 618–627. (In Russian)
- Stebelin-Kamenskii M. I. *Grammatika norvezhskogo iazyka* [Grammar of Norwegian Language]. Moscow, Leningrad, Publ. akademii nauk, 1957. 244 p. (In Russian)
- Tsimmerling A. V. [A Hypothesis of the non-universality of the syntactic segmentation]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia prof. Mikhaila Ivanovicha Steblin-Kamenskogo. 10–12 sentiabria 2003 g.* [Materials of the International Conference Dedicated to M. I. Steblin-Kamenskii' centenary]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 246–251. (In Russian)

- Tsimmerling A. V. [Towards the Oral Text]. *Slovo v perspektive literaturnoi evoliutsii. K 100-letiiu M. I. Steblin-Kamenskogo* [Word in the Perspective of Literary Evolution. To M. I. Steblin-Kamenskii' centenary]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp.21–42. (In Russian)
- Tsimmerling A. V. *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh iazykov* [Typological syntax of Scandinavian Languages]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 896 p. (In Russian)
- Yartseva V.N. *Istoricheskii sintaksis angliiskogo iazyka* [Historical Syntax of the English Language]. Moscow, Leningrad, Publ. akademii nauk, 1961. 308 p. (In Russian)

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка
Первого Санкт-Петербургского государственного
медицинского университета им. акад. И. П. Павлова
Россия, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8

Dmitry Piotrovskii

PhD of Philology, Associate Professor, Department of Latin Language
Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
6/8, Lva Tolstogo str. Saint Petersburg, Russia 197022.
E-mail: dimapiotrovsky@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 12.06.2016, принята к публикации 30.08.2016

УДК 811.113.6

Е. М. Чекалина

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

ШВЕДСКИЕ ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ *FÅ* И *KOMMA*

Рассматриваются шведские перифрастические конструкции с предельными глаголами *få* 'получать' и *komma* 'приходить' и инфинитивом глаголов, которые употребляются с одушевленным смысловым субъектом. Конструкция *få* + *infinitiv* употребляется с инфинитивом неопределенных глаголов и имеет широкую модальную семантику обусловленной внешними обстоятельствами возможностью и/или необходимости. При поддержке контекста наряду с модальной семантикой в конструкции реализуется акциональное значение делимитативного способа действия, особенно при употреблении с обстоятельствами, обозначающими небольшие отрезки времени: *en stund* 'недолго' и *litet* 'мало, немного'. При употреблении с инфинитивом неопределенных глаголов восприятия *se* 'увидеть', *höra* 'услышать', *veta* 'узнать', *känna* 'почувствовать', *erfara* 'испытать, изведать, узнать', *uppleva* 'пережить, испытать' *få* утрачивает модальную семантику, и конструкция приобретает характер устойчивого фразеологического словосочетания с ингрессивной семантикой. Конструкция *komma att* + *infinitiv* может употребляться как с предельными, так и с неопределенными глаголами. Ее семантика обусловлена значением неожиданного, внезапного наступления действия, в котором совмещаются темпоральные и акциональные признаки. При обозначении прошлых событий, особенно с обстоятельствами *sedan* 'потом', *senare* 'позднее', *i framtiden* 'в дальнейшем', *med tiden* 'со временем', *därefter* 'после этого', конструкция выступает с темпорально-таксисным значением следования. При употреблении с инфинитивом неопределенных глаголов она может обозначать инхоативный способ действия, близкий семантике русского сочетания глагола *стать* с инфинитивом, в ряде контекстов темпоральное значение следования и акциональная инхоативная семантика выступают комплексно. При употреблении с инфинитивом глагола *tänka* 'думать' конструкция приобретает характер устойчивого фразеологического оборота с ингрессивной семантикой: *jag kom att tänka* 'я подумал, мне пришло в голову'.

Ключевые слова: шведский язык, перифрастические конструкции с модальным и темпоральным значением, одушевленный смысловый субъект, делимитативный, ингрессивный, инхоативный способ действия.

Elena Chekalina

Lomonosov Moscow State University

THE SWEDISH PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS *FÅ* AND *KOMMA*

The article discusses Swedish periphrastic constructions with the telic verbs *få* 'receive' and *komma* 'come' and the infinitive of verbs that only take animate semantic subjects.

In the construction *få* + infinitive the first element is used only with intransitive verbs and has modal meaning either caused by external factors of possibility (*may, be allowed to, be permitted to*) and/or necessity (*have to*). In certain contexts the construction can also have actional meaning of delimitative aktionsart, especially when used with adverbials denoting a short time period: *en stund* 'for a while' and *litet* 'a little'. With intransitive verbs of perception *se* 'see', *höra* 'hear', *veta* 'know', *känna* 'feel', *erfara* 'learn', *uppleva* 'experience, know' the verb *få* loses its modal semantics and becomes a set phraseological unit with ingressive semantics of efficient result.

In the construction *komma att* + infinitive the first component can be used with both transitive and intransitive verbs. Its semantics is based on the meaning of a sudden, unexpected onset of an action which contains temporal and actional features. When used to refer to past events, especially with adverbials *sedan* 'afterwards, after that', *senare* 'later', *i framtiden* 'afterwards', *med tiden* 'in [the course of] time', *därefter* 'after that, afterwards' the construction has a temporal-taxis meaning of sequence. When used with intransitive verbs it can denote inchoative aktionsart, semantically close to the Russian combination of the verb *stamb* 'become' with the infinitive; in some contexts the temporal meaning of sequence and the actional inchoative semantics are manifest simultaneously. Used with the verb *tänka* 'think' the construction becomes a set phraseological unit with ingressive semantics: *jag kom att tänka* 'it occurred to me, I happened to think of the fact'.

Keywords: the Swedish language, periphrastic constructions with modal and temporal meaning, animate semantic subject, delimitative, ingressive, inchoative aktionsart.

Одной из конструктивных особенностей шведского глагола является способность к образованию «глагольных цепочек» со спрягаемым первым компонентом и следующими за ним одной или несколькими формами инфинитива с частицей *att* или (чаще) без нее [Bolander, 2004, s. 124–125; Hultman, 2008, s. 229; Jørgensen, Svensson, 1993, s. 73–74; Lindberg, 1980, s. 75–80]. Последним в такой цепочке помещается основной смысловой глагол, а все другие ее компоненты выступают с различными модифицирующими функциями, семантика которых определяет порядок их следования. Перифрастические конструкции с предельными перфективно-результативными глаголами *få* 'получать' и *komma* 'прибывать, наступать' имеют сложную семантическую структуру и могут служить для выражения различных способов действия.

Få употребляется в перифрастической конструкции с инфинитивом глаголов, лексическое значение которых предполагает только одушевленный смысловой субъект. При этом он сохраняет исходную валентность и имеет широкую модальную семантику обусловленной внешними обстоятельствами возможности и/или необходимости осуществления процесса, основанную на переосмыслении лексического значения: *få möjlighet* ‘получить возможность’, *få tillfälle* ‘получить случайную возможность’, *få tillåtelse* ‘получить разрешение’, *få lov* ‘получить позволение’ (чаще в формулах вежливости). В других скандинавских языках конструкция *få* с инфинитивом не употребляется (см. подробнее с переводом шведских примеров на датский и норвежский в: [Hulthén, 1944, s. 152–184]).

Разграничение модальных значений обусловленной внешними обстоятельствами возможности и необходимости осуществляется средствами контекста и зависит от того, происходит ли выраженный в инфинитиве основного смыслового глагола процесс в интересах смыслового субъекта или, напротив, осуществляется вопреки его интересам. В первом случае выражается возможность, обусловленная внешними обстоятельствами:

Jag har haft lyckan att både *få forska* i det jag tycker är intressant och undervisa om det¹. ‘Мне посчастливилось как изучать то, что представляется мне интересным, так и преподавать.’

В высказываниях с подлежащим во 2 лице, а также в вопросительных высказываниях с подлежащим в 1 лице это значение регулярно реализуется как разрешение или обращение за разрешением:

Du *får gå* nu, om du vill [Lindberg, 1980, s. 79]. ‘Теперь ты, если хочешь, можешь идти’;

Får jag störa dig ett ögonblick? [Svensk ordbok, 1999, s. 334]. ‘Можно мне тебя побеспокоить на минутку?’

При отрицании семантика возможности, напротив, реализуется как исходящий извне запрет:

---

¹ Примеры без указания на источник взяты из Корпуса шведского языка, составленного Отделением компьютерной лингвистики Гётеборгского университета (<http://www.spraakbanken.gu.se/1b>).

Vi fick inte vara ute och leka på kvällarna [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, s. 295]. 'По вечерам нам не разрешали быть на улице и играть.'

В тех случаях, когда выраженный инфинитивом основного смыслового глагола процесс происходит вопреки интересам смыслового субъекта, передается вынужденная необходимость, также обусловленная внешними обстоятельствами ('пришлось'):

Vi fick stå ute i regnet och vänta [Svensk ordbok, 1999, s. 334]. 'Нам пришлось стоять на улице под дождем и ждать.'

Сочетание få с инфинитивом имеет широкие конструктивные возможности и нередко употребляется в составе цепочек, первым компонентом которых являются другие глаголы с модальной семантикой:

Alla människor måste få tala, höras, inte glömmas bort. 'Все люди должны иметь возможность говорить, быть услышаны, не быть забыты.'

Alla ska få delta och påverka. 'Все должны иметь возможность участвовать и оказывать влияние.'

Vi som gör kulturen borde också få vara med och bestämma hur pengarna används. 'Нам, тем, кто создает культуру, следовало бы также иметь возможность принимать участие и определять, как используются деньги.'

Модальная семантика сочетания få с инфинитивом предопределяет важную структурно-синтаксическую функцию, которая реализуется на уровне высказывания и делает его употребление облигаторным в сложном глагольном сказуемом с переходным глаголом *be* 'просить'. В инфинитиве основного смыслового глагола и относящихся к нему членах предложения выражается содержание просьбы:

Så fort han fick syn på någon bekant, gick han fram och bad att få visa tavlan. 'Как только он видел кого-нибудь знакомого, он подходил и просил разрешения показать картину.'

Jag bad att få prata med sonen. 'Я попросил, чтобы мне дали поговорить с сыном.'

Vi lämnade ett kort och *bad att få betala*. ‘Мы отдали карточку и сказали, что хотим заплатить’ (букв. «попросили получить возможность заплатить»).

Jag ska inte be dig att få läsa det. ‘Я не стану просить тебя позволить мне прочитать это’.

В таких случаях употребление глагола *få* в составе конструкции служит для выявления идентичного грамматическому субъекту высказывания в целом смыслового субъекта действия, выраженного в замыкающей глагольную цепочку форме инфинитива. Опущение *få* ведет к существенному изменению содержания высказывания, поскольку смысловым субъектом последнего компонента глагольной цепочки в таком случае становится названное в контексте или имплицитно выраженное лицо, к которому обращена просьба; ср.:

Så fort han fick syn på någon bekant, gick han fram och bad att visa tavlan. ‘Как только он видел кого-нибудь знакомого, он подходил и просил показать ему картину’.

Jag ska inte be dig att läsa det. ‘Я не стану просить тебя прочитать это’.

В контекстах, где указание на лицо, которому адресована просьба, отсутствует, трансформации такого рода невозможны: **Jag bad ? att prata med sonen*; **Vi bad ? att betala*.

Об облигаторном характере *få* с инфинитивом в составе предикатов с глаголом *be* свидетельствует также их употребление в конструкции с глаголами восприятия *se* ‘видеть’, *höra* ‘слышать’ и *veta* ‘знать’, которые обычно имеют акциональную семантику (см. об этом ниже):

Jag bad om att få se detta besked. ‘Я попросил, чтобы мне показали (букв. «дали возможность увидеть») эту информацию’.

Då hade svaret kommit och Anna bad att få höra det. ‘Тогда пришел ответ, и Анна попросила, чтобы ей позволили услышать его’.

En av deras patienter bad att få veta vilket kön barnet i hennes mage hade. ‘Одна из их пациенток попросила, чтобы ей сказали, каков пол ее будущего ребенка’.

Поскольку глаголы восприятия *se*, *höra* и *veta* обозначают произвольные процессы, трансформация предикатов в конструкции без участия *få* здесь в принципе невозможна.

Вместе с тем шведский исследователь Л. Хультен, подробно описавший особенности употребления шведской конструкции *få* с инфинитивом, не имеющей аналогов в других скандинавских языках, отмечал, что она обладает широкой и сложной семантикой, в которой «совмещаются» модальные и акциональные компоненты, хотя граница между ними является достаточно размытой и не вполне определенной: *Få står på gränsen till ett hjälpverb av obestämd, men troligen både modal och aktionssättsbetecknande karaktär* [Hulthén, 1944, s. 156]. На ту же особенность конструкции обращали внимание и другие шведские исследователи [Beckman, 1964, s. 171–172; Lindberg, 1980, s. 79; Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, s. 296].

Анализ материала показывает, что при употреблении *få* с инфинитивом неопределенных глаголов встречаются случаи, когда на первый план выходит не обусловленная внешними обстоятельствами модальность возможности и/или необходимости, а семантические признаки ограничительного способа существования ситуации во времени [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 13]. В определенных типах контекста семантика ограничительного способа действия выступает достаточно ярко, при этом собственно модальное значение *få* стирается и уходит на второй план:

Hon längtade efter att få gråta. ‘Ей очень хотелось поплакать’.

Han längtar efter att få springa. ‘Ему не терпится побегать’ [Hulthén, 1944, s. 156].

Показательно, что в обоих случаях перифрастическая конструкция с глаголом *få* употреблена с предлогом, что обусловлено лексико-синтаксической валентностью первого компонента и способствует «совмещению» глагольных и субстантивных признаков инфинитива.

Особенно показательно употребление конструкции с обстоятельствами, обозначающими «сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени» [Шелякин, 1983, с. 189]. В русском языке такие обстоятельства являются диагностическим контекстом для приставочных глаголов делимитативного способа дей-

ствия. В шведском языке аналогичную функцию выполняют обстоятельства ограниченно-краткой длительности *en stund* ‘немного’ и *lite(t)* ‘мало, немного’, указывающие на «некоторую “порцию” действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 111]:

Jag fick vara nervös en stund tills jag visste att jag var godkänd. ‘Мне пришлось немного понервничать, пока я не узнал, что меня утвердили.’

Jag fick sova lite inatt. ‘Я поспал немного сегодня ночью.’

Idag har jag stigit upp tidigare än vanligt för att få skriva litet [Hultén, 1944, s. 159]. ‘Сегодня я встал раньше обычного, чтобы немного пописать.’

Акциональная семантика выступает на первый план и в составе предиката с модальным глаголом *kunna*, который имеет широкое значение возможности, как бы «перекрывающее» модальные функции *få*:

Kan du få tala med byrådirektören? ‘Ты можешь поговорить с директором бюро?’

Важно подчеркнуть, что и здесь последний компонент трехчленной глагольной цепочки выражен неопредельным глаголом.

Следует вместе с тем отметить, что, подобно русским приставочным глаголам с *по-*, акциональная семантика конструкции *få* с инфинитивом может реализоваться по-разному, в зависимости от лексического значения основного смыслового глагола. Ср., например, различные реализации делимитативной семантики у таких русских глаголов, как *побыть*, *поспать*, *погулять*, обозначающих незначительную длительность процесса, и у глаголов *поговорить*, *позвонить*, *поблагодарить*, указывающих на выполнение действия «в один прием» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 274]. Показательно, что некоторые глаголы с этой приставкой, например *поговорить* или *подумать*, при поддержке контекста могут получать оба значения.

Относительным критерием того, что конструкция *få* с инфинитивом не только глагола речи *tala*, но и некоторых других неопредельных глаголов может передавать акциональную семантику делимитативного способа действия, является ее использование

при переводе русских глаголов совершенного вида с приставкой *po-* на шведский язык в примерах из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

Мне с вами *нужно поговорить* [Булгаков, 1988, с. 528]. *Jag måste få tala med er* [Bulgakov, 2006, s. 110].

Попробовать разве *позвонить* еще... [Булгаков, 1988, с. 542]. *Vi får försöka ringa igen...* [Bulgakov, 2006, s. 130].

Никанор Иванович заявил, что ему *необходимо* лично *повидать* иностранца [Булгаков, 1988, с. 534]. *Nikanor Ivanovich förklarade att han måste få träffa utlänningen* [Bulgakov, 2006, s. 119].

Позвольте вас *поблагодарить* от всей души! [Булгаков, 1988, с. 467]. *Jag ber att få tacka er av hela mitt hjärta!* [Bulgakov, 2006, s. 21].

Как показывает последний пример перевода из романа Булгакова, делимитативной семантикой предикатов с конструкцией *få* + инфинитив может объясняться ее нередкое употребление в формулах вежливости, которое отмечается в шведских источниках [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, s. 297]:

Jag får tacka så mycket för inbjudan men... ‘Премного благодарю за приглашение, но...’

Ja, det får jag verkligen hoppas... ‘Да, я на самом деле смею надеяться...’

Får jag be om saltet? Kunde jag få be om saltet? Skulle jag kunna få be om saltet? ‘Могу я попросить соль? Мог бы я попросить соль? Не мог бы я попросить соль?’

Особый интерес представляет употребление конструкции *få* с инфинитивом некоторых неопределенных глаголов восприятия, обозначающих произвольные и неконтролируемые процессы. Большинство шведских лингвистов выделяет в отдельную группу сочетания с тремя глагольными лексемами — глаголами чувственного восприятия *se* ‘видеть’ и *höra* ‘слышать’, а также с глаголом *veta* ‘знать’ [Маслова-Лашанская, 1953, с. 258; Beckman, 1964, с. 172; Hulthén, 1944, s. 156–159; Lindberg, 1980, s. 59, 79]. Специфика таких конструкций состоит в том, что они выступают не с модальным, а с акциональным значением и имеют ингрессивную перфективно-результативную семантику достижения предела уже в начале процесса. С. С. Маслова-Лашанская определяла это зна-

чение как «эффективность действия» [Маслова-Лашанская, 1953, с. 258].

В Шведской академической грамматике в ту же группу включены также конструкции с глаголами *känna* ‘чувствовать’ и *erfara* ‘испытывать, узнавать, познавать’, а выражаемый в сочетаниях с *få* способ действия однозначно определяется как ингрессивный — *inträdande aktion* [Teleman, Hellberg, Andersson, 1999, s. 296]. Действительно, в этих случаях шведская конструкция выступает со значением достижения результата в самом начале действия, которое свойственно некоторым русским приставочным глаголам ингрессивного способа действия [Гловинская, 2001, с. 19]: *få se* ‘увидеть’, *få höra* ‘услышать’, *få veta* ‘узнать’, *få känna* ‘почувствовать, ощутить’, *få erfara* ‘испытать, изведать’. В русском языке эти глаголы обозначают самодостаточные процессы, в которых «ингрессивное значение смыкается с результативным, а начало некоторой ситуации оказывается равнозначным ее осуществлению» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 110]. Ю. С. Маслов определял лексемы *увидеть*, *услышать*, *почувствовать* как глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта» [Маслов, 1984, с. 62].

Как показывают приводимые ниже примеры, модальная семантика в конструкциях с глаголами восприятия обычно утрачивается, независимо от того, в какой грамматической форме употреблен глагол *få*. Это обусловлено тем, что глаголы восприятия обозначают произвольные процессы, которые происходят независимо от того, совпадает ли их осуществление с интересами смыслового субъекта или противоречит им:

Jag upplevde skogarna med helt nya ögon, som om jag *fick se* skogarna för första gången. ‘Я воспринимал леса совершенно новым взглядом, словно я увидел леса впервые.’

Mats och jag hade ordnat en resa runt hela skärgården och man *fick se* enormt mycket som man aldrig glömmer. ‘Мы с Матсом устроили поездку по всем шхерам и увидели необычайно много такого, что никогда не забудем.’

Jag *fick höra* det av en slump. ‘Я услышал об этом случайно.’

Jag *fick höra* genom rykten. ‘До меня дошли слухи’ (букв. «Я слышал из слухов»).

Pappan *fick veta* om sin sons födelse när barnet var ett par månader gammalt. ‘Отец узнал о рождении своего сына, когда ребенку было несколько месяцев.’

Nu är vi intresserade av *att få veta* vad ungdomarna själva tänker om situationen. ‘Теперь мы заинтересованы в том, чтобы узнать, что сама молодежь думает об этой ситуации.’

Men hon skrev också om stunder då hon *fick känna* lycka tillsammans med vänner som tog hand om henne. ‘Но она писала также о моментах, когда испытала счастье вместе с друзьями, которые заботились о ней.’

Be för dem i tider av övergivenhet och smärta att de kan *få erfara* guds närhet, tröst och styrka. ‘Молитесь о них во времена одиночества и боли, чтобы они смогли ощутить присутствие, утешение и силу бога.’

Представляется, что в данную группу сочетаний можно включить и конструкцию с глаголом *uppleva* ‘переживать, испытывать’, для семантического толкования которого в шведских словарях используются близкие по значению глаголы *erfara* и *känna* [SAOL, 2015, s. 1451]. О семантическом сходстве между ними свидетельствуют, в частности, примеры параллельного употребления конструкции *få* с инфинитивом этих трех глаголов, а также с глаголом восприятия *se*:

Så roligt när Alex *får känna och uppleva* lite. ‘Как здорово, когда Алекс почувствует и испытает хоть немного.’

Något han själv aldrig *fick uppleva* och jag sällan *får erfara*. ‘Что-то такое, чего он сам никогда не испытал и я испытываю нечасто.’

Allt som hände, allt jag *fick uppleva* och allt jag *fick se*. ‘Все, что произошло, все, что я испытал, и все, что я увидел.’

При употреблении *få* с инфинитивом глаголов чувственного, рационального и рационально-чувственного восприятия в позиции прямого контраста с различными формами тех же лексем особенно ярко проявляется ингрессивная акциональная семантика этой конструкции без сколько-нибудь заметных модальных сознаний:

Vår son *kommer att se* ljuset för första gången och vi *kommer att få se* vår fina solstråle! ‘Наш сын впервые появится на свет (букв.

«будет видеть свет»), и мы увидим наш прекрасный солнечный лучик!»

Historier vi hör från andra länder *kan* vi också *få* höra här hemma. 'Истории, которые мы слышим из других стран, мы можем также услышать у себя дома.'

Men ingen *vet* förstås när vi *får veta* hur många svenskar som verkligen dog i flodvågen i Thailand. 'Но никто, разумеется, не знает, когда мы узнаем, сколько шведов действительно погибло от цунами в Таиланде.'

Så jag *fick känna* hur det *känns*! 'Так что я почувствовал, каково чувствовать это!'

Jag önskar att alla människor *fick uppleva* det vi *upplevde*. 'Я желаю, чтобы все люди испытали то, что испытывали мы.'

Модальная семантика не наблюдается даже в контекстах, где параллельно с глаголами восприятия в составе конструкции с *få* могут употребляться другие глаголы, выявляющие отмеченные выше значения возможности или необходимости:

Han hamnar hos en stor familj, där han *får känna* samhörighet och där han också *får lära sig* vad kärlek är. 'Он попадает в большую семью, где ощущает духовное родство и где получает возможность научиться тому, что такое любовь.'

Flyktingar *får* också *vänta* längre, innan de *får veta* om de *får stanna* eller inte. 'Беженцам придется ждать дольше, прежде чем они узнают, могут они остаться или нет.'

Ингрессивная семантика конструкций с формой презенса *får* и инфинитивом глаголов *se*, *höra* и *veta* делает возможным футуральное употребление с оттенком неизбежности будущего, которое не имеет смысла ни планировать, ни прогнозировать. Такие конструкции имеют характер устойчивых речевых формул и возможны только в тех случаях, когда в качестве грамматического субъекта высказывания выступает участник коммуникации, обычно в 1 лице множественного числа или (реже) во 2 лице:

Vi *får se* hur det blir i framtiden. 'Посмотрим, как будет в будущем.'

Du *får väl se / höra / veta* i sinom tid [Lindberg, 1980, s.79]. 'Ты увидишь / услышишь / узнаешь в свое время.'

В то же время *få* с инфинитивом глаголов восприятия легко может входить в состав аналитической футуральной конструкции с прогностической семантикой:

Om den retorik vi *kommer att få höra* kommer att säga så mycket om hur den amerikanska administration som den 20 januari nästa år tar över kommer att agera är osäkert. 'Пока неясно, много ли скажет та риторика, которую мы услышим, о том, как будет действовать та американская администрация, которая одержит верх 20 января следующего года.'

Det *kommer* mina barn *att få erfara* senare då vi kommer att berättat vad som hände. 'Мои дети испытают это позже, когда мы расскажем, что произошло.'

Следует отметить, что футуральная конструкция *kommer att* + инфинитив появилась в шведском языке довольно поздно и является результатом грамматизации глагольного словосочетания *komma att* с инфинитивом с первым компонентом в форме презенса, семантика и употребление которого рассматриваются ниже.

Конструкция с глаголом *komma*, в составе которой инфинитив употребляется с частицей *att*, имеет сложную семантическую структуру, основанную на значении случайного, неожиданно наступления процесса, в котором совмещаются акциональные признаки начинательно-результативных способов действия и темпоральные признаки следования. Как и *få* с инфинитивом, она встречается только в высказываниях с одушевленным смысловым субъектом; при этом первый компонент может употребляться в форме претерита (чаще всего), перфекта, презенса и инфинитива. Семантический признак одушевленности смыслового субъекта очень важен: при употреблении первого компонента в презенсе он является основным критерием разграничения с аналитической конструкцией *kommer att* + инфинитив, которая обладает признаками грамматизации и является в шведском языке основным способом выражения прогностического будущего в любых высказываниях, независимо от семантики смыслового субъекта:

Språket är alltså ett levande väsen stätt i ständig förändring och det enda vi riktigt säkert kan säga när det gäller hur svenskan *kommer att låta i framtiden* är att den inte kommer att låta som idag [Språkbitar, 2001, s. 123]. 'Значит, язык — это живой организм, находящийся

в постоянном изменении, и единственное, в чем мы можем быть уверены, когда речь идет о том, как будет звучать шведский язык в будущем, это то, что он не будет звучать так, как сегодня.

Акциональная семантика конструкции чаще реализуется в сочетаниях с инфинитивом неопределенных глаголов, когда первый компонент выступает в форме претерита, хотя встречаются также формы перфекта, плюсквамперфекта и инфинитива. Так, при употреблении с неопределенными глаголами речи конструкция выступает с инхоативной семантикой:

Vi kom att tala om hennes hemland. 'Мы случайно/неожиданно заговорили про ее родину.'

Vi kom att prata om tiden. 'Мы случайно заговорили о времени.'

Vi kom att diskutera politik. 'Мы неожиданно стали обсуждать политику.'

При употреблении с инфинитивом некоторых неопределенных глаголов, обозначающих наступление непроизвольных процессов, *komma att* + инфинитив выступает с начинательно-результативной ингрессивной семантикой при сохранении исходного семантического признака случайности или неожиданности:

Vi kom att sitta vid samma bord. 'Мы случайно оказались за одним столом.'

Jag kom att minnas ett litet experiment. 'Я неожиданно вспомнил об одном маленьком эксперименте.'

Vi kom att gilla det båda två. 'Это неожиданно понравилось нам обоим.'

Особенно частотной является конструкция с ментальным глаголом *tänka* 'думать', близкая к устойчивому фразеологическому словосочетанию, которая имеет значение «(неожиданно) подумать, прийти в голову» и обычно приводится в шведских словарях в качестве наиболее наглядного примера спонтанного наступления непроизвольного процесса:

Jag kom att tänka på en sak här om dagen. 'На днях я вдруг подумал об одной вещи.'

Jag kom att tänka på det när jag var i Köpenhamn förra veckan. 'Я подумал об этом, когда был в Копенгагене на прошлой неделе.'

На лексико-синтаксический характер сочетания *komma att* с инфинитивом при «избирательном» характере типизированных контекстов указывает в приведенных выше примерах с акциональной семантикой их преобладающее употребление с грамматическим субъектом в 1 лице единственного числа. Так, по данным Корпуса шведского языка Гётеборгского университета, количество употреблений *kom att tänka* с местоимением *jag* составляет примерно одну треть от общего числа отмеченных случаев (689/2193).

Реже встречается употребление той же конструкции с первым компонентом в формах перфекта и плюсквамперфекта (202), а также инфинитива (153):

Varför har jag aldrig kommit att tänka på det? ‘Почему я никогда не подумал об этом? / Почему это никогда не приходило мне в голову?’

Hur kunde jag komma att tänka på det? ‘Как я мог подумать об этом? / Как это могло прийти мне в голову?’

В этих случаях употребление грамматического субъекта в 1 лице единственного числа абсолютно преобладает.

Вместе с тем в претеритальном контексте с цепочкой образующих временную и логическую последовательность предикатов рассматриваемое словосочетание выступает с темпорально-таксическим значением следования, близким семантике русской конструкции со спрягаемым глаголом *стать* и инфинитивом. Отличие состоит в том, что в русской конструкции первый компонент может употребляться только в предикатных формах прошедшего и будущего, но невозможен в инфинитиве, а вторым компонентом может быть только глагол несовершенного вида.

Значение следования особенно заметно проявляется в тех случаях, когда в контексте содержатся временные обстоятельства с семантикой последующего наступления процесса: *sedan* ‘потом’, *senare* ‘позднее’, *med tiden* ‘со временем’, *i framtiden* ‘в будущем’, *därefter* ‘после этого’.

sedan

Pojken, som sedan kom att skriva så mycket i sitt liv. ‘Мальчик, который потом стал так много писать в своей жизни’.

I USA föddes hans stora intresse för golf, som *sedan kom att bli* hans största fritidsintresse. 'В США у него появился интерес к игре в гольф, которая потом стала его излюбленным хобби.'

Deras lärjungar *kom sedan att ha* stora framgångar i spridandet av kristendomen i Serbien och Bulgarien under andra hälften av åttahundraåret [Nystedt, 2001, s.104] 'Их ученики потом стали успешно распространять христианство в Сербии и Болгарии во второй половине девятого века.'

senare

Selma hade då gjort ett flertal långa resor och träffat personer som hon *senare kom att porträttera* i sina böcker. 'Сельма совершила к тому времени много долгих путешествий и встретила людей, которых она позднее стала изображать в своих книгах.'

Han *kom att gripas många år senare* i Sverige för dådet i Bosnien. 'Его арестовали в Швеции через много лет за преступления в Боснии.'

i framtiden

Han gjorde även etnologiska skisser över området, som inte var tänkta att användas akademiskt, men som *kom att göra det i framtiden*. 'Он делал даже этнологические наброски, которые не планировал использовать в научных целях, но которые в будущем нашли научное применение (букв. «стали использоваться»).'

därefter

Vad själva ordet *ruser* beträffat tycks det först ha betecknat människor av skandinavisk härkomst som var bosatta i Ryssland, *därefter kom det att användas* också om slaverna som bodde i detta rike och sedan även om riket självt [Nystedt, 2001, s. 132]. 'Что касается самого слова *ruser*, представляется, что сначала оно обозначало людей скандинавского происхождения, которые поселились в России, после чего стало также обозначать славян, которые жили в этом государстве, а потом также и само государство.'

Vi kom dit till att göra det vi älskar, utan att se vad som *kom att hända därefter*. 'Мы приехали туда, чтобы делать то, что любим, не обращая внимания на то, что стало происходить после этого.'

med tiden

Ordens ursprung är gemensamt. Det griper tillbaka på något fornsvenskt ord som *med tiden kommit att få* ett annat uttal [Språkbitar, 2001, s. 122]. ‘Эти слова имеют общее происхождение. Они восходят к какому-то древнешведскому слову, которое со временем стало произноситься по-другому.’

Особенно интересным представляется употребление в таком же контексте конструкции с инхоативной семантикой, без признаков отнесенности к будущему, когда первый компонент стоит в форме презенса:

Varför förändras språket så att olika grupper *med tiden kommer att tala* så olika dialekter och att de i extrema fall till och med blir obegripliga? [Språkbitar, 2001, s. 122]. ‘Почему язык изменяется так, что различные группы со временем начинают говорить на столь различных диалектах, которые в крайних случаях даже становятся непонятными?’

Показательно, что встречаются контексты с теми же обстоятельствами, в которых инфинитив выражен неопределенными глаголами, когда в семантике конструкции совмещаются акциональное значение инхоативного способа действия и темпоральное значение следования:

Att saker och ting *sedan* kanske *kom att utvecklas* lite annorlunda än vad han tänkt sig är en annan sak. ‘Другое дело, что потом обстоятельства, возможно, стали развиваться несколько иначе, чем он представлял себе.’

Han var också inne på att kalla det som *senare kom att kallas* för existentialism. ‘Он также немного занимался тем, как назвать то, что позднее стали называть экзистенциализмом.’

Det sista Cue Club var det som låg på Kungstorget och *senare kom att heta* Gustavus. ‘Последнее заведение для игры в Cue Club находилось на Кунгсторьет и стало позднее называться Густавус.’

Возможны вместе с тем и другие контексты, в которых комплексно реализуется как акциональная, так и темпоральная семантика сочетания *komma att* с инфинитивом. Необходимым условием выражения инхоативного способа действия является

в таких случаях, как и выше, неопределенный характер основного смыслового глагола в инфинитиве:

Det är under sådana omständigheter inte underligt att Vadstena också *kom att betyda* mycket för skriftspråkets utseende *under senare delen av medeltiden* [Pettersson, 2005, s. 157]. ‘При таких обстоятельствах нет ничего странного в том, что именно Вадстена также стала иметь большое значение для формирования письменной нормы во второй половине Средних веков.’

Vi andra i familjen gick i förväg, men det var något vi *kom att ångra resten av våra liv*. ‘Мы — остальные члены семьи — шли впереди, но было что-то, в чем мы впоследствии стали раскаиваться на протяжении всей оставшейся жизни.’

Eftersom kravet på stilen i den klassiska retoriken var att den skulle inge en lustupplevelse, blev den stora grekiska skönlitteraturen utslagsgivande för vad som betraktades som «god stil», och *redan i klassisk tid har litteraturen kommit att stå* i fokus för stilanalysen [Cassirer, 2015, s. 16]. ‘Поскольку требование к стилю в классической риторике предполагало необходимость доставлять удовольствие, великая греческая художественная литература стала образцом того, что считалось «хорошим стилем», и уже в классическую эпоху литература оказалась в фокусе (букв. «стала находиться в фокусе») стилистического анализа.’

Напротив, при употреблении с инфинитивом предельного глагола становления *bli* передается значение следования:

Han var inte ens 20 år gammal när han utvecklade spelet som *kom att bli* en storsäljare. ‘Ему не было еще 20 лет, когда он придумал игру, которая впоследствии стала бестселлером.’

Denne var en fullfjädrad problemlösare, som *kom att bli* en sorts förebild för alla efterföljande detektiver. ‘Этот человек был настоящим специалистом в решении проблем и стал впоследствии своего рода образцом для всех последующих детективов.’

Семантика *komma att* с инфинитивом допускает достаточно широкое употребление в конструкции с претеритом модального глагола *skulle*, которая имеет гипотетическое значение и используется в шведском языке как грамматизованное средство выражения будущего от прошлого (в Корпусе шведского языка

зафиксировано 5585 случаев такого употребления). Особенно интересны примеры употребления в позиции сильного противопоставления, которые показывают, что *skulle* выступает с конструктивно обусловленным гипотетическим значением будущего от прошлого, в то время как *komma att* с инфинитивом выполняет особую семантическую функцию, модифицирующую способ и относительное время наступления процесса:

Anita tänkte att det inte betydde något för henne vad människor sa, eller *skulle komma att säga*. ‘Анита думала, что для нее не имеет никакого значения, что говорят люди или что они впоследствии станут говорить.’

Men det var i Europa som han *skulle komma att bli* den mediaålderns diplomatiska gigant som han faktiskt kom att bli. ‘Но именно в Европе ему суждено было стать тем дипломатическим гигантом века СМИ, которым он впоследствии действительно стал.’

Широкие структурно-синтаксические возможности обеих конструкций при обязательной одушевленности смыслового субъекта допускают их употребление в составе одной глагольной цепочки:

Kommunen *kan komma att få ta över* ett privatägt serviceboende i Örby [Hultman, 2008, s.229]. ‘Возможно, этот муниципалитет в дальнейшем получит в свое распоряжение дом гостиничного типа в Эрбю.’

Oscar *kom att få leva* ett mycket händelserikt liv *och bo* på många olika platser. ‘Впоследствии Оскар прожил очень богатую событиями жизнь и пожил во многих местах.’

Kände att det var alltför stor risk att jag skulle säga några mindre väl valda ord som jag *skulle komma att få ångra*. ‘Я почувствовал, что было бы слишком большим риском, если бы я сказал какие-то менее осторожно подобранные слова, о которых впоследствии мне пришлось бы пожалеть.’

De anade inte att de *skulle komma att få se* sina nedlåtande svarsbrev i pressen. ‘Они не подозревали, что впоследствии увидят свои снисходительные ответы в письмах опубликованными в прессе.’

Jag *kom att få se* talet i tryckt form. ‘Я случайно увидел впоследствии эту речь в печатном виде.’

Делимитативная семантика сочетания *få* с инфинитивом, более тесно связанная с лексическим значением основного смыслового глагола, который может быть только неопределённым, нейтрализует акциональное употребление *komma att* + инфинитив, оставляя за ним выражение темпорально-таксисного значения следования при сохранении семы случайности.

Таким образом, сочетания предельных глаголов *få* и *komma* с инфинитивом представляют собой перифрастические конструкции лексико-синтаксического типа, употребление которых ограничено одушевленным смысловым субъектом. В отличие от аналитических форм и конструкций с признаками грамматического инварианта, они имеют неустойчивую и неоднородную семантику и получают различные смысловые реализации, обусловленные лексическим значением инфинитива и вербальным окружением, а в отдельных случаях образуют устойчивые словосочетания фразеологического типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков М.* Мастер и Маргарита. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. 768 с.
- Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1938. Вып. 2. 591 с.
- Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник; Русские словари, 2001. 320 с.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.
- Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 252 с.
- Маслова-Лашанская С. С.* Шведский язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. Ч. 1. 312 с.
- Чекалина Е. М.* Сочетания *få* с инфинитивом в современном шведском языке // Вопросы германского языкознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 122–126.
- Шелякин М. А.* Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983. 215 с.
- Beckman N.* Svensk språklära. Stockholm: Bonniers, 1964. 318 s.
- Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Falköping: Liber, 2004. 191 s.
- Bulgakov M.* Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla, 2006. 468 s.
- Cassirer P.* Stilistiken. Stockholm: Retorikförlaget, 2015. 221 s.

- Hulthén L. Studier i jämförande nunordisk syntax. Göteborgs högskolas årsskrift; 3. Göteborg: Elanders Boktryckeri, 1944. 287 s.
- Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.
- Jørgensen N., Svensson J. Nusvensk grammatik. Malmö: Gleerups, 1993. 216 s.
- Lindberg E. Beskrivande svensk grammatik. Stockholm: Almqvist & Wiksell Förlag, 1980. 276 s.
- Nystedt R. J. Språkbitar. Stockholm: Svenska Förlaget, 2001. 185 s.
- Pettersson G. Svenska språket under sjuhundra år. En historia om svenskan och dess utforskande. Lund: Studentlitteratur, 1996. 251 s.
- Svenska Akademiens ordlista över svenska språket (SAOL). Stockholm: Norstedts Ordbok, 2015. 1596 s.
- Svensk ordbok. Utarbetad av Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999. 1492 s.
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 4. Syntax. 977 s.

REFERENCES

- Beckman N. *Svensk språklära*. Stockholm, Bonniers Publ., 1964. 318 p.
- Bolander M. *Funktionell svensk grammatik*. Falköping, Liber Publ., 2004. 191 p.
- Bulgakov M. Mästaren och Margarita. *Översättning och förord Lars Erik Blomqvist*. Stockholm, En bok för alla Publ., 2006. 468 p.
- Bulgakov M. A. *Master i Margarita [The Master and Margarita]*. Kishinev, Literatura artistica Publ., 1988. 768 p. (In Russian)
- Cassirer P. *Stilistiken*. Stockholm, Retorikförlaget Publ., 2015. 221 p.
- Chekalina E. M. [Constructions *få* with the infinitive in modern Swedish]. *Voprosy germanskogo iazykoznaniiia [Issues in Germanic linguistics]*. Moscow, Moscow Univ. Press, 1984, pp. 122–126. (In Russian)
- Glovinskaja M. Ia. *Mnogoznachnost' i sinonimiia v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola [Polysemy and synonymy of the tense-aspect system of the Russian verb]*. Moscow, Russkie slovari Publ., Azbukovnik Publ., 2001. 320 p. (In Russian)
- Hulthén L. Studier i jämförande nunordisk syntax. Göteborgs högskolas årsskrift; 3. Göteborg, Elanders Boktryckeri Publ., 1944. 287 p.
- Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 2008. 342 p.
- Jørgensen N., Svensson J. *Nusvensk grammatik*. Malmö, Gleerups Publ., 1993. 216 p.
- Lindberg E. *Beskrivande svensk grammatik*. Stockholm, Almqvist, Wiksell Förlag Publ., 1980. 276 p.
- Maslov Iu. S. [Aspect and lexical meaning of verbs in Modern Russian]. Maslov Iu. S. *Očerki po aspektologii [Essays in aspectology]*. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1984. 252 p. (In Russian)

- Maslova-Lashanskaia S. S. *Shvedskii iazyk [The Swedish language]*. Part 1. Lenin-grad, Publ. literatury na inostr. iazykakh, 1953. 312 p. (In Russian)
- Nystedt R. J. *Språkbitar*. Stockholm, Svenska Förlaget Publ., 2001. 185 p.
- Pettersson G. *Svenska språket under sjuhundra år. En historia om svenskan och dess utforskande*. Lund, Studentlitteratur Publ., 1996. 251 p.
- Sheliakin M. A. *Kategoriia vida i sposoby dejstviia russgogo glagola (Teoreticheskiie osnovy) [The category of aspect and aktionsarts of Russian verbs (Theoretical foundations)]*. Tallin, Valgus Publ., 1983. 215 p. (In Russian)
- Svensk ordbok. Utarbetad av Språkdata, Göteborgs universitet*. Stockholm, Norstedts Ordbok Publ., 1999. 1492 p.
- Svenska Akademiens ordlista över svenska språket (SAOL)*. Stockholm, Norstedts Ordbok Publ., 2015. 1596 p.
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik*. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 1999, Band 4, Syntax. 977 p.
- Vinogradov V. V. *Sovremennyi russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The modern Russian language. A grammatical study of word]*. 2nd ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1938. 591 p. (In Russian)
- Zalizniak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedeniie v russkuiu aspektologiiu [Introduction to Russian aspectology]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 221 p. (In Russian)

Чекалина Елена Михайловна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой германской и кельтской филологии,
филологический факультет, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 9

Elena Chekalina

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology,
Moscow State University
GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: etch1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2016, принята к публикации 01.09.2016

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

UDC 821.113.6

Anna Bohlin

Stockholms universitet

FREDERIKA BREMER: PROTESTANTISK PILGRIM I PALESTINA ÅR 1859

Pilgrimage Studies is a growing field of research; however, Protestant pilgrims in the 19th century have so far received little attention. Fredrika Bremer (1801–1865), world-famous Swedish author at the time, published an account of her five months in the Holy Land in 1859, in the travel book *Life in the Old World* (1860–1862), covering Switzerland, Italy, Turkey and Greece apart from Palestine. Throughout the narrative of the Biblical lands, Bremer discusses the significance of pilgrimage in relation to pilgrims of other Christian denominations. As a Protestant, she needs to ask herself in what way the physical place, the materiality of the holy sites, carries a meaning. In applying Charles Lock's concept "the Protestant optic", the analysis shows that Bremer concurs with British and American Protestant pilgrims of her time in preferring landscapes to monuments and in complaining about the emotional expressions of devotion by Catholic and Orthodox pilgrims. Nevertheless, she also diverges from their standing on devotional practices. Her own critical method of making sense of holy sites results in what I call "allegorical geography": she understands the inner meaning of the Gospel to be inscribed into the topography. Ultimately, in Bremer's travel account, the pilgrimage is motivated, I suggest, by the aesthetic impression of the landscape, the sensuous perception that gives evidence to the truth of the Bible.

Keywords: Frederika Bremer, Pilgrimage Studies, nineteenth century Protestant pilgrims, travel narrative, Palestine, topography.

Анна Болин

Стокгольмский университет

ФРЕДЕРИКА БРЕМЕР: ПРОТЕСТАНТКА И ПАЛОМНИЧЕСТВО В ПАЛЕСТИНУ В 1859 ГОДУ

Изучение паломничества — перспективная область научных исследований, однако до сих пор в литературе уделяется довольно мало внимания паломникам-протестантам XIX века. Фредерика Бремер (1801–1865), известная на тот момент во всем мире шведская писательница, в 1859 году опубликовала заметки о пяти-месячном пребывании на Святой земле в книге путевой прозы «Жизнь в Старом Свете» (1860–1862), рассказывающей помимо Палестины о путешествиях писа-

тельницы по Швейцарии, Итали, Турции и Греции. Весь нарратив, в котором Бремер рассказывает о библейских местах, посвящен важности паломничества для пилигримов других ветвей христианства. Будучи протестанткой, она задается вопросом о том, каким же смыслом обладают физическое местоположение, материальная реальность священных мест. Амплифицируя концепцию «протестантской оптики» Чарльза Локка, анализ показывает, что Бремер, вслед за британскими и американскими протестантами той эпохи, предпочитает природу архитектурным памятникам, а также жалуется на силу эмоциональной экспрессии католических и православных паломников, выражающих таким образом свою преданность вере. Однако ее мнение о практиках преданности отличается от мнения других протестантов. Ее собственный критический метод понимания священных мест сводится к тому, что я называю «аллегорической географией»: она понимает скрытый смысл Слова Божьего, проявляющийся в топографии этой местности. В целом путевые заметки Бремер, по нашему мнению, дают понять, что основным мотивом паломничества являются эстетические впечатления от ландшафта, чувственное восприятие, благодаря которому мы получаем подтверждение библейских истин.

Ключевые слова: Фредрика Бремер, исследования паломничества, протестантские пилигримы XIX века, художественный нарратив путевой прозы, Палестина, топография.

Fredrika Bremer (1801–1865) räknade inte med att bli pilgrim.¹ När den världsberömda författaren lämnade Sverige på försommaren 1856 var planen att vistas i Schweiz några månader för att studera den schweiziska frikyrkan. I själva verket kom resan att vara i fem år och omfatta Italien, Turkiet, Grekland — och Palestina. I reseberättelsen *Lifvet i gamla världen. Dagboks-anteckningar under resor i Söder- och Österland* (1860–1862) påstår Bremer att hon inte ens vet varför hon reser till det Heliga Landet: “Ett blott vet jag och det är — att jag måste dit.” [Bremer, 1861. II:I, s. 58] Bremer var djupt troende kristen. Hon menade att den världshistoriska utvecklingen hängde på kvinnors samhällsdeltagande, och att både samhällsutveckling och kvinnoemancipation var inbegripna i Guds plan med mänskligheten. Men varför måste hon uppsöka det fysiska landskap där Bibels berättelser utspelade sig? Och hur skapade platsen mening för pilgrimen? Det är en diskussion som Bremer själv för genom hela skildringen av det fem månader långa besöket i Palestina år 1859.

---

¹ En längre version av denna artikel är publicerad under rubriken under rubriken “Att kyssa olivträd. Fredrika Bremer som ambivalent pilgrim till det Heliga Landet” i antologin *Fiktio och verklighet. Mångvetenskapliga möten*, red. Anna Bohlin & Lena Gemzöe. Göteborg & Stockholm: Makadam förlag, 2016.

Bremer kom att möta det Heliga Landet i sällskap med den ryska furstinnan Sachatsjkova och professor Basilius Lewison från St. Petersburg, ursprungligen en tysk rabbin som konverterat till kristendomen.² Bekantskapen inleddes på ångbåten Borysthène, där furstinnan erbjöd Bremer att resa den farliga vägen från Jaffa till Jerusalem i hennes sällskap, "i skydd af den eskort, som ryska autoriteterna skulle förskaffa henne" [Bremer, II:I, s.68]. Lättad tackade Bremer ja, och fick därigenom övernatta i det grekiska klostret i Ramleh. Det Heliga Landet gav inte bara närkontakt med Bibelns berättelser, utan också med kristna bekännare av olika inriktning. Under 1800-talet utgjorde protestantiska pilgrimer en växande grupp, som profilerade sig mot andra kristna. Vitt skilda sätt att uttrycka vördnad för heliga platser var en aldrig sinande källa till konflikt i protestantiska pilgrimsberättelser och Bremers är inget undantag. Furstinnan beskrivs med beundran och respekt, men Bremer har ingen förståelse för att hon vakar i den Heliga gravens kyrka. Innan jag utvecklar Bremers diskussion om platsens innebörd finns emellertid anledning att ägna uppmärksamhet åt genren.

Reseskildring/pilgrimsberättelse

Reseberättelsen som genre hade under 1800-talet vetenskapliga anspråk som är främmande för vår tids reseberättelser. Den kunskap som samlades i reseskildringar kom senare att inordnas i discipliner som sociologi, naturhistoria, etnologi och antropologi [Harper, 2001; Pratt 1992; Thompson, 2011]. Det märkvärdiga med Bremers företag var att som ensam kvinna ge sig iväg så långt bort, så länge och att dessutom publicera en reseskildring, men hon var inte unik: skaran av kvinnliga reseberättare var förvisso inte stor, men tilltagande. Genren erbjöd möjligheten att etablera en vetenskaplig auktoritet i offentligheten trots att kvinnor förbjöds tillträde till högre utbildning.³ Den vetenskapligt iakttagande kvinnliga resenären var en provocerande nyhet, men den kvinnliga pilgrimen var tvärtom en gestalt med långa anor i den västerländska kulturhistorien. En av de tidigaste pilgrimsberättelserna var faktiskt skriven av en kvinna, Egeria, som reste från Gallien (nuvarande

---

² Ang. furstinnans namn, som i reseskildringen ändrats till Shahovskoy, se Carina och Lars Burman, 1995. S. 406.

³ Harper, 2001. S.16ff. För en mer utförlig diskussion av genren och Bremers reseskildring från Amerika se Bohlin, 2013.

Spanien) till det Heliga Landet redan på 380-talet [Thompson, 2011, p. 36f.].

Det har aldrig funnits någon enhällig uppslutning bakom tanken om pilgrimsfärdens välgörande verkan. Tvärtom mötte pilgrimsfärderna inledningsvis starkt motstånd, inte minst från kyrkofäderna, som i stället hävdade den inre resan: Gud ska sökas i hjärtat (även om ett par av dem ändå vallfärdade till Jerusalem). Gud fanns överallt och var, som bland andra Augustinus betonade, inte begränsad till Palestina [Edwards, 2005; Coleman & Elsner, 1995; Bowman, 1991]. Konflikten skärptes med 1500-talets protestantiska rörelser som med kraft vände sig mot den fysiska pilgrimsresan. Den svenska riksdagen gick så långt att man år 1544 förbjöd pilgrimsfärder [Gunner, 1999, s. 273] och den omåttligt populära *The Pilgrim's Progress* (1678–1684) av John Bunyan är del av en rik litteratur, där pilgrimsmotivet uteslutande förstås i metaforisk mening [Edwards, 2005, s.187–195]. Philip Edwards konstaterar att en stark och långlivad tradition gör gällande att den sanna pilgrimen inte är den verkliga pilgrimen.⁴ Pilgrimsresans huvudbetydelse var länge den inre resan, den kristnes färd genom livet mot himlen, vilket har att göra med hur ordet "pilgrim" användes i den latinska översättningen av Bibeln [Edwards, 2005, s. 8f]. *Peregrinus* är det latinska ordet för "främling", "en resande från ett annat land". Hebreerbrevet (11:13–16) knyter an till den längtan till det förlovade landet som genomsyrar Gamla Testamentet, men exilen används som en bild för den kristnes alienation i en syndig värld på väg till sitt hemland i himlen.⁵

Kvinnor har begivit sig på pilgrimsfärder i alla tider, men de har ofta misstänkliggjorts och deras vallfart har kringgärdats av genusspecifika förväntningar. Leigh Ann Craig, som studerat 1300- och 1400-talens

---

⁴ Edwards, 2005. S. 12. Kristendomen är för övrigt inte ensam om föreställningen om den inre pilgrimsresan. Den förekommer även bland hindumystiker, och vissa sufiordnar värderar en inre vallfart högre än en yttre. Coleman & Eade, 2004. S. 14; Coleman & Elsner, 1995. S. 70ff.

⁵ Edwards, 2005. S. 5ff. En annan passage där Vulgata använder *peregrinus* i samma överförda bemärkelse är Första Petrusbrevet (2:11). Ett par verser i evangelierna kom också att uppfattas som legitimering av pilgrimsresor, trots att Jesus aldrig uppmanade till vallfart. "Jag är vägen, sanningen och livet" (Joh. 14:5–6), säger Jesus och ger en bild av kristna på väg mot ett heligt mål. "Kom och följ mig", säger han i Matt. 4:19 och i Luk. 24:13–33 framträder den uppståndne Kristus själv som pilgrim när lärjungarna möter honom på vägen till Emmaus. Ibid., S. 7ff; Coleman & Elsner, 1995, S. 80; Coleman & Elsner, 2003; Moore, 2003. S. 64ff.

kvinnliga pilgrimer, drar slutsatsen att även om samma regler formellt gällde för pilgrimer av båda könen, måste kvinnors pilgrimsresor kunna uppfattas som en utvidgning av omsorgsarbetet i hemmet för att undgå kritik. Helst skulle vallfärden gå till en närbelägen helgedom med syftet att be för någon sjuk familjemedlem. Längre pilgrimsresor till Rom och Jerusalem var betydligt svårare att motivera [Craig, 2009]. *Curiositas*, nyfikenhet på allt som var onödigt ur frälsningssynpunkt, var vallfärdens största fara [Williams, 2009]. Man kunde lätt misstänka att pilgrimer var uttråkade i sina hem snarare än oroade för sina själar. Särskilt kvinnors rörlighet ansågs inbjuda till allsköns laster från lust och girighet till högmod och falskhet, och den kvinnliga pilgrimen, begiven på osedlighet, var en populär figur i den medeltida floran av misogynia satirer [Craig, 2009]. Den hotande synden var vad vi idag kallar turism.

Vår tids pilgrimsresor går knappast att helt särskilja från turism — ett förhållande som bland andra Ellen Badone och Sharon R. Roseman diskuterar under titeln *Intersecting Journeys*.⁶ Det är resultatet av en utveckling som startade redan på 1300-talet, när en högkonjunktur gav fler människor möjlighet att resa även till avlägsna pilgrimsorter som Jerusalem. Härmed förändrades genren pilgrimsberättelser: från att i första hand ha givit knapphändig praktisk information, mer eller mindre kopierad från tidigare skrifter i ämnet, rymde berättelserna allt fler individuella intryck och erfarenheter [Craig, 2009, s. 134ff; Williams, 2009, s. 205–239]. Denna utveckling var också för många högst ovälkommen och bekämpades med iver. Den sanna pilgrimen skulle ingå i vad Wes Williams kallar ett “kollektivt kontinuum”: att läsa pilgrimsberättelser, företa den egna vallfärden och i sin tur berätta om den var att ikläda sig rollen som representant snarare än att bli en person [Williams, 2009, s. 219]. Imitation var själva poängen och berättelserna speglar avvisandet av subjektivitet till och med i grammatiska pluralformer. Ambitionen att motverka pilgrimsfärdens affinitet till turism, att hålla isär den religiösa och den sekulära resan, förstärktes ytterligare under den katolska motreformationen [s. 216ff]. Vid det laget hade emellertid sekulärt resande fått sin egen litteratur.

Om reseberättelsen öppnade möjligheten för kvinnor att anta vetenskaplig auktoritet under 1800-talet, så hade pilgrimsväsendet under

---

⁶ Badone & Roseman, 2004. Ang. dagens förhållande mellan pilgrimsresa och turism se även t.ex. Coleman & Eade, 2004, S. 9ff; Schramm, 2004; Margry, 2008.

århundraden ändå erbjudit viss rörelsefrihet och rätt att tala.⁷ Som pilgrim till det Heliga Landet var Bremer del av en 1500 år gammal tradition av religiös kvinnlig auktoritet, men hon knyter an till denna katolska tradition genom att ta avstånd från den.

Insockrad påve

Bremer hävdade att katolicism var menligt för demokratin, ja, att katolicism och demokrati rentav var oförenliga. Fram till 1873 var det förvisso förbjudet för svenska medborgare att konvertera till katolicism och katolikerskräcken var utbredd — Bremer intog egentligen en ovanligt tillåtande inställning.⁸ Hennes ekumenik var långt före sin tid; olika religioner hade enligt henne olika funktioner i den världshistoriska utvecklingen. Även om hon i slutändan såg framför sig en helt kristnad mänsklighet, behövdes fortfarande olika trossamfund för att ge människor med olika temperament utrymme att tillbe på det sätt som passar dem [Bohlin, 1966]. Teologen Sven-Erik Brodd sätter *Lifvet i gamla världen* i relation till dåtida teologisk debatt och visar i en intressant analys av Bremers kyrkouppfattning hur hon utarbetar en dialektik mellan katolska respektive protestantiska kyrkor, som ska resultera i en syntes, “den ’högre’ kyrkan” [Brodd, 2016, s. 199].

Som protestant uppfattade hon det katolska prästerskapets ställning och i synnerhet påvedömet som ett skadligt mellanled, som förvrängde relationen mellan individen och Gud. Under sin vistelse i Rom sökte hon och fick audiens hos påven, vars auktoritet hon undergrävt genom att meddela att hans yttre vittnade om ett gott kök, men knappast om djupare tankar. Slutsatsen efter audiensen fortsätter på mattemat: påven har “blifvit liksom insockrad och krystalliserad, så att hans inre, ursprungliga lif blifvit förqväfdt” [Bremer, 1860. I:II, s. 203]. Detta sammanfattar väl Bremer kritiska analys av hela den katolska kyrkan. Vall-

---

⁷ Craig understryker att även om ytterst få kvinnor skrev själva under medeltiden, hörs ändå deras röster eftersom det ingick i “kontraktet” med helgonen att de mirakel helgonet åstadkom skulle offentliggöras. Kanoniseringsprocesser krävde insamling av vittnesmål om under utförda av det presumtiva helgonet, varför några av dessa röster bevarats till eftervärlden. Craig, 2009. S. 107ff.

⁸ Gustav III:s toleransedikt gav år 1781 katolska kyrkan laglig rätt att verka i Sverige, men den svenska medborgare som konverterade riskerade utvisning ur landet. Även efter 1873 inskränktes de medborgerliga rättigheterna för svenska konvertiter fram till 1951 års Lag om religionsfrihet. *NE*: romersk-katolska kyrkan.

fart var det första ämne Bremer konfronterade när hon installerat sig i Rom. Botgörelse, skriver hon, är ett "heligt behof":

Om man syndat, om man svårt brutit emot någon gudomlig eller mensklig lag, om man vaknar under natten med aggande samvetsqual [...] — huru godt, huru välsignadt att då veta något medel att utplåna eller försona!... Behovvet deraf har jagat menniskorna på pilgrimsfärder [sic] till heliga orter (och gör det ännu i dag), behovvet deraf har låtit dem företaga de svåraste botöfningar. Det är ett heligt behof; det grundar sig på medvetandet om eviga heliga lagar. Man måste vörda detta på samma gång man måste fördömma den makt, som dristar aflösa synden och syndaren på grund af några yttre, usla penitensers utförande, stundom mera en lek, än ett straff. [Bremer, 1860. I:II, s. 128]

Pilgrimsresor ger inte avlösning från synd, slår Bremer fast och preciserar problemet: "Att dyrka den kroppsliga hylsan, som anden afkastat, det tillhör själar ännu i larf-tillstånd [...]" [I:II, s. 129] Men om den "kroppsliga hylsan" är så helt tömd på mening borde hon inte ha någon anledning att resa till Palestina.

Konflikten i hur den materiella verkligheten tillskrivs mening skärps också i det Heliga Landet och argumentet upprepas om och om igen: "Precist här eller der betyder föga för det andliga sinnet." [II:I, s. 108] Kristenhetens heligaste plats, den Heliga gravens kyrka i Jerusalem, kommenterar Bremer genom att citera Luther: "Den graf, i hvilken Herren legat och som turkarne innehafva, den frågar Gud lika mycket efter, som efter alla kor i Schweits." [II:I, s. 89] Samtidigt har platsen uppenbarligen betydelse, eftersom hon ständigt irriteras av allt som hon menar hindrar tillgången till platsens andliga liv — den insockrade påven är en figur som återkommer. I Nasaret anmärker hon spydigt på den ännu inte färdigbyggda kyrkan över Josefs hus: "Mycket osymboliskt och taktlöst [...] hafva katolikerna förvandlat Josephs föregifna timmermansverkstad till en liten budoir-lik kyrka, der altartaflan föreställer Joseph, lik en pariser-sprätt, hvilken låtsar vara timmerman." [II:II, s. 142] I Födelsekyrkans grotta i Betlehem har ortodoxa kristna hängt oljelampor vid krubban, men lämnat den grå klippan synlig i valvet. Bremer klagar: "Skada att menniskorna genom deras barnsliga glitter tillåta så litet att ses af denna betydningsfulla symbol [...]" [II:II, s. 87] I detta avseende är hon en typisk protestant. Just lamporna i Födelsekyrkan och hela den

Heliga gravens kyrka var förargelseväckande stötestenar även för samtida protestantiska amerikaner [Queen, II, 1996].

Antropologen Glenn Bowman påminner om att protestanterna kom sent till Palestina, långt efter att andra kristna kyrkor byggt helgedomar över heliga platser. Medan katoliker uppfattar sin tillbedjan som del av en kyrka med en lång historia, representerad i kyrkobyggnaden, ser protestanter ofta kyrkobyggnaderna som monument över institutionens makt. Dagens protestantiska pilgrimer, skriver Bowman, föredrar istället att föreställa sig Kristus på platser där han vandrat; den inre bilden blir viktigare än den yttre platsen [Bowman, 1991, s. 115ff]. Det gällde även Bremer och andra protestanter i hennes samtid.

Protestantisk optik

Att se är en historiskt och ideologiskt villkorad handling, skriver Charles Lock. Han myntar begreppet *protestantisk optik* för den särskilda blick varmed 1800-talets brittiska pilgrimer betraktade det Heliga Landet. Nyckelorden är distans och behärskning: Jerusalem beundras bäst på avstånd. Blicken söker utsikter med fri horisont; de utförliga beskrivningar av landskap i 1800-talets protestantiska pilgrimslitteratur är en konsekvens av att en inre bild av Jesus som medvandrare projiceras på omgivningen. Emellertid är det viktigt att upprätthålla skillnaden mellan att se och att känna. Helst ska man undvika att kysande, närgångna pilgrimer av andra trosinriktningar kommer i vägen. Olivberget var protestanternas favoritmål, enligt Lock.⁹ Olivberget var också den plats Bremer älskade mest.

Bremer besökte ofta Olivberget, och strax innan hon lämnar staden, utropar hon: "O! detta berg! blott för att se det är det värdt att komma till Jerusalem." [Bremer, 1861. II:II, s. 106] Bremer omfattades av den protestantiska optik, som Lock beskriver, och kysande grekisk-ortodoxa bekännare tar hon som bevis på "den ytlighet, i hvilken den grekiska kulten förfallit" [II:II, s. 89]. Brodd pekar på att den ortodoxa kyrkan inte får plats i den dialektik Bremer utarbetar. Utgångspunkten för

---

⁹ Lock, 2003. Se även Ruth Hummel & Thomas Hummel, 1995. I avskyn för kysandet verkar 1800-talets brittiska pilgrimer följa en nationell tradition: Edwards citerar den anglikanska reformationens Latimer, som redan år 1538 uttryckte ett särskilt äckel inför traditionen att kyssa helgonbilder. Edwards, 2005, s. 28. Jfr också Williams, som lyfter fram en brittisk tradition av "negative national progress; a journey whose credit was defined in opposition to Popish superstition". Williams, 2009, s.235.

Bremers framställning är att kristenheten under 1800-talet började delas in i tre kyrkofamiljer: protestanter, romersk-katoliker och ortodoxa. Hon söker enligt Brodd "ecklesiologiskt användbara tolkningsnycklar för att förstå vad som är en ortodox kyrka" [Brodd, 2016, s. 209]. Han drar slutsatsen att hon uppfattar de tre kyrkofamiljerna som tre utvecklingsstadier, där ortodoxa kyrkan visserligen intar det lägsta stadiet, men att det också innebär en närmare kontakt med fornkyrkan. Det ger den ortodoxa kyrkan i Bremers tanke en särskild uppgift att föra det fornkyrkliga arvet in i framtidens kyrka, vid sidan av att utgöra en brygga mellan öst och väst [s. 211–217]. Bremer bryter också mönstret hos Locks brittiska resenärer genom att i den Heliga Gravens kyrka bli rörd av ortodoxa pilgrimers allvar och "synbara djupa andakt" [Bremer, 1861. II:I, s. 91]. Hon går till och med så långt att hon ifrågasätter sin egen hållning:

Äro vi så visa i vår förståndiga protestantiska kyrka då vi derur hafva banlyst alla yttre tecken af tillbedjande kärlek, och stå styfva och stela, der de katholska och grekiska christna böja sina knän och närma varma, tillbedjande läppar? Jag tviflar derpå. Dock måste andens dragning vara fri och icke bindas af bruk och vantro. [II:I, s. 93]

Möjligen kände Bremer inte någon dragning i sin ande att visa yttre tecken på kärlek inne i helgedomen, men i naturen, närmare bestämt i Gethsemane, får hon däremot svårt att hålla känslorna i styr. Här är det hon som blir skyldig till att "bindas af bruk" — egentligen skulle hon vilja vara mycket närgången.

Träd intar en särställning i Bremers tänkande och olivträdet är den art som fascinerar henne allra mest, eftersom det är odödligt i den meningen att det växer upp på nytt — med rotskott — även om det huggs ner. Kanske bad Jesus i ångest under just dessa träd? Den inre synen får en särskild konkretion, men Bremer utmålar inte fantasin, utan koncentrerar i stället det emotionella innehållet i en utläggning om träden.

Jag har aldrig sett några träd med så mänsklig fysionomi, som dessa urgamla olivträd. Här, i Gethsemane, äro i synnerhet två eller tre, som man icke kan betrakta, utan att besynnerligen gripas. De starka, klufna stammarne, dels vridna, dels fårade och märkta såsom af djupa tankar och tårar; den rika skugga, som sprides under deras mäktiga, utsträckta grenar, fulla af löf och af frukter, (nu bittra men — när de mognat — fulla af ljuflig olja.) O! dessa träd! jag hade velat knäfalla

vid dem, och omfatta dem med mina armar, trycka mot deras bark mina läppar, mitt hjerta och — ; men flera personer voro i trädgården och — jag skämdes att gifva mina känslor luft. [II:I, s. 96]

Bremers förakt för relikdyrkan och för att uppfatta kyssandet av ikoner som gudstjänst hamnar här i ett annat ljus. Endast den sociala kontrollen hindrar henne från att kyssa olivträden. För att landskapet ska bli meningsbärande för Bremer måste hon emellertid omdefiniera hur det producerar mening. Hon utarbetar en kritisk metod.

Landskap: ikon, relik, symbol

En av fördelarna med Olivberget är, enligt Bremer, att man kan vara helt säker på att platsen är den riktiga, eftersom varken plog eller kritik kan riva ner en så mäktig höjd. Här eller där har trots allt betydelse. Anledningen till att pilgrimsfärder till det Heliga Landet, trots motstånd, blev så populära ligger enligt antropologerna Coleman och Elsner i längtan efter att se och röra. Redan en av Jerusalems första biskopar på 300-talet betonade sinnesutvidgningen: “andra kan enbart höra, men vi ser och rör” [Cyril av Jerusalem, cit. hos Coleman & Elsner, 1995, s. 84]. Landskapet fungerar, i en ofta upprepad formulering, som ett femte, beröringsbart evangelium.¹⁰

I en studie av kartor över det Heliga Landet visar Pnina Arad att landskapet för de tidigaste pilgrimerna fick en dubbel funktion som minne och som bevis. De heliga händelserna ansågs ha gjort avtryck i den fysiska omgivningen; landskapet uppfattades som en behållare för gudomlig nåd, marken hade fått eget liv — den hade med andra ord blivit en ikon. Arad betonar att denna föreställning om ett slags ikonisk plats föregriper kulten av ikoniska bilder, som fick genomslag först på 500-talet [Arad, 2012]. En konkurrerande uppfattning vänder sig mot tanken att marken i sig själv skulle vara en behållare för gudomlig nåd, men vidmakthåller att den helgats genom kontakt med det gudomliga. Lock menar att de brittiska protestantiska 1800-talspilgrimerna närmar sig denna hållning: strängt taget uppfattas landskapet som en gigantisk, orörlig relik [Lock, 2003, s. 121f]. Ruth och Thomas Hummel formulerar istället denna uppfattning som ett sakrament. I sin jämförelse mellan brittiska protestantiska och ryska ortodoxa 1800-talspilgrimer betonar

---

¹⁰ Lock lyfter t.ex. fram J.M.P.Otts titel *The Fifth Gospel: The Land where Jesus Lived* (1893). Lock, s. 121. Se även Queen, II, s. 212.

de att landskapet betyder något mer än ett minne. För många protestantiska pilgrimer blir Jesus närvarande, levande; det Heliga Landet blir ett slags uppenbarelse, “a channel of grace — a sacrament” [Hummel & Hummel, 1995, s. 26ff]. Bremers utgångspunkt liknar denna hållning, men hon utarbetar sin egen version.

Bremers kritiska metod redovisar i första steget icke-protestantiska pilgrimers förställningar och praktiker vid heliga platser. I nästa steg kritiserar dessa föreställningar och praktiker: teologiskt med utgångspunkt i den protestantiska övertygelsen och historiskt i linje med samtida liberalteologi.¹¹ Bremers vistelse i Palestina ägde rum samtidigt som de arkeologiska utgrävningarna runt om i landet tagit fart och tycktes bekräfta Bibelns sanning.¹² I likhet med andra liberalteologer såg Bremer ingen motsättning mellan tro och vetenskap: “Tron är vetandets hjerta. Vetandet är trons kropp och sköld.” [Bremer, 1842, s. 54f.] Tron är det innersta, vissheten, som *stöds* av logiska resonemang, även om den yttersta insikten inte är ett resultat av en logisk slutledning. Denna inre visshet uppfattar Bremer som en “Paradisbild” och den tvingar henne att ifrågasätta både katolska och protestantiska trossatser [Bremer 1860. I:II, s. 266]: “Tviflar jag på min förmåga att inse sanningen, så måste jag tvifla på allt hvad jag ser. Men jag kan icke det och ändock lefva.” [I:II, s. 269]

Alla trosföreställningar måste emellertid fortfarande kunna stödjas av logik. Med hjälp av historisk och arkeologisk kunskap samt egen empirisk kännedom om platsen diskuterar därför Bremer var Golgata, *via dolorosa* eller Lasarus grav rimligen kan ha varit belägna, men drar slutsatsen att en exakt lokalisering inte går att fastställa. I sista steget omdefinierar hon platsen och anvisar ett annat förhållningssätt. När det gäller Heliga gravens kyrka erinrar Bremer om människors naturliga behov av att vårda de älskades minne genom att vårda gravar, och “rummet, der min herre och mästare legat, kunde ej vara mig likgiltigt” [II:I,

---

¹¹ I Bremers samtid rasade en hätsk debatt om teologen David Friedrich Strauss bok *Das Leben Jesu kritisch bearbeitet* (1835), som hävdade att Jesus visserligen varit en historisk person som gott kunde tjäna som moraliskt föredöme, men att han ingalunda var Guds son samt att Bibelns mirakelberättelser är myt. Bremer deltog i debatten och intog en mellanställning, som gjorde henne impopulär i båda lägren: Bibeln bör utsättas för vetenskaplig, kritisk granskning, men tron på att Jesus är Guds son är oundgänglig. Bremer, 1842. Se även Bremer 1861 II:II, s. 78ff. För en diskussion om Bremers förhållande till liberalteologin se Hammar, 2001.

¹² Ang. Edward Robinsons arkeologiska utgrävningar på 1830- och 1850-talen, se Queen, II, s. 212f.

s. 89], om än det exakta stället var “här eller litet längre bort” [II:I, s. 94]. Platsen blir varken en ikon eller relik, utan ger förankring för minnespraktiker. Ofta är hon dock betydligt mer specifik i sin omtolkning.

Den historiska *via dolorosa* befinner sig långt under dagens marknivå och Bremer fäster ingen betydelse vid huruvida stationerna markerar historiskt riktiga ställen eller ej. Meningsproduktionen är trots det fortfarande knuten till plats: “Det dramatiska intresset för mig, ligger i karakteren af denna långa trånga väg med sina mörka smärtstationer, så olika med Salomo’s tempelgårdar, och att denna väg fritt valdes af den, som en dag stod som lärare i detta tempel [...]” [II:I, s. 139] På liknande sätt besöker hon Lasarus grav, rapporterar att den enligt arkeologerna förmodligen inte är äkta, slår fast att detta saknar betydelse och omdefinierar landskapet: “bland dessa klippor, i denna omgivning tilldrog sig ett uppträde, som uppenbarade Jesu hjerta och Jesu kraft” [II:I, s. 108]. Om Lasarus verkligen uppväcktes från döden, menar Bremer är av underordnad betydelse — den materiella verkligheten blir inte meningsskapande genom det eventuella underverket, utan därför att Jesus grät och därmed visade Guds medkänsla med mänskligt lidande: “För mig hafva Jesu tårar helgat Bethaniens jord.” [II:I, s. 109] Platserna förankrar minnet genom att den trånga *via dolorosa* blir en konkret bild av Jesu självvalda lidande, medan Betanias klippor påminner om Jesu medlidande. Bremer uppfattar själv denna tolkningspraktik som symbolisk.

Symbolen får också sista ordet när Bremer kommer till det som idag kallas för Trädgårdsgraven, eller det som “de evangeliska och tänkande männen här anse vara det verkliga, historiska Golgatha” [II:II, s. 74], som hon uttrycker saken. Det som avgör att hon accepterar platsen som den historiskt korrekta är inte arkeologiska fynd, utan att i läget “ligger en rörande symbolik” [II:II, s. 74]: den ligger avskild från Jerusalem men mitt emot Olivberget. Bremer antar att Jesu ljusaste minnen är kopplade till Olivberget, där han vandrat med lärjungarna och umgåtts med syskonen i Betania, och att han därför i det yttersta lidandet hade utsikt över livets skönhet. Detta är platsens mening och därför är stället det rätta. Topografins symbolik blir garant för sanning — både för historisk sanning och själens sanning.

Allegorisk geografi

När Bremer lämnar Palestina sammanfattar hon de sista dagarnas rundresa i Galileen med glädjen över att

nu äga dessa orter i min själ i så klara och bestämda drag, som någon ort från mitt hemland. Förr voro de skuggbilder, nu hafva de blifvit ljusbilder för mitt sinne. [II:II, s. 163]

Platserna har blivit konkret verklighet och den stora vinsten ligger i att Bibelns orter har blivit ett hemland, inte bara för själen, utan också för sinneserfarenheten. Utbytet mellan själens bild och verkligheten kan jämföras med hennes allra första iakttagelse av Jerusalem på avstånd. Den syn som hänfört så många upplevde Bremer som nedslående: en grå stad, en skugga bland skuggorna” [II:I, s. 86]. Guds stad i själen är det hem alla människor längtar till och för att understryka detta citerar Bremer därpå ett rejält stycke om Uppenbarelsebokens skinande stad, men avslutar med att “detta Jerusalem är långt, långt ifrån det jordiska” [I:II, s. 78]. I slutet av resan har emellertid polerna för ljus och mörker bytt plats. I den summerande anmärkningen är det tvärtom själens bilder, skapade av texten, som kallas “skuggbilder”, medan den fysiska platsen har framkallat “ljusbilder”. I Bremers framställning är det sinnligt tillgängliga ett självändamål.

En tradition gör gällande att Jesu sista fotspår på jorden finns bevarat i klippan där han steg upp till himmelen — en befängd tanke, enligt Bremer, men fotspårets geografiska läge har däremot betydelse. Det passar enligt henne mycket bra för missionsbefallningen, eftersom “det ligger emellan öknen och den odlade världen, emellan Döda hafvet och Medelhafvet — i medelpunkten snart sagdt af alla jordens verldsdelar” [II:I, s. 99]. Innebörden i missionsbefallningen, att sprida evangelium, är avläsbar och fysiskt tillgänglig i topografin. Bremer anser att hon därmed uppfattar landskapet symboliskt, men om man ska analysera hur verkligheten producerar mening i hennes teologisk-historiska teori måste man konstatera att hon utgår från bibeltexten som en sanning och omdefinierar landskapet för att uttrycka denna sanning. Bremers tolkningspraktik är allegorisk snarare än symbolisk: texten föregår och gestaltas i verkligheten.¹³

Strängt taget pågår samma allegoriserande praktik i Bremers omdefiniering av *via dolorosa* och Getsemane. Det var, som sagt, “karakteren af denna långa trånga väg med sina mörka smärtstationer” (II:I,

---

¹³ Forskningen om förhållandet mellan allegori och symbol är mycket omfattande och definitionerna har förändrats avsevärt över tid. För en diskussion om symbol och allegori se t.ex. de Man, 1983. Ang. allegori se även Quilligan, 1979.

s. 139) och möjligheten att *läsa in en gestaltning* av det självvalda lidandets väg i gatunätet, som gjorde *via dolorosa* meningsfull. Getsemanes olivträd omdefinieras i en långtgående antropomorfisering, som dessutom utvecklar en allegori över inkarnationen. Olivträden är en predikan över Guds död på korset så god som någon: varje del av beskrivningen har en motsvarighet i Jesu lidande och död. Träden, korsets material, är “färade och märkta såsom af djupa tankar och tårar” och får en “menschlig fysionomi” (II:I, s. 96) som uttrycker starkt lidande, men som ger hugsvalelse för den som sluter sig till dem, och det bittra ska vändas i ett underbart livsmedel (olja). Allegorin gör trädet Kristuslikt, till en kropp som väcker vördnad och kärlek. Att kyssa olivträd är hos Bremer en fantasi om att kyssa den inkarnerade guden.

Vid ett tillfälle tillbringar Bremer en natt i ett torn högst upp på Olivberget bredvid moskéns minaret, beskyddad av shejken och hans hustru. Hon önskar se soluppgången. Den uppgående solens strålar låter det bibliska landskapets olika landmärken framträda och Bremer följer i fantasin solstrålarna vidare “till Europa och Afrikas länder och bortom hafvet till den fjerran verldsdel, der alla verldsdelars folk och frukter komma tillsammans, der kanske ännu ljusets ädlaste frukter skola mogna” (II:I, s. 171). Solens strålar förbinder Palestina, Bibelns land, med Amerika, framtidens land. Geografin är en gestaltning av världshistorien. Denna allegoriska geografi är ingen ny tanke för Bremer — den genomsyrar både hennes egen och flera andra samtida reseskildringar från Amerika. Amerikas geografiska läge och klimatologiska förutsättningar bevisar enligt dem att försynen avsett landet som en samlingsplats för jordens folk och framtidens förlovade land [Bohlin, 2013]. I försynens plan har givetvis Palestina en nyckelroll.

Bremer lutar sig mot en erkänd auktoritet, geografen Carl Ritter (1779–1859), och slår fast: “landets läge och geografi höra med i Försynens verldsplan” genom “dess afskildhet medelst öknen och hafvet” samtidigt som det står i förbindelse med “de rundtom liggande, stora kultur-folken” och “med de trenne verldsdelarne Asien, Afrika och Europa” [Bremer, II:I, s. 217]. Bremer utlägger därpå betydelsen av detta läge — kombinationen av enslighet, som främjar koncentrationen på en enda Gud, och kontakt, som gör budskapet tillgängligt. Konsekvensen blir att

när Palestinas rike upplöstes och Jerusalem förstördes, så måste åter dess folk, med eller mot sin vilja, gå ut ibland alla folk och vittna

om den uppenbarelse, som främst bland alla blef Israel till del. [II:I, s.218]

Med eller mot sin vilja — historiens krafter som ingen människa kan motstå är nedlagda redan i landskapets utformning. Det är inte bara Palestina som är ett heligt landskap; Guds plan är inskriven i hela jordens geografi. Mississippi är lika helig som Jordan — även om Jordan är mer minnesrik och inbjuder till fler allegoriska utläggningar [II:I, s.198f.].

Den envisa frågan kvarstår dock fortfarande: varför måste Bremer resa till Palestina? Det enkla svaret är: hon vallfärdade till det Heliga Landet för att se solen gå upp över Olivberget. Det omvandlar den abstrakta teorin till sinneserfarenhet. Den teologisk-historiska rörelsen materialiseras i upplevelsen av solstrålarnas vandring över Palestinas landskap. Denna sinnliga upplevelse inger visshet, den visshet som inte låter sig resoneras fram. Estetik betyder ursprungligen “sinnlig varseblivning” och det är just själva sinneserfarenheten som ställs i centrum i hur platsen skapar mening i Bremers verk. Sinnligheten ger ljusbilderna, den fysiska upplevelsen av atmosfären på *via dolorosa* — lång, trång, mörk — och den ljuvliga utsikten över Olivberget från Trädgårdsgraven som låter sig tolkas övertygar Bremer om platsens sanning. I resonemanget om grunden för sanningsanspråken, som jag diskuterade ovan, betonar Bremer behovet av inre harmoni: “Jag måste söka öfverensstämmelse med mitt förnuft, mitt hjerta, mitt samvete [...]. Stadna i motsägelse är att stadna i helvetet.” [I:II, s.269f.] Sinnesintrycket ger denna inre harmoni som låter förnuftets, hjärtats och samvetets sanning sammanfalla. Den estetiska erfarenheten ger visshet.

Landskapet, omdefinierad till allegorisk geografi producerar mening i Bremers teologisk-historiska teori: landskapet fungerar som en utläggning av evangelium. Hon avvisar tron på ikoner och relikier, men meningsproduktionen är fortfarande kopplad till plats, eftersom visshet uppnås genom det estetiska sinnesintrycket. Det låter skuggbilder bli sinnliga ljusbilder och det öppnar för möjligheten att kyssa olivträd.

REFERENCES

- Arad P. Mapping Divinity: Holy Landscape in Maps of the Holy Land. *Jerusalem as Narrative Space. Erzählraum Jerusalem*. Eds. A. Hoffmann, G. Wolf. Leiden, Boston, Brill, 2012, pp.263–276.
- Badone E., Roseman S.R. (ed.). *Intersecting Journeys: The Anthropology of Pilgrimage and Tourism*. Urbana, University of Illinois Press, 2004. 199 p.

- Bohlin A. Fredrika Bremer's Concept of the Nation During her American Journey. *Ideas in History*, 2013, vol. 7, no. 1–2, pp. 43–70.
- Bohlin T. Fredrika Bremer och kyrkoläran. *Årsbok för kristen humanism*, 1966, pp. 70–85.
- Bowman G. Christian ideology and the image of a holy land: the place of Jerusalem pilgrimage in the various Christianities. *Contesting the Sacred. The Anthropology of Christian Pilgrimage*. Eds. J. Eade, M. J. Sallnow. London, New York, Routledge Publ., 1991, pp. 98–121.
- Bremer F. *Morgon-väckter. Några ord i anledning af "Strauss och evangelierne"; tros-bekännelse*. Stockholm, L. J. Hjerta Publ., 1842. 82 s.
- Bremer F. *Lifvet i gamla världen. Dagboks-anteckningar under resor i Söder- och Österland*, del I:II, II:I och II:II. Stockholm, Upsala, Adolf Bonnier, 1860–1861. 412 s., 239 s., 299 s.
- Brodd S.-E. 'Jag är mer katolsk än så'. Ett bidrag till frågan om Fredrika Bremers kyrkouppläggning. *Den kommunikativa kyrkan. Festskrift till Bernice Sundkvist på 60-årsdagen*. Eds. B. Sarelin, M. Lindfelt. Skellefteå, Artos, Norma bokförlag Publ., 2016, pp. 197–228.
- Burman L., C. Kommentarer och ordförklaringar. Bremer F. *Livet i gamla världen. Palestina*. Svenska Akademien, Stockholm, Atlantis Publ., 1995, pp. 405–429.
- Coleman S., Eade J. Introduction: Reframing pilgrimage. *Reframing Pilgrimage. Cultures in Motion*. London, New York, Routledge, 2004, pp. 1–25.
- Coleman S., Elsner J. *Pilgrimage Past and Present. Sacred Travel and Sacred Space in the World Religions*. London, British Museum Press, 1995. 240 p.
- Coleman S., Elsner J. Pilgrim Voices: Authoring Christian Pilgrimage. *Pilgrim Voices. Narrative and Authorship in Christian Pilgrimage*. Eds. S. Coleman, J. Elsner. New York, Oxford, Berghahn Books, 2003, pp. 1–16.
- Craig L. A. *Wandering Women and Holy Matrons. Women as Pilgrims in the Later Middle Ages*. Leiden, Boston, Brill, 2009. 308 p.
- Edwards P. *Pilgrimage and Literary Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 218 p.
- Gunner G. Fertile Soil and Swampy Ground: Through the Eyes of Travellers. *Patterns of the Past, Prospects for the Future. The Christian Heritage in the Holy Land*. Eds. T. Hummel, K. Hintlian, U. Carmesund. London, Melisende Publ., 1999, pp. 273–282.
- Hammar I. Fredrika Bremers *Morgon-väckter*. En provokation mot rådande genusordning. *Mig törstar! Studier i Fredrika Bremers spår*. Eds. Å. Arping, B. Ahlmo-Nilsson. Hedemora, Gidlunds Publ., 2001, pp. 141–164.
- Harper L. M. *Solitary Travelers. Nineteenth-Century Women's Travel Narratives and the Scientific Vocation*. London, Cranbury, Mississauga, Associated University Presses, 2001. 277 p.
- Hummel R., T. *Patterns of the Sacred. English Protestant and Russian Orthodox Pilgrims of the Nineteenth Century*. London, Scorpion Cavendish Publ., 1995. 76 p.

- Lock C. Bowing Down to Wood and Stone: One Way to be a Pilgrim. *Pilgrim Voices. Narrative and Authorship in Christian Pilgrimage*. Eds. S. Coleman, J. Elsner. New York, Oxford, Berghahn Books, 2003, pp. 110–132.
- de Man P. The Rhetoric of Temporality [1969]. *Blindness and Insight: Essays in the Rhetoric of Contemporary Criticism*. London, Routledge Publ., 1983, pp. 187–228.
- Margry P. J. Secular Pilgrimage: A Contradiction in Terms? *Shrines and Pilgrimage in the Modern World. New Itineraries into the Sacred*. Ed. by P. J. Margry. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2008, pp. 13–46.
- Moore H. The Pilgrimage of Passion in Sidney's *Arcadia*. *Pilgrim Voices. Narrative and Authorship in Christian Pilgrimage*. Eds. Coleman, Elsner. New York, Oxford, Berghahn Books, 2003, pp. 61–81.
- Pratt M. L. *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation*. London, New York, Routledge Publ., 1992. 257 p.
- Schramm K. Coming home to the Motherland: Pilgrimage tourism in Ghana. *Reframing Pilgrimage. Cultures in Motion*. Eds. S. Coleman, J. Eade. London, New York, Routledge Publ., 2004, pp. 133–149.
- Queen II E. L. Ambiguous Pilgrims: American Protestant Travelers to Ottoman Palestine, 1867–1914. *Pilgrims & Travelers to the Holy Land*. Eds. B. F. Le Beau, M. Mor. Omaha, New York, Creighton University Press, 1996, pp. 209–228.
- Quilligan M. *The Language of Allegory: Defining the Genre*. Ithaca, Cornell University Press, 1979. 305 p.
- Thompson C. *Travel Writing*. New York, Routledge Publ., 2011. 229 p.
- Williams W. 'A Mirrour of Mis-Haps,/ A Mapped of Miserie'. Dangers, strangers, and friends in Renaissance pilgrimage. *The "Book" of Travels. Genre, Ethnology, and Pilgrimage, 1250–1700*. Ed. by P. Brummett. Leiden, Boston, Brill Publ., 2009, pp. 205–239.

Анна Болин

кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры этнологии, истории религии и гендерных исследований Стокгольмского университета
E-mail: anna.bohlin@gender.su.se

Anna Bohlin

PhD, Researcher at the Department of Ethnology, History of Religions and Gender Studies, Stockholm University
SE-106 91 Stockholm, Sweden
E-mail: anna.bohlin@gender.su.se

Статья поступила в редакцию 16.07.2016, принята к публикации 01.09.2016

UDC 821.112.5

Jelica Novaković-Lopušina

Universiteit van Belgrado

HET BEELD VAN MIDDEN- EN OOST-EUROPA IN DE MODERNE NEDERLANDSE POËZIE

An imagological approach to contemporary Dutch poetry demonstrates what kind of stereotypes of Central and Eastern Europe find expression in the poetry written by immigrants from the countries of the Eastern Bloc on the one hand and by autochthonous poets on the other hand. The first ones see the relation *East* ↔ *West* as the dichotomy *warm = cordial* ↔ *cold = rational*, the latter see the *otherness* of the inhabitants of Central and Eastern Europe in their devotion to the history and in permanent looking back, to the past, and in two results of the long decades of communist ideology: the inability to think freely and the economic backwardness of their countries. Most of the verses written by autochthonous poets are devoted to historical events that had their specific features in Eastern Europe: the two world wars and the tragedy of the Jews, the civil war in Yugoslavia. However, for a number of Dutch poets the theme of Eastern Europe results from free associations and has no ideological loading.

Keywords: imagology, stereotypes, Dutch poetry, the image of the countries of Central and Eastern Europe, the Second World War, the civil war in Yugoslavia.

Trefwoorden: imagologie, stereotypen, moderne Nederlandse poëzie, het beeld van de landen van Midden- en Oost-Europa, de Tweede Wereldoorlog, de burgeroorlog in Joegoslavië.

Елица Новакович-Лопушина

Белградский университет

ОБРАЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СОВРЕМЕННОЙ НИДЕРЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ

Имагологический подход к современной нидерландской поэзии позволяет выявить, какие стереотипные представления о странах Центральной и Восточной Европы нашли выражение в стихах поэтов — выходцев из стран «Восточного блока» и поэтов-автохтонов. Если для первых соотношение «Восток — Запад» сводится к дихотомии «сердечное тепло — душевный холод», то вторые видят «инакость» жителей Центральной и Восточной Европы в их привязанности к истории, обращенности в прошлое и в вызванном длительным господством коммунистической идеологии неумении свободно мыслить, а также экономическом отставании их стран. Большинство стихов поэтов-автохтонов посвящено историческим событиям, имевшим в Восточной Европе свою специфику: двум мировым войнам и трагедии евреев, гражданской войне в Югославии. Однако

для ряда нидерландских поэтов тема Восточной Европы возникает в результате игры ассоциаций и свободна от идейной нагрузки.

Ключевые слова: имагология, стереотипы, современная нидерландская поэзия, образ стран Центральной и Восточной Европы, Вторая мировая война, гражданская война в Югославии.

Een imagologische benadering van hedendaagse Nederlandse poëzie laat zien welke stereotypen van Midden- en Oost-Europa tot uitdrukking komen in gedichten van immigranten uit Oostbloklanden aan de ene kant en Nederlandse autochtone dichters aan de andere kant. Bij de eersten komt de verhouding *Oost* ↔ *West* vaker neer op de dichotomie *warm=emotioneel* ↔ *kil=rationeel*, terwijl de laatsten het *anderszijn* van de inwoners van Midden- en Oost-Europa in hun gehechtheid aan de geschiedenis zien alsook in twee gevolgen van de langdurige dominantie van de communistische ideologie: het onvermogen om vrij te denken en de economische achterstand van hun land. De meeste verzen van autochtone dichters zijn gewijd aan de historische gebeurtenissen die zich in Oost-Europa afspeelden: de twee wereldoorlogen en de tragedie van de Joden, de burgeroorlog in Joegoslavië. Voor een aantal Nederlandse dichters is het thema van Oost-Europa echter het resultaat van het spelen met associaties, zonder enige ideologische lading.

1. INLEIDING

De imagologische invalshoek — een van de vele mogelijke perspectieven op literatuur — is ingegeven door een tripartiete samenwerking¹ aan *Kersvers* [Dioosi, Kalla, Novaković, 2009], een bloemlezing moderne Nederlandstalige poëzie voor studenten neerlandistiek in Midden- en Oost-Europa. Het ligt nu eenmaal voor de hand dat het hart van de samenstellers, die geen moedertaalsprekers van het Nederlands zijn, ietsje sneller klopt bij reflexies over hun eigen geboortegrond. Ondanks alle globalisering en internationalisering — ondanks het feit dus dat de extramuraal neerlandistiek is omgedoopt tot internationale — blijft de internationale neerlandicus/-ca namelijk gevoelig voor het anderszijn en vooral voor de perceptie van dat anderszijn.

---

¹ Het betreft een samenwerking tussen de afdelingen neerlandistiek van Boedapest, Wrocław en Belgrado.

Aan de hand van de onderzochte voorbeelden (waarvan het merendeel is opgenomen in *Kersvers*) blijkt dat er zonder meer gesproken kan worden van een anderszijn gebaseerd op een reeks van stereotype voorstellingen die in de poëzie wel of niet relativerend en speels tentoon worden gespreid.

2. Poëzie als ego-document

Gedichten over steden en streken kunnen welbeschouwd tot reis-literatuur gerekend worden. In deze specifieke vorm van ego-literatuur spelen autobiografische gegevens een belangrijke rol: het gaat om persoonlijke waarnemingen en herinneringen aan een langer of korter verblijf. Daarbij is het van belang om een onderscheid te maken tussen allochtone en autochtone dichters.

2.1. Allochtone dichters en hun herinneringen

De term 'allochtoon' heeft in dit geval betrekking op de geboorteplaats resp. origine van de in het Nederlands schrijvende dichters. Bij deze dichters gaat het dus om poëtische reflecties over de eigen roots. Het aantal in het Nederlands schrijvende dichters die uit de regio Midden- en Oost-Europa afkomstig is vrij beperkt: Lela Zečković², Jana Beranová³, Maja Panajotova en in een zekere zin Michael Bartosik. De eerste drie hebben met elkaar gemeen dat ze buiten het Nederlandstalige gebied zijn opgegroeid wat een zekere maat van culturele gespletenheid tot gevolg heeft gehad.

2.1.1. Jana Beranová

Jana Beranová is in 1948 als schoolmeisje met haar ouders meegevlucht uit het toenmalig Tsjechoslowakije. In haar gedicht 'Zonder bagage' [Beranová, 2002], geschreven in opdracht en gewijd aan emigranten, vermeldt ze haar geboorteland niet expliciet, maar de eigen herinnering helpt het invoelingsvermogen van de dichteres ongetwijfeld een handje. Er duikt dan ook een van de vaste Oost-Europese stereotypen op — de grens:

---

² De ex-Joegoslavische dichters die naar Nederland zijn gevlucht, met name Slobodan Blagojević, Hamdija Demirović en Predrag Dojčinović, zijn blijven dichten maar niet in het Nederlands.

³ Van Zečković en Beranová zijn helaas geen gedichten vertegenwoordigd in *Kersvers*.

ZONDER BAGAGE

De grens, klemvast, was een ver geheim.
Het was nacht, de maan was rood.
De hoge heuvel sleepte stenen aan
waar 't licht afdroop als
afscheidstranen. Het gevaar
verbond de wond.
We liepen.
De bergkam had
gaten in zijn tanden en het kind
vleugels op haar rug:
schooltasje, foto van de klas,
krabbel van de eerste liefde.

De mens is een bundel
verzwegen verhalen, klaar om
op te stijgen, uit te varen,
verstoppertje te spelen, alleen
tijdelijk in een haven.
Daar
zoek ik weleens tussen sleetse
koffers, reistassen en andere bagage
het schooltasje terug.

Tot de mentale en emotionele bagage van Beranova behoren dus de herinneringen aan gescheiden werelden, een grens en het verzwegen verhaal van jeugdsentimenten gelegen achter die grens.

2.1.2. Maja Panajotova

Haar echtgenoot Raymond Detrez volgend is deze Vlaamse dichteres van Bulgaarse afkomst op volwassen leeftijd in België komen wonen. Vandaar dat ze zich veel dieper bewust is van haar culturele gespletenheid. Deze gespletenheid komt tot uiting in haar perceptie van haar geboortestad Sofia [Panajotova, 1988; geciteerd naar Diosi et al., 2009, p. 466]:

STAD SOFIA

Neem me, Sofia,
in jouw omhelzing van gele stenen,

want jij bent het centrum van mijn wereld.
Parijs is een minnaar voor enkele nachten,
en Brussel — een flirt, voor even.

Sofia,
wat is de geheime oorzaak
van mijn aanhankelijkheid en dwaasheid
hoe kan ik aan jouw magie
een einde maken,

In de beschrijving van de vele als niet-Westers ervaren bekoringen van Sofia (*bedelaars, stoffige trams, mussen, zorgeloosheid, hongerige schilders*) noemt ze twee belangrijke sleutelwoorden uit het oriëntale discours: *geheim* en *magie*. Het houden van, tegen beter weten in, wordt volgens Panajotova uitgelokt door de magische kracht van deze geheimzinnige Balkanstad.

Gespletenheid komt ook tot uitdrukkingen in Panajotova's omgang met de taal [Panajotova, 1983; geciteerd naar Diossi et al., 2009. p.466].

TAAL

Wat ik denk en voel zit opgesloten
binnen de kille muren van een vreemde taal.

De dichotomie *warm — kil* bevestigt een van de stereotype voorstellingen van het Oosten als warm en emotioneel ten opzichte van het kille, rationele Westen. In haar gedicht 'Taal' verwoordt Panajotova het wezenlijke voorrecht van allochtone dichters: het vrijer en speelser omgaan met de nieuwaangeleerde taal.

2.1.3. Michel Bartosik

Een geval apart is de te Antwerpen geboren dichter Michel Bartosik van wie beide ouders afkomstig zijn uit Polen. In zijn gedicht 'Ostròw Tumski' [Bartosik, 2003; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.473], gewijd aan het kathedraaleiland in Wrocław, vloeien goudkleurige jeugdherinneringen aan de stad van zijn ouders samen met zijn even zonnige en geurige beleving van de stad waar hij nu zelf als ouder op bezoek is.

2.2. Reisgedichten

Autochtone Nederlandstalige dichters op reis door Midden- en Oost-Eropa noteren hun observaties en indrukken in opdracht van uitnodigende instellingen (wat niet altijd bevorderend hoeft te zijn voor de kwaliteit) of uit innerlijke noodzaak veroorzaakt door verwondering over de Ander. Hoe het ook zij, die indrukken en observaties stoeien op of resulteren meestal in een aantal vaste stereotypen.

2.2.1. Geschiedenis

In zijn prachtige gedicht ‘Boedapest, documentaire’ [Polet, 2001; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.470] schrijft Sybren Polet over de ‘tralies van de geschiedenis’ en over de Donau die in deze regio ‘versneld de historie binnenstroomt’. De verknochtheid aan een historicisme dat makkelijk historiomanie genoemd zou kunnen worden lijkt een van de overweldigendste uitingen van het anderszijn van Midden- en Oost-Europa. Het gros van de gedichten draait dan ook om historische gebeurtenissen die symbool staan voor de regio en zijn vicieus ogende cirkel van gewelddadige historische oorzaken en gevolgen.

2.2.1.1. Eerste Wereldoorlog

Aangezien ‘Kersvers’ een bloemlezing is van moderne Nederlandstalige poëzie is er maar één gedicht dat verwijst naar de Eerste Wereldoorlog en zijn in de Balkan gesitueerde aanleiding: de aanslag op kroonprins Franz Ferdinand te Sarajevo. Toch blijkt deze historische gebeurtenis een symbolische betekenis te bevatten die ook nog vandaag de dag intrigeert, getuige het gedicht ‘Wakken’ van Stefan Hertmans [Hertmans, 1988; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.468]:

WAKKEN

Toen iemand in Sarajevo raak
geschoten had, werden de eerste wissels
zichtbaar van een bar en troosteloos gebied

Hier dus nog een Midden- en Oost-Europees sleutelwoord — *troostloos*. Dit in 1988 gepubliceerde gedicht kan nog niet verwijzen naar de burgeroorlog in Joegoslavië maar lijkt die haast aan te kondigen: de eerste doden van die oorlog zijn namelijk gevallen door de aanslag van sluipschutters op een stoet bruiloftsgasten in Sarajevo.

Een heel ander gevolg van de Eerste Wereldoorlog en het uiteenvallen van het Habsburgse rijk is een knagend ‘heimwee naar Habsburg’ en naar een bourgeois verleden zoals Benno Barnard dat vaststelt in zijn gedicht ‘De nachthemel’ [Barnard, 2006; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 470]. In meer figuratieve zin staat dat heimwee voor de achterom kijkende blik die — in tegenstelling tot de Nederlandse — bij voorkeur zwelgt in historische melancholie.

2.2.1.2. Tweede Wereldoorlog en holocaust

De gruwelen van de Tweede Wereldoorlog, in het bijzonder de holocaust, hebben een diepe indruk achtergelaten in de Nederlandstalige literatuur. Ook al ligt het einde van die oorlog inmiddels meer dan zestig jaar geleden, hij blijft een opmerkelijke fascinatie uitstralen.

Karel Jonckheere heeft in 1965 een bezoek gebracht aan de Servische stad Kragujevac waar tijdens een vergeldingsactie driehonderd schoolkinderen zijn gefusileerd door de Duitse bezetters. In zijn gedicht ‘Kinderen met krekelstem’ [Jonckheere, 1965; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 466] heeft hij zijn onvermogen om deze gruweldaad te vatten prachtig onder woorden gebracht.

In 1973 heeft Marc Braet op uitnodiging van de Bond van Joegoslavische auteurs in de voetsporen van Jonckheere gereist en eveneens een gedicht aan de schoolkinderen van Kragujevac gewijd [Braet, 1995; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 467]. Opvallend is dat beide dichters verwijzen naar de onmacht van hun moedertaal om uitheems verdriet uit te drukken:

KINDEREN MET KREKELSTEM

Waarom zwijgen wij, Kragujevac?
Durf ik het voortvertellen in mijn taal
die ook wel weet hoe in een lied
de woorden voor een stom verdriet
eer men ze schuchter klinken doet
gezuiverd worden van veel bloed?
----- (Jonckheere)

KRAGUJEVAC

Hier moet ik denken hoe in ’t Zuiden

van mijn woorden angst en pijn
als krekels dag en nacht aanwezig zijn.
----- (Braet)

Bij Braet functioneert weliswaar het Zuiden i.p.v. het Oosten als oppositie van het Westen, maar de symbolische betekenissen van die hemelsrichtingen lijken in dit geval overeen te komen en sluiten aan bij een Servisch gezegde: *Što južnije to tužnije* (Hoe zuidelijker hoe droeviger).

Het thema van de holocaust komt in een tal van gedichten tot uitdrukking. Bij Buddingh⁴ volstaat het kapsel van een Poolse jood als metafoor om het leed van joodse vluchtelingen op te roepen.

Johan de Boose concentreert zich in zijn gedicht ‘Concetratiekamp Plaszow’ [Boose, 2001; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.474] op het persoonlijk lot van één enkel kind om de afmetingen van de joodse tragedie te benadrukken:

CONCENTRATIEKAMP PLASZOW

De groeve gaapt, de dood is niet te tellen.
Eén is al genoeg: één lege wieg, één slaaploos lijk.

In zijn poging om het kwaad te doorgronden refereert ook De Boose in zijn gedicht ‘Cracovia necropolis’ [Boose, 2001; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.474] naar de loop van de geschiedenis :

CRACOVIA NECROPOLIS

Ooit was zij de navel van de wereld,
een put zonder deksel waarin het drab
van eeuwen stroomde en het zieke zaad
van legers.

Het is door toedoen van legers dus dat Krakau niet alleen gesymboliseerd wordt door een kathedraal maar ook door kazematten en bordelen.

Zeer interessant en taboedoorbrekend i.v.m. de holocaust-kwestie is het gedicht van Bartosik over de verhouding tussen Polen en joden [Bartosik, 2003; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.473]:

---

⁴ Zie ‘Kort met een kuifje’ [Buddingh, 1977].

POLEN EN JODEN

Jij, levenslang verbijsterde
verkenner van de geschiedenis — Slang
die je hypnotiseerde — kende je polakken
beter.

2.2.1.3. Communisme en achterstand

In tegenstelling tot hun confraters aan het begin van de twintigste eeuw die nog hoopvol opkeken naar de nieuwe tijd aangekondigd door Russische revolutionairen, hebben hedendaagse Nederlandstalige dichters een heel ander besef van het communisme. Voor hen heeft de revolutie een systeem gebaard dat zijn eigen kinderen meedogenloos heeft opgegeten en een onuitwisbare, haast genetische verkreupeling van de politieke mentaliteit teweeg gebracht in de landen van het ‘reëel socialisme’. In zijn gedicht ‘Praag’ heeft Willem van Toorn het over ‘hardleerse bewoners’ [Van Toorn, 1981; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 475] en over de invloed van — alweer — de geschiedenis op hun taalgebruik en dus op hun manier van denken:

PRAAG

[...] Een taal
van dubbele bodems, gefluisterd,
in stegen afgeluisterd,
betekent dit allemaal.

De oude heersers zijn dood.
De nieuwe zijn rood aanwezig:
vlaggen en kreten beneden.

Het fluisteren duurt al eeuwen.
De taal heeft het langste leven.

Rood volstaat hier, net als in het gedicht ‘Een rode vlag in Boedapest’ van Willem Adelaar [Adelaar, s.a], om het gedicht in de communistische tijd te situeren. Cultureel verschil komt tot uitdrukking in het feit dat zelfs basale kleuren van betekenis verschillen.

EEN RODE VLAG IN BOEDAPEST

-----
voor mij is rood
gewoon een kleur

het roept niets bij me op
geen bloed
geen hamer en sikkel
geen vuur

voor mij is elke kleur
verwisselbaar:

De mentale gevolgen van het communistische systeem bleken inertie, passiviteit, corruptie en dictatoriaal gezag. In de economie was er sprake van achterstand, althans vanuit een Westerse perceptie. Op de vraag wat de aanleiding was voor zijn gedicht 'Dood van Vijftigers' en de regel 'Ondertussen heb ik Hongarije gezien: een dumpzaak.' [Dennoo, 2000; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p.471] antwoordt de Vlaamse dichter Joris Denoo het volgende:

Ik reisde tweemaal naar Hongarije (1993/4), telkens drie weken en bleef naderhand contact houden met de mensen daar. We waren indertijd gehuisvest door een hulpburgemeester van Salgotarjan, die we leerden kennen via via in België. Ik was/ben gefascineerd door die heel aparte taal. Toen we daar begin jaren negentig waren, leek m.i. het straatbeeld in Salgotarjan heel erg op dat van bij ons in de jaren vijftig/zestig. Tegelijkertijd meenden we te ondervinden dat de Hongaren toen heel vlug aan het verwestern waren qua consumptie bv. Een voorbeeld daarvan meenden we te zien in de omgang met afval (een luxebekommernis): er werd nog volop gezwerfvuuld langsheen de Tisza bv. Mijn metafoor van Hongarije als dumpzaak komt daarvandaan. De Hongaren die wij kenden/kennen waren heel vriendelijk en joviaal, maar we moesten er ook wennen (in die tijd) aan de almacht van de politie, een taboe op politiek geladen gesprekken en een soort Italiaans gevoel voor fictie en drama. Heel vaak troffen we boeken aan in de huizen; men kende zijn schrijvers.⁵

---

⁵ Citaat uit de mail van Joris Denoo van 17 mei 2009 in antwoord op mijn vraag naar de bronnen van zijn inspiratie.

Uit zijn uitspraak blijkt dat er echter ook positieve gevolgen waren: literatuur betekende — mede door haar indirecte subversiviteit — wezenlijk meer voor de Midden- en Oosteuropaan⁶.

2.2.1.4. Burgeroorlog en terrorisme

Het nieuwste historische beeld van de regio wordt in sterke mate bepaald door de recente oorlog in ex-Joegoslavië en andere vormen van terreur en terrorisme.

Jozef Deleu werpt de vraag op van urbicide en de vernietigende haat tegenover schoonheid en beschaving. Als voorbeeld dient Dubrovnik [Deleu, 2007; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 468] waaraan hij op de vooravond van de oorlog een bezoek heeft gebracht:

DUBROVNIK

Wie heeft de waanzin
ontstoken, de blauwe
schoonheid vermoord
die in Dubrovnik sliep?

Ook Stefan Hertmans heeft het over de moord op een stad. In zijn gedicht 'Februari / De tweede dood' [Hertmans, 1995; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 469] beschrijft hij op een huiveringwekkend mooie manier de bominslagen op de Markale-markt in Sarajevo. Het gaat hem niet om de politieke achtergronden en gevolgen van dit afschuwelijke massaker maar om de lugubere indrukwekkendheid van de dood: het lukt hem om een krachtige beeldspraak te vinden voor het afgrijzen.

Aan dezelfde stad is ook het gedicht 'Samen in Sarajevo' van Benno Barnard gewijd. Ook bij hem wordt oorlog verwoord in luguber mooie beelden: *kraaien die waaien als kwaan kranten, godwaarts motregenende vuren, de gouden klanken van een stukgevalle taal*. [Barnard, 2006; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 469]

Er worden in de poëzie (dit in tegenstelling tot het proza) nauwelijks vragen gesteld naar de politieke achtergronden en hoofdschuldigen in deze oorlog. Alleen het gedicht 'Slobodan' van Daan de Ligt [Ligt, s.a.; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 469] gaat daar zeer metaforisch en

---

⁶ In een interview benadrukt ook Jana Beranova het belang van cultureel besef in de ex-communistische landen. Zie <http://eerder.meandermagazine.net/interviews/interview.php?txt=3115&id=>

opvallend onmoraliserend over. Slobodan, niet nader omschreven met achternaam maar wel als beruchtste inwoner van De Ligts geboortestad, wordt vergeleken met een onnozel ogende kater.

SLOBODAN

In mijn eigen veilige achtertuin
onder een vredige, breekbare berk,
vond ik de ontzielde resten van een duif.
De kalme kater van de burensloperswerk?

waste in onschuld zijn dodelijke klauwen.
Zwarte aajibare sater.
Dankbare vliegen, schijnbaar onbewogen,
vlogen af en aan. Zorgend voor later.

En ik moest denken aan de beruchtste
bewoner van mijn rechtvaardig strenge stad.
Eens gevreesd jager, maar nu zelf wanhopig
wachtend op de klauwen van de zwartfluwelen kat.

De sleutelwoorden bij De Ligt zijn: *eigen veilige achtertuin, kalme kater, zwarte aajibare sater, dankbare vliegen, rechtvaardig strenge stad*. Hierin komt nog een aspect naar voren: namelijk het genoegen van maar ook de kritiek op de eigen beperkte veiligheid. En eveneens kritiek op oorlogsprofiteurs die aan weerszijden van het conflict dankbaar gebruik hebben gemaakt van andermans misère.

Een recenter geval van terreur en terrorisme is dat van de gijzeling en moord op schoolkinderen in Beslan in 2004 waaraan Jana Beranova een gedicht heeft gewijd [Beranova, 2007].

2.2.2. Overige stereotypen

Er zijn gelukkig ook gedichten die door andere beelden en indrukken zijn geïnspireerd. Zoals zintuigelijk genot uitgelokt door een bezoek aan een Belgradose kroeg of aan een termaalbad in Boedapest⁷. Maar ook daar komen bepaalde stereotypen naar voren die vaak doorgegeven worden door de gastheren en -vrouwen in de betreffende landen. Zo zinspeelt Michaël Vandebril in zijn gedicht 'Stari Beograd' [Vandebril, 2009, p.109] op een passage uit het boek *Het kafana-tribunaal*

---

⁷ 'Stari Beograd' van Michaël Vandebril; 'In bad' van Jelica Novaković [Kersvers, 2009]

[Novaković, Peeters 2006] waarin de muzikale smachtcultuur van de Balkan wordt uitgelegd. Het woord *éénsnarig* heeft betrekking op het eensnarige volksinstrument *gusle*:

STARI BEOGRAD

-----
eensnarige stad die onophoudelijk
mijn polsen oversnijdt

Vandebril gebruikt verder het woord *koppig* — een Nederlandse vertaling van het Servische woord *inat* — een eigenschap die zich de Serviërs zelf graag toeschrijven.

Een ander stereotype beeld in zijn gedicht — karakteristiek voor het oriëntale discours — is dat van de Ander als vrouw:

-----
o witte dijen van de balkan
waarop ik gretig al mijn handen leg

Over vrouwen dicht ook Johan De Boose in een gedicht zonder titel uit de bundel *De moed om te falen* [De Boose, 2001; geciteerd naar Di-ossi et al., 2009, p. 473]:

Hoe Poolse vrouwen zuchten —
daarmee gaat een luchtballon omhoog.

Zonder reden en zonder leed,
tegen alle regels in, met absoluut gebrek
aan elegantie blazen zij de lucht van eeuwen
dwars door je heen.

Misschien is het uit puur geluk,
misschien beginnen ze het volgende moment
ergens bij je schouder
of met de neus in een kop thee
te huilen.

De manier waarop De Boose Poolse vrouwen beschrijft doet denken aan de manier waarop Denoo Hongaren karakteriseerde: 'een soort Italiaans gevoel voor fictie en drama' waarin — alweer! — eeuwen geschiedenis een rol spelen.

Het grofst klinkt het spel met vooroordelen bij Hugo Claus. Daarin lijkt hij in het voetspoor te stappen van zijn beroemde landgenoot Paul van Ostajen, men denke aan diens cynisch stukje over ‘De Duitser’ [Ostajen, s.a.]. In Claus’ gedicht ‘De reis naar Polen’ [Claus, 1999; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 472] puilen gangbare vooroordelen uit elke regel: brutaliteit, melodramatiek, kwezelarij, frivoliteit, neiging tot diefstal, domheid.

2.3. *Associaties*

Een aantal gedichten berust niet zozeer op eigen indrukken als wel op associaties met gangbare opvattingen en stereotypen. In het gedicht ‘Cocotte’ creëert Hugo Claus bijv. tot vreugde van voetballiefhebbers een onverwachte vergelijking van het liefdesspel met de gangbare clichévoorstelling van Serviërs als goede voetballers: ‘Zij dribbelde als een Servische midfoor’ [Claus, Vanriet, 2003; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 468].

Wat het ‘gevoel voor fictie en drama’⁸ betreft, zeker als het om de eigen geschiedenis gaat, daarover ironiseert Komrij op een subtiële manier in zijn gedicht ‘Hongaars sprookje’ [Komrij, 2004; geciteerd naar Diossi et al., 2009, p. 470].

De band van Slavische talen met de irrationele kant van de Oost-Europese identiteit hebben we al bij Maja Panajotova kunnen zien maar ook bij Jan Elburg die zijn gedicht ‘Maar ik’ begint met de regel: ‘Maar ik versta het russisch van de wind niet’ [Elburg, 1975].

Het meest speelse voorbeeld van inspiratie berustend op klankassociaties, met name op vreemdtalige klankcombinaties die als geheimzinnig worden ervaren, is het gedicht ‘Naar Archangel’⁹ van Jan Hanlo [Hanlo, 2006; geciteerd naar Calis, 1960, p. 263].

NAAR ARCHANGEL

Ik wandelde in ‘t park in de lente
En het rook er naar kamelen
Er waren weliswaar veel mensen
Maar toch kwam het waarschijnlijk
Van het water in de vijvers
Ik kan

⁸ Joris Denoo in zijn mail van 17 mei 2009.

⁹ Oude Nederlandse benaming voor de Russische stad Archangelsk.

Kamelen
Uw lucht
Niet velen
Met kameelhaar wil ik vissen
Tussen lotussen en lissen
Met mijn engel
Zonder hengel
Zonder angel
In Archangel
Mijn engel ruikt naar
Korenaren
Pasgevallen sneeuw
En blaren

3. Conclusie

Het zoeken naar thematische overeenkomsten levert misschien een wat verengde kijk op poëzie op maar kan wel zeer interessante antwoorden bieden op cultuurhistorische vragen. Het beeld van Midden- en Oost-Europa wordt in de poëzie op een andere manier gefilterd en ingekleurd dan in het proza. Het is aan het medium zelf te danken dat er speelser en artistieker wordt omgegaan met stereotypen en clichés, maar desalniettemin komen ze voor en worden ze instandgehouden.

Het anderszijn is zowel een materieel als ook een psychologisch gegeven. Het is echter van belang om te weten hoe met dat anderszijn wordt omgegaan en of daar ook waardeoordelen aan worden verbonden. Nederlandstalige dichters blijken volgens dit kleine onderzoek vaak op een poëtisch indrukwekkende manier om te gaan met bestaande cultuurverschillen, of met humor en (zelf)ironie.

REFERENCES

- Adelaar W. *Een rode vlag in Boedapest*. Available at: [http:// www.dichttalent.nl](http://www.dichttalent.nl)
- Barnard B. *Het tongbotje. Gedichten 1981–2005*. Amsterdam, Atlas Publ., 2006. 319 p.
- Bartosik M. *Geschreven familie*. Gent, Poëziecentrum Publ., 2003. 58 p.
- Beranová J. *Tussen aarde en hemel*. Breda, De Geus Publ., 2002. Available at: <http://www.gedichten.nl/nedermap/gedichten/gedicht/89601.html?zoekresultaat=j>
- Beranová J. *Vinger van de tijd*. Breda, De Geus Publ., 2007. 64 p.
- Boose J. de. *De moed om te falen*. Gent, Poëziecentrum Publ., 2001. 72 p.
- Braet M. *Herknoop het in de herinnering*. Brugge, Pablo Nerudafonds Publ., 1995. 96 p.

- Buddingh' C. *Gedichten 1938–1970*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 1977. 176 p.
- Calis P. 'Jan Hanlo, dichter van de paradoxale eenvoud'. *De Gids*, jaargang 123, 1960, pp. 259–266.
- Claus H. *Wreed geluk*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 1999. 119 p.
- Claus H., Vanriet J. *Zeezucht*. Antwerpen, Behoud de Begeerte Publ., 2003. 59 p.
- Deleu J. *Het gaat voorbij*. Leuven/Amsterdam, Kritak/Meulenhoff Publ., 2007. 440 p.
- Denoo J. 'Dood van Vijftigers'. *De Brakke Hond*, 2000, no. 66.
- Dioosi A., Kalla B., Novaković-Lopušina J. (ed.) *Kersvers. Bloemlezing moderne Nederlandstalige poëzie*. Budapest, Károli Gáspár Református Egyetem Publ., 2009. 496 p.
- Elburg J. *Gedichten 1950–1975*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 1975. 485 p.
- Hanlo J. *Verzamelde gedichten*. Amsterdam, G. A. van Oorschoot Publ., 2006. 144 p.
- Hertmans S. *Bezoekingen*. Amsterdam, Meulenhoff Publ., 1988. 67 p.
- Toertmans S. *Francesco's paradox*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 1995. 68 p.
- Jonckheere K. *Roemeense suite*. Brussel, Manteau Publ., 1965. 48 p.
- Komrij G. *Alle gedichten tot gisteren*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 2004. 736 p.
- Ligt D. de. *Slobodan*. Available at: <http://www.daandeligt.nl>
- Novaković J., Peeters S. *Het kafana-tribunaal*. Beograd, Clio Publ., 2006. 459 p.
- Ostajien P. van. *De Duitser*. Available at: [http:// cf.hum.uva.nl/dsp/ljc/ostajien/diergaarden/](http://cf.hum.uva.nl/dsp/ljc/ostajien/diergaarden/)
- Panajotova M. *Verzwegen alibi*. Antwerpen, Manteau Publ., 1983. 48 p.
- Panajotova M. *Sofia blijft een mysterie*. Antwerpen, Houtekiet Publ., 1988. 62 p.
- Polet S. *Gedichten 1998–1948*. Amsterdam, De Bezige Bij Publ., 2001. 610 p.
- Toorn W. van. *Het landleven*. Amsterdam, Querido Publ., 1981. 35 p.
- Vandebril M. Stari Beograd. *Boest*. Antwerpen, Demian Publ., 2009, pp. 109.

Елица Новакович-Лопушина

доктор филологических наук, профессор
Белградского университета
E-mail: jelica.novakovic@gmail.com

Jelica Novakovic-Lopusina

Doctor of Philology, Professor,
University of Belgrade
Studentski trg 3, Beograd 11000, Serbia
E-mail: jelica.novakovic@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.07.2016, принята к публикации 30.08.2016

УДК 821.113.3

Н. Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

HUNGRVAKA («ПРОБУЖДАЮЩАЯ ГОЛОД»): ОТ САГИ К ХРОНИКЕ И ЖИТИЮ?

В статье рассмотрена жанровая специфика «Пробуждающей голод» — памятника древнеисландской литературы XIII в., содержащего жизнеописание первых местных исландских епископов. Обсуждаются композиционные, нарративные и языковые особенности, сближающие это произведение с родовыми сагами, средневековыми хрониками и житиями христианских святых, — родословные, летоисчисление, летописный перечень светских и церковных деятелей, деяния епископов, портретные характеристики, чудеса и знамения. Несмотря на присутствие некоторых признаков иноземных жанров, в целом данное произведение остается в рамках поэтики родовой саги. Близость родовой саге обнаруживается в генеалогиях и детализации родственных связей, которые связывают епископов с эпохой заселения Исландии. Скалахольт, место основания первой церковной кафедры в Исландии, представлен как религиозный центр, наделенный сакральной значимостью, в его описании слышатся отзвуки мифологических представлений о некоем идеальном прототипе вещей. По заданному родовой сагой стереотипу строятся «портретные» характеристики епископов, которые соответствуют идеальному образу хёвдинга, представителя местной знати. Лишь портрет Торлака сына Рунольва, который служит прообразом Торлака сына Торхалля, первого национального святого Исландии, полностью отвечает житийному канону. Однако светское поведение епископа может сочетаться в рассказе с его подвижническим образом жизни или истолковываться в христианском духе. Анонимный автор стремится нарисовать картину национального согласия под эгидой Церкви, отодвигая на задний план распря как причину действия, что ведет к жанровой трансформации родовой саги. Кончина, сопровождающаяся предсмертными муками и чудесами, проясняет смысл земного служения епископа. Ее описание содержит преимущественно житийные топосы, но иногда передает реалистические детали повседневной жизни. Смерть каждого исландского епископа соотносится со смертью его современников за рубежом, как церковных иерархов, так и светских правителей. Заметно также желание автора проводить параллели между его героями и значительными фигурами всемирной истории.

Ключевые слова: исландские саги, средневековая литература, хроника, житие, «Пробуждающая голод», христианизация Исландии.

Natalya Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow

‘HUNGRVAKA’: ON THE WAY FROM THE SAGA TO THE CHRONICLE AND HAGIOGRAPHY?

The paper deals with some generic characteristics of *Hungrvaka*, a 13th c. monument of Old Icelandic literature, which describes the lives of the first local bishops of Iceland. The author discusses some features of composition, narration and language which make this work close to family sagas, medieval chronicles and lives of Christian saints — genealogies, chronology, the annalistic list of secular and Church leaders, the bishops’ *gesta*, their portrait characteristics, miracles and omens. Despite the presence of some signs of foreign genres, in general this work remains within the poetics of family saga. The closeness to the family saga is found in genealogies and detailed description of the family ties that bind bishops to the epoch of the settlement of Iceland. Skalaholt, the first episcopal see in Iceland, is presented as a religious center, endowed with sacred significance; in its description we hear echoes of mythological notions of an ideal prototype of things. In accordance with family saga stereotypes are constructed the ‘portrait’ characteristics of bishops which correspond to the ideal image of *höfðingi*, a representative of the local nobility. It is only the portrait of Þorlákr Runólfsson (a prototype of Þorlákr Þorhallsson, the first national saint of Iceland) that fully meets the hagiographic canon. However, the secular behavior of the bishop may be combined in the story with his ascetic way of life or be interpreted in a Christian spirit. The anonymous author seeks to paint a picture of national consensus under the auspices of the Church, pushing into the background the war as the spring of action that leads to the generic transformation of the family saga. Death, accompanied by suffering and wonders, clarifies the meaning of the earthly ministry of the bishop. Its description contains predominantly hagiographical *topoi*, but sometimes also conveys the realistic details of everyday life. The death of every Icelandic bishop is correlated with the death of his contemporaries abroad, both the Church hierarchs and secular rulers. Noticeable is also the author’s desire to draw parallels between his characters and significant figures in world history.

Keywords: sagas of Icelanders, medieval literature, chronicle, hagiography, *Hungrvaka*, Christianization of Iceland.

Исследуя становление средневековой литературы в Исландии, М. И. Стеблин-Каменский обратил в свое время внимание на трансформацию устной традиции, положившей начало родовым сагам, в иные разновидности саги под влиянием изменения ее содержания. Концентрация повествования на представителях власти — королевской в Норвегии и епископской в Исландии — способствует появлению так называемых «королевских» и «епископских» саг, где полнота охвата действительности начинает сменяться выборочным ее описанием, а время в известной мере абстрагируется от происходящих в нем событий [Стеблин-Камен-

ский, 1984, с. 179, 192; 2003, с. 378, 387]. И хотя в конечном итоге эта линия развития ведет к тенденциозному отбору фактов, явно выраженной дидактике или даже пропаганде, все же следует согласиться, что «жанры» древнеисландских саг «существуют на ином основании, нежели жанры в литературе нового времени» [Смирницкая, 1988, с. 235]. В статье предпринята попытка показать, что такой своеобразный памятник древнеисландской литературы, как *Hungrvaka* (букв. «Пробуждающая голод»), где воспроизводятся внешние признаки иноземных жанров — хроники и жития, в целом остается в рамках поэтики и ментальности местной родовой саги, хотя и обнаруживает новые элементы¹.

Своим названием это произведение обязано прологу дидактического содержания, написанному от первого лица, в котором анонимный автор прямо говорит: «Книжечку эту называю я пробуждающей голод...» (1)². Однако обращается он к своим читателям не с моральным назиданием, а чтобы приохотить их «к изучению родной речи, побудить читать написанное на северном языке — законы, или саги, или родословия» (1). Согласно поэтике саги и строятся последующие жизнеописания первых пяти епископов Исландии, выдержанные в объективном и сдержанном стиле.

Близость саге обнаруживается прежде всего в развернутых генеалогиях, доведенных до третьего-четвертого, а иногда и пятого колена, и указании родственных связей (детей и внуков с их брачными союзами, жен и их предыдущих мужей) даже в том случае, если таковые не играют роли ни в истории Церкви, ни в дальнейшем повествовании. Генеалогии связывают епископов с эпохой заселения, показывая их укорененность в местном сообществе. Как и всякая родовая сага, *Hungrvaka* связана с определенной местностью в Исландии — хутором Скалахольт на юге страны, где

¹ Текстологическое описание и история изучения этого памятника, сохранившегося только в рукописях не ранее начала XVII в., представлены в изданиях: [Hungrvaka, 2002, s. VI–XXXI; Basset, 2013, p. 1–40].

² Здесь и далее текст «Пробуждающей голод» цитируется в русском переводе О. Б. Дубровина под научной редакцией Н. Ю. Гвоздецкой. Перевод выполнен по изданию [Hungrvaka, 1905, s. 87–126]. Этому изданию следует и нумерация глав, отмечаемая в круглых скобках после цитаты. Учитывалась также новейшая публикация оригинала и комментарии к нему [Hungrvaka, 2002, s. 3–43], а также английский перевод [Basset, 2013]. Первая часть русского перевода опубликована в: [Пробуждающая голод, 2016, с. 95–108]. Вторая часть находится в печати.

впервые возникла церковная кафедра³. Его первые обитатели — Тейт, сын первопоселенца Кетильбьёрна Старого, и Гицур Белый сын Тейта — изображены как наделенные особой «удачей» (gæfa), благодаря которой одному удалось построить Скалахольт, «лучший хутор в Исландии» (2), а другому — ввести в стране христианство⁴. Таким образом, данная местность представлена как религиозный центр, обязанный своим появлением Провидению, которое, однако, в данном случае ничем не отличается от языческой веры в личную судьбу человека, в самом же основании кафедры слышатся отзвуки мифологических представлений о некоем идеальном прототипе вещей⁵.

По заданному родовой сагой стереотипу строятся личностные характеристики епископов, где внешние черты указываются прежде внутренних и соответствуют им, а последние сосредоточены на отношениях с окружающими или подразумевают качества, которые ценились в исландском обществе. Так, о епископе Гицуре сказано, что он «выделялся во всем, чем должен отличаться мужчина» (5). Как правило, отмечается рост епископа (высокий или средний), его глаза и взгляд (видимо, как отражение внутренней харизмы), внешняя привлекательность. Упоминаются дружелюбие и обходительность, особенно с родичами, а также справедливость и честность, щедрость и радушие, твердость характера, предусмотрительность, ум, великодушие. Хотя все епископы в юности получали образование за рубежом или дома, ученость и владение пером отмечены лишь в портрете Кленга (вскользь упомянута также ученость Магнуса). В отношении остальных качеств Кленг соответствует идеальному образу представителя местной знати, ср.: «Кленг сын Торстейна был приятен с виду, среднего роста, подвижный, энергичный и способный, и владел пером, и весьма учен, и красноречив, и надежный друг, и великий скальд» (17).

³ Менее детализовано происхождение епископов Холара на севере, как и вообще повествование об этой второй церковной кафедре Исландии.

⁴ Интересно, что той же «удаче» (gæfa) приписывается избрание епископом Кленгом «такого поистине святого человека», как епископ Торлак сын Торхалля (19).

⁵ В рамках мифологического сознания создаваемый автором образ Скалахольта может оцениваться как некий идеальный прототип епископской кафедры, ср.: «Дерево лучшее — ясень Игтдрасиль... лучший конь — Слейпнир... а Гарм — лучший пес» [Младшая Эдда, 1970, с. 62].

Недаром в его характеристике присутствует столь выразительный эпитет, как *sköruligr* (от *skörungr* — букв. «кочерга», в переносном значении «выдающийся, благородный и энергичный человек»). Напротив, христианские добродетели отмечены лишь в портрете Торлака, видимо, в возмещение отсутствия у него других выдающихся качеств: его очень короткая светская характеристика («среднего роста, длиннолицый, светлорусый, обходительный») завершается указанием на невысокое мнение о нем большинства людей — «человек ни чем-либо примечательный, ни выдающийся» (10). В противоположность Кленгу Торлак не отвечал образу *skörungr*, что особо отмечается в тексте (*né allskörungr*). Данная характеристика Торлака, вероятно, неслучайна и более отвечает канону жития, нежели саги. Если другие епископы, как, например, Гицур, были выдающимися людьми «как по благодати Божией, так и по собственным заслугам» (7), то Торлак собственных заслуг не имел, являя тем самым пример истинного смирения. Фигура Торлака сына Рунольва предвосхищает в рассказе⁶ и, вероятно, служит прообразом его тезки Торлака сына Торхалля, первого канонизированного святого Исландии, который упоминается в таком качестве уже в конце «Пробуждающей голод» (19–20), ср. эпитеты *sannheilagr, enn heilagi/enn sæli Þorlákr biskup*. К другим епископам Скалахольта подобные эпитеты не прилагаются.

Не одни вводные личностные характеристики, но и поведение первых исландских епископов в известной мере отвечает образу хёвдингов. Двое из них (Ислейв и Гицур) были женаты еще до возведения в епископский сан, а Ислейв даже три раза. Звание «большого хёвдинга» (*mikill höfðingi*) могли иметь их сыновья, как Торвальд сын Ислейва (2). Гицур в ранние годы много путешествовал, по-видимому, не только ради получения образования, и заслужил высокую репутацию за рубежом, дружа со знатными людьми, в частности с норвежским королем Харальдом Суровым, как и подобало знатному исландцу. Возможно, его предсмертные слова «жизнь моя подошла к концу, и погулял я немало» (7) могут быть намеком на его бурную молодость, во всяком случае, король Харальд считал его пригодным не для одной церковной карьеры. Действительно,

---

⁶ Некоторые исследователи считают «Пробуждающую голод» чем-то вроде вступления к большой Саге о Торлаке, которая следует за ней в рукописях [Basset, 2013, p. 35].

в тексте его статус в стране сравнивается со званием короля: «Можно сказать, что пока он жил, был он над этой страной и королем, и епископом» (5). Епископ Магнус устраивал богатые пиры, на которых не только отмечались престольные праздники, но и праздновались свадьбы (14). Епископ Кленг прославился богатыми дарами гостям и столь многолюдными пирами, что они могли показаться даже признаком некоторого высокомерия (*stórmennska*), ибо на одном из них, где угощалось семьсот человек, не хватило еды. Более того, Кленг смело брался за любые тяжбы и добивался в них успеха, а также был весьма опытен в толковании законов страны, благодаря чему слыл великим хёвдингом (18).

Полную противоположность составляют портрет и поведение Торлака сына Рунольва, которые выдержаны в духе житийного канона: «Уже с юности он был большим молитвенником, прозорливцем и призван к священническому служению. Был он мягким, смиренным и миролюбивым» (10). Непрестанно занимался Словом Божиим или делами милосердия, ср.: «Каждый день выпевал он треть Псалтири, медленно и вдумчиво, а в другое время [свободное от чтения Псалтири] он учил, или писал, или читал Священное Писание, или окормлял тех людей, которые в этом нуждались и приходили к нему [за помощью]» (11). Некоторые бытовые черты призваны, по-видимому, противопоставить его поведение типичному поведению хёвдинга. Так, «прижимистый» (*féfastr*) Торлак разительно контрастирует с расточительным Кленгом, но при этом автор не забывает отметить, что к беднякам он был щедр и никогда не жалел денег на нужные вещи (11).

Впрочем, и рассказ об образе жизни других епископов все же больше выдвигает на первый план их христианские черты, в отличие от прямых вводных характеристик, подчеркивающих черты светские. Этому можно найти два объяснения. Во-первых, прежде чем получить посвящение от зарубежных иерархов, претендент утверждался на должность епископа на альтингге, поэтому вводные портретные зарисовки акцентируют то, что создавало человеку репутацию в обществе, еще далеко от христианской этики. Во-вторых, само посвящение в высокий духовный сан могло подразумевать изменение поведения. Так, Ислейв, хоть и был с юности «приветлив со всеми» — *vinsæll við allþýðu* (букв. «удачлив в друзьях»), не проявлял в епископском служении той снисходи-

тельности к пастве, которой отличались заезжие иноземные епископы, и решительно возражал против двоеженства, грабительства в викингских походах и других языческих обычаев, из-за чего претерпел «много затруднений» — *naud mikla á marga vega* (2).

Более того, светское поведение епископа может сочетаться в рассказе с его подвижническим образом жизни или же истолковываться в христианском смысле. Так, расточительный Кленг «скор на милостыню к беднякам», а его затраты на пиры и дары с лихвой окупаются тем, что «Всемогущий Бог, который отдает от Себя всякое благо, сделал так, что они не имели недостатка в том, в чем нуждались» (17). Как и ранее Торлак, Кленг «и писал, и пел Псалтирь», и даже «предавался самоистязанию более, чем другие епископы — бдением, постом, [скудной] одеждой: он часто ходил босиком по снегу в мороз» (18). Внешнее величие и внутреннее смирение не вступают между собою в противоречие, но подаются в рассказе как известные всем факты. Фактографичность стиля родовых саг позволяет примирить между собой, казалось бы, непримиримые стороны характера.

И все же в одном, и весьма существенном, отношении можно наблюдать тенденциозный отбор фактов, нехарактерный для родовой саги. Взаимоотношения епископа с паствой подаются, как правило, в мирном и безмятежном духе, через формульные выражения вроде «отправился епископ Гицур в Исландию, и народ радостно его принял» (5). Несогласия между епископом и паствой частично детализованы, как указывалось выше, лишь в жизнеописании первого епископа Ислейва, далее они подаются лишь намеком. Однако из того, что при вступлении в должность епископа Гицура все хёвдинги должны были обещать ему соблюдение христианских заповедей, можно понять, насколько серьезными могли быть нестроения. Обещания эти, видимо, не выполнялись, ибо и Торлак, преемник Гицура, страдал от непослушания хёвдингов. Вероятно, не случайно далее чуть ли не главным достоинством последующих епископов, Магнуса и Кленга, считается их умение мирить людей и ладить с ними, вплоть до утверждения, что «у людей не было никаких тяжб, пока Магнус был епископом» (13). Трудно этому поверить, если учесть, какие преимущества дала введенная Гицуром церковная десятина тем хёвдингам, которые строили церкви в своих имениях и могли противопоставить свою власть

епископской. Именно с ними предстоит бороться первому национальному святому Торлаку сыну Торхалля. Анонимный же автор «Пробуждающей голод», напротив, стремится нарисовать картину национального согласия под эгидой Церкви, исключая из своего рассказа распрю как пружину действия, что ведет к трансформации родовой саги.

На роль пружины действия могли бы претендовать деяния епископов, подобно деяниям норвежских королей в «Круге Земном». Однако сведения о них слишком отрывочны и разноплановы, чтобы составить цельную картину. Мы больше узнаем о том, как «креп и расширялся хутор в Скалахольте» (1) благодаря введению церковной десятины, преумножению земель, движимого имущества, строительству храма и его украшения, нежели получаем связный рассказ о деятельности епископов. Сходство с королевскими сагами состоит, пожалуй, лишь в том, что главными моментами жизни отдельного епископа оказываются его вступление в сан (народное избрание, посвящение за рубежом, возвращение на родину) и его уход из жизни.

Кончина, сопровождающаяся предсмертными муками и чудесами, проясняет смысл и значение земного служения епископа. Небезразлично, где и как происходит эта кончина. Ее описание содержит преимущественно житейные топосы, но иногда и реалистические детали местной жизни. Все кончины сопровождаются физическим страданием, хотя описывается и оценивается оно по-разному. Наиболее детализована предсмертная болезнь епископов Гицура и Кленга, благодаря чему на первый план выступает христианское смирение этих некогда энергичных хёвдингов. Впрочем, Гицур и болезнь воспринимает как «Божию битву» и не стремится избежать страданий, в чем упрекает его ворчливая жена (7). Поразительно в этом плане также поведение Магнуса, столь же энергичного в своем земном служении⁷: он сознательно идет на мучительную смерть, не пытаясь выбраться из горящего дома и во всем полагаясь на волю Божию, в чем проявляется сила его веры (15).

⁷ Гицур, Магнус и Кленг проявили себя прежде всего как рачительные хозяева, заботившиеся о материальном укреплении кафедры. Достаточно вспомнить, как Гицур после смерти матери передал в церковное владение все движимое и недвижимое имущество Скалахольта (5), Магнус привез из-за рубежа дорогую церковную утварь и ткани (14), а Кленг перестроил храм, доставив из Норвегии два корабля древесины (17).

Напротив, Торлак сын Рунольва, смиренный при жизни, скрывает от окружающих проявления своей болезни, утешаясь сознанием выполненного долга, о чем, возможно, свидетельствует чтение им «Забот пастыря» папы Григория I (12). Не менее погружен в свои пастырские труды перед кончиной Ислейв, к которому стекаются люди за советом (2).

Значимо также место кончины и погребения, как и характер сопровождающих ее чудес и знамений. Все епископы умирают в Скалахольте, только Магнус погибает в пожаре за его пределами⁸. Ислейв представлен настолько сроднившимся с кафедрой, что готовится к смерти и умирает в храме, где ему была постелена постель, его сын Гицур отходит в окружении семьи, но Торлак сын Рунольва, первый из неженатых епископов, — в окружении клириков. Кончина Ислейва не сопровождалась чудесами, но незадолго до смерти он обнаружил способность исцелять бесноватых и сделал пригодным для питья испорченное пиво, в чем явно видны евангельские аллюзии⁹. Торлак, слушавший перед кончиной латинскую речь папы Григория и всегда особенно усердно внимавший слову Божию, удостоился по смерти латинской кантилены с небес. А тело Магнуса оказалось почти не поврежденным пожаром. Обделен чудесами епископ Кленг, но его образ затмевается образом его преемника, святого Торлака сына Торхалля, которому посвящена отдельная сага. Смерть епископа Гицура сопровождается зловещими знамениями — бурей, которая помешала пасхальной службе и разрушила храм на полях Тинга. Рассказ, нарастая, обретает эпические, почти эсхатологические тона: «А смерть епископа Гицура повлекла за собой всякого рода бедствия — кораблекрушения, гибель людей и падеж скота... а после того — распри и беззакония, а вслед за тем — великий мор по всей стране, и не бывало такого с самого заселения Исландии» (8)¹⁰.

Все епископы погребены в Скалахольте, причем подчеркивается, что каждый предан земле рядом со своими предшественника-

⁸ Топос пожара характерен для родовых и королевских саг.

⁹ Пиво было основным праздничным напитком в Исландии, и потому его нехватка подобна нехватке вина в Кане Галилейской.

¹⁰ Ср. пророчество вэльвы о конце света в «Старшей Эдде»: «Братья начнут / биться друг с другом, / родичи близкие / в расприх погибнут; / тягостно в мире, / великий блуд...» («Прорицание вэльвы», строфа 45, пер. А. Корсуна). Цит. по: [Старшая Эдда, 1975, с. 188].

ми, а Ислейв — рядом со своим отцом Гицуром Белым, который первым построил храм на хуторе, а также рядом с иноземным епископом Колем, что, по мнению автора, придает особый статус кафедре Скалахольта, позволяя ей «называться духовной матерью всех других святых мест в Исландии» (2).

Рассказ о побывавших в Исландии иноземных епископах расширяет горизонт повествования, выводя его за пределы истории местной Церкви. Еще более сближает его с хроникой вселенской Церкви указание годов смерти епископов Скалахольта (летоисчисление ведется от Рождества Христова) и церковных праздников, с которыми связаны их посвящение в сан и кончина. В конце каждого жизнеописания смерть епископа соотносится со смертью его современников за рубежом, причем не только церковных иерархов (пап и архиепископов), но и светских правителей (королей и императоров) — от Скандинавии до Германии, Греции, Италии и Иерусалима, иногда даются детали их гибели и погребения. Это приближает повествование к всемирной хронике.

Некоторые исследователи указывают на встречающиеся в этих летописных перечнях почти дословные совпадения с текстом «Книги об исландцах» Ари Мудрого, который первым попытался включить историю Исландии в контекст всеобщей истории, и допускают прямые заимствования [Basset, 2013, p. 12]. Другие полагают, что летописные фрагменты «Пробуждающей голод» представляют собой более поздние добавления [Turville-Petre, 1953, p. 204]. Следует заметить, однако, что эти фрагменты не являются механическими или чужеродными вставками хотя бы потому, что некоторые упоминаемые в них лица фигурируют также в эпизодах зарубежного посвящения епископов.

Более того, заметно желание автора проводить прямые параллели между его героями и значительными фигурами всемирной истории. Так, преемник Кленга епископ Торлак сын Торхалля, которым завершается рассказ, назван «лучом или драгоценным камнем среди святых, как в этой земле, так и во всем мире». По словам автора, «его можно воистину назвать апостолом Исландии, так же как святой епископ Патрик был назван епископом Ирландии» (20). Св. Патрик не упоминается ранее в тексте, зато упоминаются имена его учеников и последователей — св. Бригитты Ирландской, св. Колумбы и ирландских мучеников из Селье.

Бедственное состояние Исландии после кончины епископа Гицура сравнивается с состоянием Римской державы после смерти папы Григория, благодаря чему оба иерарха уравниваются по значимости. Ср.: «И подумалось умнейшим людям, что Исландия, казалось, дала течь¹¹ после кончины епископа Гицура, как и Римская держава после смерти Папы Григория». Принято видеть здесь намек на Григория I (Великого), поскольку его исландское житие говорит о разразившихся после его смерти неурожайе и голоде [Louis-Jensen, 1976, s. 273–279]. Думается, что здесь может подразумеваться и упоминаемый в нашем тексте Григорий VII, давший рекомендательное письмо Гицуру в пору борьбы с политическими притязаниями Генриха IV, императора Священной Римской империи, — борьбы, которая привела к отлучению Генриха и его сторонников. Гицур не желал ссориться с папой и получил посвящение от преданного тому архиепископа Хардвига, а не Лиемара, к которому первоначально направлялся. Поэтому возможно, что смерть Папы Григория VII (на чьей стороне оказался исландский епископ) при жизни его политического противника могла восприниматься в Исландии как крушение духовных основ империи. Ссылка на «умнейших людей» показывает, что это мнение принадлежало не одному автору «Пробуждающей голод».

Таким образом, упоминание известных исторических лиц после смерти епископа и соотнесение с ними его правления подготовлено в тексте их упоминанием в связи с эпизодами его жизни, особенно посвящением в сан. Описание деталей этого посвящения создает тот исторический фон, благодаря которому главы церковной кафедры в Скалахольте получают не меньший вес, чем их знаменитые зарубежные современники. Так, по пути к Папе Римскому Ислейв снискал расположение императора Генриха сына Конрада (Генриха III) тем, что сделал ему диковинный подарок — белого медведя, который считался «величайшим сокровищем» (*in mesta gersemi*). И Генрих дает ему грамоту с собственной печатью. А Папа Лев определяет день посвящения Ислейва — праздник

---

¹¹ В оригинале *drjúpa 'drip; let in rain'* [Cleasby, Vigfusson]. Однако некоторые рукописи дают глагол *drúpa 'droop'* [Hungvaka, 2002, s. 21]. Это меняет смысл метафоры: «Исландия, казалось, поникла». Представляется, что первый вариант лучше отражает сравнение государства с кораблем, характерное для средневековой литературы.

Пятидесятницы, или Троицы (Hvítdróttnisdagr) — в надежде, что «станет величайшей честью для всей епархии и ее епископата, если первый епископ в Исландии будет посвящен в тот день, когда Бог украсил весь мир дарами Святого Духа» (2). Гицура счел достойным епископского сана Харальд Суровый (5), Магнус же, направляясь для посвящения в Данию, сумел завязать дружбу с норвежским конунгом Харальдом Гилли и получил богатые дары, которыми украсили храм в Скалахольте (13).

Примечательно, однако, что не только исландские епископы становятся участниками всеобщей истории, но и фигуры всемирного значения мыслятся равноположными с исландцами, ничем как будто не превосходящими их, причем не только с исландскими иерархами, но и людьми светскими, чей статус иногда даже не упомянут. Последние оказываются значимыми сами по себе, как потомки исландских первооселенцев. Это проявляется в неожиданном соположении в летописных перечнях иноземных правителей и обычных исландских бондов. Ср.: «Пока Магнус был епископом... погибли король Магнус сын Сигурда и Сигурд Шумный диакон. Тогда же произошло убийство Торира сына Стейнмода и кончина архиепископа Эцура... и Финна законоговорителя, и Генриха, короля английского» (16).

Особенно же это заметно там, где говорится, сколько знаменитых людей скончалось в том же году, что и епископ Гицур. Среди них и Папа Пасхалий, и Балдуин, король Иерусалимский, и патриарх Арнульф, и король греков Алексей, и король шведов Филипп... Однако завершается этот грандиозный перечень неожиданной репликой: «И погода тогда очень ухудшилась». После чего следует описание бед, постигших Исландию, среди которых последним — и потому особо значимым — оказывается тот факт, что «после смерти епископа был ранен на альтинге Хавлиди сын Маса, и по этому делу в то лето не было вынесено никакого [судебного] решения» (8). Судьба рядового исландца оказывается не менее значимой, чем все вместе взятые правители мира. Поистине не исландские иерархи «включаются» во всеобщую историю, а родовая сага «разрастается» до всемирных пределов, словно вбирая в себя самые отдаленные от Исландии регионы и их обитателей.

ЛИТЕРАТУРА

- Младшая Эдда / изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1970. 256 с.
- Пробуждающая голод (главы 1–9) / пер. с древнеисланд. и коммент. О. Б. Дубровина; под ред. Н. Ю. Гвоздецкой // CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. Вып. 8. С. 95–108.
- Смирницкая О. А. Исландские саги в работах М. И. Стеблин-Каменского и «Сага о Сверрире» // Сага о Сверрире. М., 1988. С. 226–244.
- Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 181–356. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 9).
- Стеблин-Каменский М. И. От саги к истории. От саги к житию // Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984. С. 168–198.
- Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 293–426.
- Basset C. Hungrvaka / Transl. with Introduction, Bibliography and Index by Camilla Basset / Ritgerð til MA-prófs. Háskóli Íslands, Hugvísindavið, 2013. URL: <http://docplayer.net/7371660-Hugvísindasvid-hungrvaka-translation-by-camilla-basset-ritgerd-til-ma-profs-camilla-basset.html> (дата обращения: 10.08.2016).
- Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oi_cleasbyvigfusson/b0473.html (дата обращения: 10.08.2016).
- Hungrvaka // Kristni saga. Þáttur Þorvalds ens víðförla. Þáttur Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka / Herausgegeben von B. Kahle. Halle: Max Niemeyer, 1905. S. 87–126. (Altnordische Saga-Bibliothek, 11).
- Hungrvaka // Íslenzk Fornrit. XVI bindi. Biskupa sögur II. Ásdís Egilsdóttir gaf út. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 2002. 382 s.
- Louis-Jensen J. Ari og Gregor // Nordiska studier i filologi och lingvistik. Lund: Studentlitteratur, 1976. S. 273–279. (Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen).
- Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford: Clarendon Press, 1953. 260 p.

REFERENCES

- Mladshaia Edda [The Younger Edda]. Eds. O. A. Smirnitskaia, M. I. Steblin-Kamen-sky. Moscow, Nauka Publ., 1970. 256 p. (In Russian)
- Probuždaiusiaha golod (glavy 1–9) [Hunger-waking (ch. 1–9)]. Transl. from Old Icelandic and comm. by O. B. Dubrovin, ed. N. Iu. Gvozdeckaia. CURSOR MUNDI. Chelovek Antichnosti, Srednevekovia i Vozrozhdenia. Vyp. 8 [CURSOR MUNDI. Person of Antiquity, Middle Ages and Renaissance. Vol. 8]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t Press, 2016, pp. 95–98. (In Russian)

- Smirnitskaia O. A. [Sagas of Icelanders in the works by M. I. Steblin-Kamensky and the Sverrir Saga]. *Saga o Sverrire* [Sverrir Saga]. Moscow, 1988, pp. 226–244. (In Russian)
- Starshaia Edda [The Elder Edda]. *Beovulf. Starshaia Edda. Pesn' o Nibelungakh. Biblioteka vseмирnoi literatury. Seria pervaiia. Tom 9* [Beowulf. The Elder Edda. The Lay of Nibelungen. World Literature Library. The first series. Vol. 9]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 181–356. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. [From saga to history. From saga to hagiography]. M. I. Steblin-Kamenskii. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The Saga Mind. The Evolution of Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 168–198. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. [Old Scandinavian literature]. M. I. Steblin-Kamenskii. *Trudy po filologii* [Works on Philology]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2003, pp. 293–426. (In Russian)
- Basset Camilla. *Hungrvaka*. Transl. with Introduction, Bibliography and Index by Camilla Basset. Ritgerð til MA-prófs. Háskóli Íslands, Hugvísindavið, 2013. Available at: <http://docplayer.net/7371660-Hugvisindasvid-hungrvaka-translation-by-camilla-basset-ritgerd-til-ma-profs-camilla-basset.html> (accessed 10.08.2016).
- Cleasby Richard, Vigfusson Gudbrand. *An Icelandic-English Dictionary*. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oi_cleasbyvigfusson/b0473.html (accessed 10.08.2016).
- Hungrvaka. *Íslensk Fornrit. XVI bindi. Biskupa sögur II. Ásdís Egilsdóttir gaf út Reykjavík, Hið íslenska fornritafélag*, 2002, pp. 3–43.
- Hungrvaka. *Kristni saga. Þáttur Þorvalds ens víðförla. Þáttur Ísleifs biskups Gizurarsonar. Hungrvaka*. Herausgegeben von B. Kahle. Altnordische Saga-Bibliothek, 11. Halle, Max Niemeyer, 1905, pp. 87–126.
- Louis-Jensen Jonna. Ari og Gregor. *Nordiska studier i filologi och lingvistik. Festskrift tillägnad Gösta Holm på 60-årsdagen*. Lund, Studentlitteratur, 1976, pp. 273–279.
- Turville-Petre Gabriel. *Origins of Icelandic Literature*. Oxford, Clarendon Press, 1953. 260 p.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна

доктор филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: ngvozd@yandex.ru

Natalya Gvozdetskaya

Doctor of Philology, Head of the Department of English Philology, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya pl., Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: ngvozd@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2016, принята к публикации 30.08.2016

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

UDC 811.11-112+316.722

J. Grave

Munster Universiteit

NOMADISCHE NEERLANDISTIEK

The concept of identity has been intensively discussed for several decades. This contribution discusses firstly the relationship between the 'self', a coherent identity, alienation and authenticity. I will then elaborate on the nomadic and metamorphoses, in which I use the views of Gilles Deleuze, Félix Guattari and Rosi Braidotti. Thereafter I will clarify the role of these concepts for transfer and translation studies. Finally, I will give an answer to the question whether and how notions of 'identity', 'nomadic' and 'cosmopolitanism' apply or can be made fruitful for the international Dutch studies.

Keywords: R. Jaeggi, R. Braidotti, Nomadic, Identity, Roles, International Dutch Studies.

Й. Граве

Мюнстерский университет

НОМАДИЗМ¹ И НИДЕРЛАНДИСТИКА

В последние десятилетия философы, социологи и филологи уделяют все большее внимание понятию идентичности. В данной статье с опорой на труды Рахели Йегги определяется соотношение между «самостью», т.е. когерентной идентичностью, отчуждением и аутентичностью. Далее, с учетом философских систем Жюль Делеза, Феликса Гваттари и Розы Брайдотти, излагаются современные представления о номадизме и метаморфозах. Цель автора — показать, что все эти идеи оказываются полезны в области культурного трансфера и теории перевода. И, наконец, в статье дается ответ на вопрос, каким образом понятия «идентичность», «номадизм» и «космополитизм» могут быть плодотворно применены в сфере международной нидерландистики.

Ключевые слова: Р.Йегги, Р.Брайдотти, номадизм, идентичность, роли, международная нидерландистика.

---

¹ Номадизм — концепция, согласно которой будущее человечества видится не в национально-территориальной замкнутости и ограниченности, а в свободном передвижении по всей планете людей и их творений; всепланетное кочевничество.

Op 7 oktober 2014 gaf de filosoof Rosi Braidotti in het ICI Berlin, het Institute for Cultural Inquiry, een lezing met de titel ‘Thinking as a Nomadic Subject’.² In het ICI spreken vrijwel altijd wetenschappers die werkzaam zijn op het brede gebied van cultural studies. Hoewel alle lezingen daar goed bezocht zijn, was het op deze avond druk, zelfs zo druk dat bezoekers overal op de grond plaats moesten nemen en mensen teruggestuurd werden omdat de organisatoren vreesden dat in geval van brand en andere calamiteiten het weleens tot grote rampen zou kunnen komen. Het overwegend jonge publiek onthaalde Braidotti als een popster en het hing, hoewel de inhoud van haar lezing niet eenvoudig was, aan haar lippen.

De naam en opvattingen van Braidotti vond ik eerder uitgebreid terug in de studie *Nomadic Literature* van Jane Fenoulhet over Cees Nooteboom, die ik voor *Internationale Neerlandistiek* heb besproken [Grave, 2014, p.270-273]. In eerste instantie zag ik aanknopingspunten met de filosofie van Rahel Jaeggi, die in haar studie *Entfremdung. Zur Aktualität eines sozialphilosophischen Problems* [Jaeggi, 2005, 2014] antwoorden zocht op vragen naar identiteit, vervreemding en authenticiteit, thema’s die een grote rol spelen in mijn bundel *Na de roes* [Grave, 2012]. Op de samenhang tussen het nomadische en transfer, vertaalde literatuur, waarbij — en dan citeer ik Michael Cronin — de vertaler als tussenpersoon voor metamorfosen (‘agent of metamorphosis’) en medeschepper van een vertaalde literaire tekst (‘co-creator of a translated literary text’) wordt beschouwd en de verhouding tussen de internationale en nationale neerlandistiek, zal ik straks ingaan. Eerst zal ik iets zeggen over de rol die het nomadische voor de literatuurwetenschap kan spelen.

Rollen en essentialisme

Belangrijk in de studie *Entfremdung. Zur Aktualität eines sozialphilosophischen Problems* van Rahel Jaeggi is de discussie rond de entelechie, een begrip van Aristoteles, dat verwijst naar een kracht in een organisme dat als een opgewonden uurwerk zijn weg aflegt. Voor personen (en personages) betekent dit dat er zich in een persoon een kern zou bevinden die tegen weerstand in tot ontplooiing moet worden gebracht. Daaruit volgt dat authenticiteit ontstaat als een persoon in overeenstem-

---

² Zie ook: <https://www.ici-berlin.org/de/event/620>.

ming leeft met deze innerlijke kern, met zijn 'eigenlijke zelf'. Jaeggi wijst op twee problemen: als men uitgaat van een 'eigenlijk zelf', een kern in een persoon, dan is er sprake van een persoon in een persoon. Ten tweede is de relatie tussen beide personen onduidelijk en zou dat 'zelf' ook onafhankelijk van de uitdrukking moeten bestaan. Dit concept wijst zij af [Jaeggi, 2015, p. 63]. Zij betoogt dat personen niet vervreemden van een kern, maar van hun handelingen, van rollen, waarin zij zich onbehaaglijk voelen. De verwezenlijking van individuen vindt volgens haar plaats in en door de wereld, het gaat dus alleen om handelingen, niet om ontplooiing of verwezenlijking van een kern. Er is dus niet eerst een 'zelf' dat zich uitdrukt en zich kan verwezenlijken, maar dat wat we 'zelf' noemen, vormt zich terwijl het zich uitdrukt: 'Man verwirklicht nicht *sich*, sondern sich *in dem, was man tut*' [Jaeggi, 2005, p. 244]. Mensen bevinden zich altijd in diverse rollen tegelijk en kunnen ook uit rollen stappen, het 'zelf' is dus altijd een 'self in the making' [Jaeggi, 2005, p. 198–199].

Ik kon Jaeggi's inzichten gebruiken om de theorie van een genre, namelijk de Bildungsroman, te verruimen — het is volgens de traditionele opvattingen bij uitstek een genre waarin het gaat om een kern die tegen weerstanden in tot ontplooiing wordt gebracht, een proces dat afgesloten is als de personages volwassen worden, terwijl Bildung, zoals Wilhelm von Humboldt het in *Die Theorie der Bildung des Menschen* (1794–1795) beschrijft, juist een dynamiek heeft die nooit afgesloten is en de grenzen van kennis, van rollen en handelingen voortdurend verlegd worden. Bildung is een streven, geen doel dat kan worden bereikt. Maar Jaeggi's opvattingen verwijzen ook naar een van de omschrijvingen die Michael Cronin in *Translation and Identity* (2006) van het kosmopolitisme geeft: 'The cosmopolitan political project can equally be envisaged at the level of the subject with the notion of *multiple subjects*. In other words, human subjects have a plurality of different loyalties, a multiplicity of different ways in which they can be described or defined' [Cronin, 2006, p. 9]. Het gaat in zijn visie niet om essentialisme, maar om uiteenopende kenmerken, die Jaeggi vermoedelijk rollen zou noemen: 'In this view, cosmopolitanism is a way of thinking through the complexity of a polyidentity rather than accepting single, all-encompassing identities for human subjects based on one variable alone' [Cronin, 2006, p. 9–10].

De stap van Jaeggi en Cronin naar Gilles Deleuze, Félix Guattari en Braidotti is niet groot: Deleuze en Guattari besteden in *A Thousand Pla-*

teaus: Capitalism and Schizophrenia (1988) veel aandacht aan het subject dat zich bevrijdt van de structuren die het beperken en dat resulteert in het ideaal van de ‘schizo’ en de ‘nomade’ [Deleuze, Guattari, 1988]. Verder gaan deze auteurs uitgebreid in op onderwerpen als mobiliteit, metamorfosen, hybriditeit, grensoverschrijdingen en fluïditeit, begrippen waarmee begrensde, dichotome categorieën open worden gebroken en waarbij de nadruk op processen en beweging ligt. Braidotti betoogt dat nomadische subjecten onder meer mobiel en veranderlijk zijn in tegenstelling tot de traditionele opvatting van een coherent, centraal ‘zelf’.

Nomadisch denken en vertalen

Het nomadische is niet alleen van toepassing op de mobiliteit van personages en mensen — bijvoorbeeld auteurs — maar ook op de transfer van culturele goederen. Fenoulhet gebruikt Braidotti’s opvattingen over het nomadische om het werk van Nooteboom te onderzoeken, inclusief de vertalingen die onder de noemer ‘mobiliteit van teksten’ worden geanalyseerd. Met dat begrip kunnen de aspecten van vertalingen en reizen worden omschreven die nieuwe ‘belongings’ met zich mee brengen. Belangrijke impulsen om de mobiliteit van teksten te analyseren zijn afkomstig uit twee studies van Michael Cronin: *Across the Lines: Travel, Language, Translation* [Cronin, 2000] en het eerder genoemde *Translation and Identity*.

Volgens Cronin is er een duidelijk verband tussen reizen, dat hij als ‘a form of lived translation’ beschouwt, en lezen (lezen geeft lezers het gevoel deel te nemen aan het vertelde) en zijn er overeenkomsten tussen reizen en vertalen en reizigers en vertalers. Hij geeft daarvoor een aantal verklaringen: ze bevinden zich ten eerste tussen culturen, in een tussenruimte, een ‘contact zone’, een concept dat Marie Louise Pratt in 1992 introduceerde: ‘social spaces where disparate cultures meet, clash, and grapple with each other, often in highly asymmetrical relations of domination and subordination — like colonialism, slavery or their aftermaths as they are lived out across the globe today’ [Pratt, 1999, p. 4]. Daar is weliswaar sprake van een asymmetrische machtsverhouding, maar er vindt toch uitwisseling plaats. De vraag is — en Fenoulhet vraagt zich dit in haar studie over Nooteboom af — of deze metafoer culturen niet teveel als ‘bounded entities’ beschouwt en te weinig rekening houdt met culturen als praktijken, ideeën en houdingen, die in het individuele subject voortdurend in beweging zijn: ‘Cultures as bounded

entities rather than sets of practices, ideas and attitudes that are constantly in touch in a number of ways' [Fenoulhet, 2013, p. 68]. Ten tweede overschrijden zij diverse grenzen: politieke, sociale, culturele en linguïstische. Ze kunnen zich gemakkelijk tussen verschillende talen bewegen en dat verwijst volgens Braidotti naar een 'nomadic mode of being'. Ten derde hebben vertalers van teksten in zoverre met reizen te maken dat zij veel hebben moeten reizen om bekwame vertalers te worden. Cronin beschouwt een vertaler ten vierde als een 'powerful transformer', eerder noemde ik al Cronins omschrijvingen van de vertaler als tussenpersoon voor en medeschepper van een vertaalde literaire tekst. Hij geeft vertalers een prominente positie. In *Across the Lines* betoogt hij dat taal 'fundamenteel nomadisch' is ('fundamental nomadism of language') [Cronin, 2000, p. 36], noemt hij taal een 'huis' ('language as a home') en een vertaling vanuit een nomadisch perspectief een relatie tussen gast en gastheer:

Translation is conceived of in a nomadic mode is conceived as a guest/host relationship. The host opens up his/her house of language to the other but any attempt to diminish the guest's otherness, to impose dominant norms of behaviour or expression on the other, is to violate the laws of hospitality [Cronin, 2000, p. 92].

De gastheer biedt ruimte aan de taal van de gast, maar elke poging om het andere van de gast aan te tasten, hem dominante normen van gedrag of uitdrukking op te leggen, tast de wetten van de gastvrijheid aan. De vaardigheden van een vertaler bestaan er niet alleen uit dat hij de woorden van de ene taal kan overzetten in een andere. Ten vijfde ontwikkelt Cronin in *Translation and Identity* zijn opvattingen over vertalingen als nomadische praktijk verder, met name over de verhouding tussen lokaal en globaal. Voor hem is kosmopolitisme onder andere een praktijk of competentie: het is een vaardigheid om je weg te vinden in andere culturen en je actief bezig te houden met mensen die in andere culturen en talen leven [Cronin, 2006, p. 10], die niets met kosmocraten ('cosmocrats or the new hyperbourgeoisie') [Cronin, 2006, p. 11], een mobiele, meritocratische elite, te maken hebben. Cronin pleit voor een nieuw kosmopolitisme dat een plaats vindt bij vertaalwetenschappen en steun kan bieden bij het oplossen van problemen als diverse culturele groepen elkaar ontmoeten. Vertalers zijn daar bij uitstek geschikt voor: zij hebben begrip voor en kennis van andere culturen en zijn verant-

woordelijk voor communicatie. Hij pleit met behulp van een definitie van David Held voor cultureel kosmopolitisme: 'the ability to stand outside a singular location (the location of one's birth, land, upbringing, conversion) and to mediate traditions' [Cronin, 2006, p. 11].

Kosmopolitisme en internationale neerlandistiek

Is er, luidt mijn derde en laatste vraag, een samenhang tussen dit kosmopolitisme en de internationale neerlandistiek? Het antwoord op die vraag heeft te maken met de verhouding tussen de nationale en internationale neerlandistiek en de omgeving van die internationale neerlandistiek. Voor ik die kan beschrijven, ga ik terug naar Braidotti en met haar hulp nog veel verder terug in de geschiedenis: zij betoogt dat de Westerse filosofie vanaf de presocratici (o.a. Pythagoras, Heraclitus) gebaseerd is op de dialectiek van het verschil ('dialectic of difference'), op dichotomieën, waarmee verschillen worden uitgedrukt: man/vrouw, subject/object, dag/nacht, enz. Iets anders is dan altijd anders dan een norm, en die norm, betoogt Braidotti, heeft als doel de hegemonie te rechtvaardigen van een cultuur, een klasse, een ras of een geslacht en dat is altijd blank, mannelijk, heteroseksueel, stadsbewoner met vrouw en kinderen. Er zijn volgens Braidotti drie standaardkenmerken waarop het andere — 'Otherness' in Braidotti's werk — wordt geconstrueerd: ten eerste 'sexualization' (niet-man, niet-heteroseksueel, enz.), ten tweede 'racialization' (niet-blank, niet-Griek, enz.) en ten derde 'naturalization' (vrouwen, kleurlingen, dieren). En die anderen worden gemarginaliseerd, buitengesloten en uitgebuit [Braidotti, 2012, p. 139].

De relatie tussen de nationale en internationale neerlandistiek kan ook met het begrip dialectiek van verschil worden uitgedrukt. Uit de begrippen internationaal/nationaal en intra/extramuraal blijkt men deze verschillen in tegenstellingen uit te drukken, waardoor er sprake is van grenzen, van een centrum en een periferie. De internationale neerlandicus is vaak — al is dat minder dan vroeger — van oorsprong geen neerlandicus, geen moedertaalspreker, wetenschappelijk niet in het Nederlandse taalgebied gesocialiseerd en hij publiceert ook in andere talen dan Nederlands en Engels [Grave 2008, p. 249–258; 2011, p. 420–427].

Hoe open of gesloten is deze grens, luidt mijn volgende vraag. En naar welke kant toe is de grens open? Wie zich in de geschiedenis van de neerlandistiek verdiept, kan vaststellen dat er nog nooit een niet-moedertaalspreker Nederlands of een deels of geheel buiten Nederland

of Vlaanderen gesocialiseerde neerlandicus in Nederland of Vlaanderen tot docent of hoogleraar is benoemd. Als ik naar mijn eigen onderzoek kijk, naar de geschiedenis van de neerlandistiek in Duitsland, dan blijkt dat er in de geschiedenis van zo'n tweehonderd jaar twee geleerden in aanmerking kwamen voor een hoogleraarschap: Johannes Franck die in 1882 en 1883 kandidaat was voor een hoogleraarschap in Nederland (Leiden en Amsterdam) maar op wie voortdurend kritiek kwam, niet omdat hij als wetenschapper tekort zou schieten, maar omdat hij te theoretisch was (typisch Duits, vonden zijn collega's in Nederland) en vooral omdat hij onvoldoende Nederlands kon schrijven en spreken — voor een hoogleraar Nederlands in een nationale filologie kennelijk een eerste vereiste [Grave, 2012, p. 207–224]. De tweede was de Nederlander André Jolles, van 1918 tot 1945 hoogleraar Nederlands en vergelijkende literatuurwetenschappen te Leipzig, van wie, ondanks de steun voor hem van Johan Huizinga, benoemingscommissies van verschillende Nederlandse universiteiten vonden dat hij een dilettant was — nu zou men hem vermoedelijk geschikt vinden als hoogleraar cultural studies [Grave, 2002A, p. 83–94; 2002B, p. 72–73].

Feitelijk bestaat er pas sinds de jaren vijftig van de vorige eeuw een relatie tussen de neerlandistiek uit Nederland en Vlaanderen en de neerlandistiek in Duitsland en vermoedelijk de andere landen waar neerlandistiek werd gedoceerd. De hiërarchie was vanaf het begin duidelijk: bij de bijeenkomsten van docenten uit het Duitse taalgebied, die toen voor het eerst werden georganiseerd, kregen hoogleraren uit Nederland een vanzelfsprekende rol als voorzitter, verder reisden Nederlandse hoogleraren naar Duitsland om lezingen te geven, maar het omgekeerde gebeurde vrijwel niet. Uit de geschiedenis wordt duidelijk dat er consensus bestaat over de opvatting dat de internationale neerlandistiek een loot is aan de stam van de nationale neerlandistiek, ze wordt door haar gevoed en blijft door haar in leven. In de nationale neerlandistiek wordt bepaald wat acceptabel wetenschappelijk onderzoek is en daar worden de grenzen van de discipline vastgelegd.

De vraag is niet alleen of dit model juist is, maar ook of het wenselijk is en welke gevolgen de actualiteit heeft of zal hebben — en daarmee doel ik op de bezuinigingen van de Taalunie na 2012. Misschien is het model wel overdreven: mediëvisten en taalkundigen Nederlands slagen er buiten het Nederlandstalige gebied uitstekend in om samenwerkingsverbanden met niet-neerlandici op te zetten en ook uit de dialectologie,

het dominante onderzoek van de jaren tien tot zestig van de vorige eeuw blijkt dat neerlandici uit de nationale en internationale neerlandistiek gezamenlijk onderzoek hebben gedaan, vaak ook samen met germanisten en romanisten. Voor literatuurwetenschappers blijkt dat minder eenvoudig te zijn. Literatuurwetenschappers hebben het moeilijker. Als ik kijk naar andere disciplines, bijvoorbeeld de germanistiek, dan wordt duidelijk dat zij er buiten het Duitstalige gebied wel in slaagt een eigen profiel te ontwikkelen zonder de nationale germanistiek, vaak onder invloed van de dominante stroming in de geesteswetenschappen. Er zijn moeiteloos allerlei oorzaken te bedenken waarom de internationale neerlandistiek het daar moeilijker mee heeft. Het geringe aantal vakbeoefenaars in het buitenland, van wie de positie voortdurend in gevaar is, het grote verloop door de matige betaling en de regeringen in Nederland en Vlaanderen hebben — en dat is merkwaardig in tijden van globalisering — steeds minder belangstelling voor de internationale neerlandistiek — en dat is niet merkwaardig in tijden van nationalisme, provincialisme en dedain voor geesteswetenschappen in het huidige neoliberale klimaat.

Toch is dat geen reden voor pessimisme, maar eerder voor een herbezinning op de mogelijkheden van de internationale neerlandistiek. Het karakter van de internationale neerlandistiek is intrinsiek nomadisch — de docenten en studenten zijn bijvoorbeeld in staat zich in meer dan een taal en cultuur te bewegen — maar we zijn ons er onvoldoende van bewust en brengen dit niet genoeg in de praktijk. Zolang de internationale neerlandistiek vasthoudt aan het boomwortel-systeem, zal ze geobseedeerd blijven door de ontwikkelingen in de nationale neerlandistiek of door de Nederlandse taal. Inspiratie van het nomadische denken kan verfrissend zijn, maar vereist moed en creativiteit: ‘Thinking,’ schrijft Braidotti met behulp van Deleuze en Guattari, ‘is about tracing lines of flight and zigzagging patterns that undo dominant representations.’ [Braidotti, 2012, p. 2].

De internationale neerlandistiek kan haar intrinsiek nomadische karakter sterker naar voren brengen door allianties te sluiten met disciplines die eveneens een nomadisch karakter hebben en een gezamenlijk studieprogramma ontwikkelen. Hoe groter de afstand tot de nationale neerlandistiek, hoe gemakkelijker en vermoedelijk ook noodzakelijker het wordt om tot een soort aera studies te komen. Gayatri Chakravorty Spivak streeft in *Death of a Discipline* [Spivak, 2003] naar een nieuwe

vergelijkende literatuurwetenschap omdat de oude — iets wat ook geldt voor nationale literatuurgeschiedenissen en canons — te weinig rekening houdt met verschillen en diversiteit, met de huidige postkoloniale globale wereld en met de dynamiek tussen verschillende talen en culturen. Bovendien zijn de daar bestudeerde werken grotendeels in het Engels geschreven. Maar het is meer dan een uitbreiding van het corpus, waar zij voor pleit, ze vraagt ook meer aandacht voor vertaalwetenschappen binnen de vergelijkende literatuurwetenschap [Spivak, 2003, p. XII, 18–19]. Ook daar houdt de internationale neerlandistiek inmiddels rekening mee door zelf literatuurgeschiedenissen te schrijven waarin vertaalde werken een prominente plaats innemen. Neerlandici die nu al grensoverschrijdend georganiseerd zijn, zoals de neerlandici in Oosten Zuid-Europa kunnen ook, onafhankelijk van de nationale neerlandistiek, eigen prioriteiten in het onderzoek zetten. Misschien is ook het wegvallen van de steun van de Taalunie wel een kans om een ander soort neerlandistiek te ontwikkelen, een neerlandistiek, die afstand neemt van de beheersing van het gesproken en geschreven Nederlands, een taal, die dan de status krijgt van Middelnederlands, Latijn of Gotisch.

Maar dat terzijde.

Tot slot nog kort een paar woorden over Braidotti. De actualiteit van haar werk bestaat er mede uit dat ze een uitgesproken positief en dynamisch antwoord geeft op de groei van nationalisme en populisme, twee in deze tijd negatieve stromingen, en op de dominante wetenschappelijke activiteit, namelijk het verzamelen van gegevens. Inmiddels ziet zij met haar kritische posthumanisme waarin de grenzen tussen mens, dier en machine verdwijnen, mogelijkheden om binnen uiteenlopende netwerken te experimenteren als nomadische subjecten. Daarbij maken zij gebruik van robot- en biotechnologieën en zij ‘zijn’ niet en zij blijven niet onbeweeglijk, maar zij ‘worden’ voortdurend, zijn buitengewoon dynamisch en vitaal. Dat lijkt me ook een goed advies voor de neerlandistiek.

REFERENCES

- Braidotti R. *Nomadic Theory. The Portable Rosi Braidotti*. New York, Columbia University Press, 2011. 402 p.
- Cronin M. *Across the Lines: Travel, Language, Translation*. Cork, Cork University Press, 2000. 198 p.
- Cronin M. *Translation and Identity*. Abingdon, Routledge, 2006. 176 p.

- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Vertaling, Brian Massumi. London, Athlone Press, 1988. 610 p.
- Fenoulhet J. *Nomadic Literature. Cees Nooteboom and his writing*. Oxford, Bern, Berlin etc., Peter Lang, 2013. 247 p.
- Grave J. 'Crisis? What crisis? Discussies over de humaniora'. *Tijdschrift voor Nederlandse Taal- en Letterkunde*, jg. 127, no. 4, 2011, pp.420–427.
- Grave J. 'De neerlandistiek en de zoektocht naar Europa'. *Tijdschrift voor Nederlandse Taal- en Letterkunde*, jg. 124, no. 4, 2008, pp.249–258.
- Grave J. 'Een zwierig danser op strakke koorden'. *Nachbarsprache Niederländisch*, no. 1–2, 2002A, pp.83–94.
- Grave J. Boekbespreking: André Jolles (1874–1946). 'Gebildeter Vagant'. Brieven en documenten bijeengebracht, ingeleid en toegelicht door Walter Thys. Amsterdam University Press. Leipziger Universitätsverlag GmbH 2000. *Neerlandica Extra Muros*, jg. 40, no. 2, mei 2002B, pp.72–73.
- Grave J. 'Johannes Franck (1854–1914): de eerste hoogleraar Nederlandse taal- en letterkunde in het Duitse taalgebied'. *Studium. Tijdschrift voor Wetenschappen en Universiteitsgeschiedenis. Revue d'Histoire des Sciences et des Universités*, jg. 5, nr. 4, 2012, pp.207–224.
- Grave J. Boekbespreking: Jane Fenoulhet, *Nomadic Literature. Cees Nooteboom and his writing*. Oxford, Bern, Berlin etc., Peter Lang, 2013. *Internationale Neerlandistiek*, jg. 52, no. 3, 2014, pp.270–273.
- Grave J. *Na de roes. Over verbeeldingskracht en utopieën in de literatuur*. Nijmegen, Vantilt, 2012. 256 p.
- Jaeggi R. *Alienation. Vertaling Frederick Neuhouser en Alan E. Smith*. New York, Colombia University Press, 2014. 304 p.
- Jaeggi R. *Entfremdung. Zur Aktualität eines sozialphilosophischen Problems*. Campus Verlag, Frankfurt, New York, 2005 (= Frankfurter Beiträge zur Soziologie und Sozialphilosophie). 268 p.
- Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London, New York, Routledge, 1992. 257 p.
- Spivak G. Ch. *Death of a Discipline*. New York, Columbia University Press, 2003. 128 p.

Й. Граве

доктор филологических наук,
Мюнстерский университет,
кафедра нидерландской филологии

J. Grave

Doctor of Philology University of Munster
Institute for Dutch Philology
Alter Steinweg 6/7, 48143 Munster, Germany
e-mail: jaap.grave@gmx.de

Статья поступила в редакцию 11.06.2016, принята к публикации 01.09.2016

УДК 791.43

А. А. Сеницын

*Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Е. В. Сеницына

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖАТВА СМЕРТИ В «СЕДЬМОЙ ПЕЧАТИ» ИНГМАРА БЕРГМАНА (к 60-летию создания картины)

Средневековая эстетика, мистика, глубокий символизм и особая стилистика «Седьмой печати» (1956) выделяют этот фильм среди прочих «историографических» картин скандинавского режиссера и мыслителя Ингмара Бергмана (1918–2007). Несмотря на исторический фон целого ряда произведений Бергмана, каждое из них с большой натяжкой можно назвать историческим по жанру. Как считают искусствоведы, «Седьмая печать» оказала в последующие пятьдесят лет самое большое влияние на все фильмы о средневековой истории и культуре. Но не история сама по себе занимает шведского режиссера, а экзистенциальные темы, проблемы его героев, их искания, сомнения и духовные смятения. Здесь, как и во всех «историографических» картинах Бергмана, исторические реалии — это только внешний фон, на котором разворачивается драма. В фильме нет ничего от предожидаемой идеализации культуры рыцарского Средневековья. Авторы очерка обсуждают символику образа смерти в «Седьмой печати», поведение главного героя Антониуса Блока и поведение других героев картины перед лицом Смерти. Дело подлинного рыцаря — служение, но Блок — воплощение сомнения и поиска, он «неправильный» рыцарь. Изолированный от мира, наедине со своими сомнениями Блок осознает, что все происшедшее с ним прежде было пустым, никчемным и что он должен еще понять нечто, что позволило бы ему обрести эссенциальную глубину. «Седьмая печать» — самая «панмортальная» картина Бергмана. Смерть повсюду царит в том мире, который изображает режиссер. В финале статьи ставится вопрос о персонажах, которые оказались включенными и, напротив, которые не вошли в *Dödsdansen* в эпилоге фильма.

Ключевые слова: скандинавское искусство, шведское кино, Ингмар Бергман, «Седьмая печать», рыцарь, смерть, «историографическое кино», средневековье, *Dödsdansen*, вера, одиночество.

Alexander Sinitsyn

*The Russian Christian Academy for the Humanities,
St. Petersburg State University*

Eugenia Sinitsyna

St. Petersburg State University

**THE REAPING OF DEATH IN “THE SEVENTH SEAL” BY
INGMAR BERGMAN**

(to commemorate the 60th anniversary of the film creation)

Medieval aesthetics, mysticism, sheer symbolism and special stylistics of “The Seventh Seal” (1956) distinguish this film from other ‘historiographical’ works made by the Scandinavian director and thinker, Ingmar Bergman (1918–2007). In spite of the historical background of Bergman’s works, none of them can be called, without reserve, strictly historical. According to art critics, “The Seventh Seal” has had the greatest impact on all films about the history of the Middle Ages and culture. It is not history as such that the Swedish director and thinker is concerned about; rather, he is interested in existential topics, problems tormenting his heroes, their quests, their doubts and anxieties. Here, likewise in all other ‘historiographical’ pictures made by Bergman, the historical realities serve as a background against which the drama is being acted out. The film has nothing to do with the so-called pre-expectant idealization of the culture of the knightly Middle Ages. The authors of this essay discuss the symbolic nature of Death in “The Seventh Seal”, Antonius Block’s behaviour, when he faces the Angel of Death, and the behaviour of other characters featured in the film. For a genuine knight, whose cause should be that of devotion, Block as a personification of doubt and search is a ‘wrong kind’ of knight. Isolated from the world, alone to grapple with his doubts, Block realizes that all that has happened to him is futile, meaningless, and that he must grasp something essential to fill his spiritual void. “The Seventh Seal” is the most ‘pan-mortal’ picture wrought by Bergman. Death reigns supreme in the world depicted by the Master. The ‘finale’ of the article raises the issue of the characters who, though deeply involved, do not appear in *Dödsdansen* of the Epilogue.

Keywords: Scandinavian art, Swedish cinema, Ingmar Bergman, “The Seventh Seal”, knight, death, “historiographical cinema”, Middle Ages, *Dödsdansen*, faith, solitude.

Скандинавы не раскрывают своих тайн,
подобно образу, мелькнувшему в сновидении.
Х. Л. Борхес

Акме скандинавского кинематографа приходится на вторую половину 1950-х — начало 1980-х годов и связано с именем шведского режиссера, писателя, мыслителя и театрального деятеля Ингмара Бергмана (1918–2007). За полвека невероятно активной творческой жизни И. Бергман снял около полусотни кино- и телефильмов — от «Кризиса» (1946) до «Сарабанды» (2003). Несколько картин были созданы Бергманом на исторические сюжеты: «Седь-

мая печать» (1956), «Девичий источник» (1960), «Змеиное яйцо» (1977), «Фанни и Александр» (1982) и др. Все это значительные, призовые фильмы, получившие мировую известность.

Несмотря на исторический фон этих произведений, каждое из них с большой натяжкой можно назвать *историческим* по жанру. Хотя многие исторические реалии Бергман воссоздает с большим вниманием к деталям и все они играют определенную роль в его картинах, способствуя погружению зрителя в прошлое, ангажированности в историческую эпоху, будь то Стокгольм середины 1840-х годов в к/ф «Лицо» (1958) или столица Швеции в первые годы XX в. в «Фанни и Александре», Германия в эпоху экономического кризиса, потерянный и бурлящий Берлин начала 1920-х годов в «Змеином яйце» или реалии средневековой Скандинавии в «Девичьем источнике» и «Седьмой печати». Однако принципиальным для художника является иное: не столько подлинность исторических фактов, сколько достоверность фактов-переживаний¹. Не история *per se* занимает Бергмана, а *экзистенциальные* темы, проблемы духовного мира его героев, их искания, сомнения, смятения и страхи. Искусствоведы, философы и историки искусства обычно судят о произведениях шведского режиссера как о философии в искусстве (*et vice versa*), о картинах Бергмана принято говорить как о «метафизическом» кино.

Первые два из названных выше фильмов — «Седьмая печать» и «Девичий источник» — рассказывают о Швеции в эпоху Средневековья и составляют своеобразный «средневековый диптих» Бергмана («berühmte mittelalterliche Diptychon» [Azzam Gómez, 2014, S. 292]). Это философские притчи о вере человека, его одиночестве и поиске незримого и безмолвного Бога. Средневековая эстетика, мистика, глубокий символизм и особая стилистика этих картин (в которой тоже присутствует нечто мистическое, магиче-

---

¹ Такой подход к «историографическому» кино, как нам представляется, близок той концепции, которой придерживался и другой скандинавский кинорежиссер К.Т.Дрейер, который для себя определил ее так: «Я не занимался костюмами и прочими атрибутами того времени (т. е. первой половины XV в., к которой относится действие фильма «Страсти Жанны д'Арк» (1928). — А. С., Е. С.), поскольку мне казалось, что столетие, о котором идет речь, не столь важно само по себе — не столь важна и историческая дистанция, которая отделяет наши дни от этих событий» [Дрейер, 2016, с. 91] (ср.: [Дрейер, 2016, с. 93, 99–100]; см. об этом дополнительно: [Sitney, 1990, p. 55–73]).

ское) выделяют их среди прочих «историографических» бергмановских полотен².

В данном очерке ограничимся обсуждением двух интересных аспектов фильма «Седьмая печать»³, пожалуй, самого известного фильма Бергмана и одного из самых влиятельных произведений за всю историю кинематографа. Мы рассмотрим, какими показаны рыцарь и другие герои картины перед личиной Ангела Смерти, и поставим вопрос о «жатве смерти» в финальной сцене *Dödsdansen*.

* * *

События в фильме происходят в Швеции в позднеклассическом Средневековье (разумеется, условно) во время господства ужасающей чумы — «черной смерти». Эпидемия, захватившая тогда бóльшую часть Европы и унесшая жизни чуть ли не трети ее населения, пришлось на середину XIV в. (1347–1349 гг.). Но в действительности разбег темпоральных маркеров в «Печати» захватывает два (а то и более!) столетия, если считать со времени последних крестовых походов в Святую землю (1270 и 1271–1272 гг.) и падения последних оплотов крестоносцев в Сирии и Палестине в конце XIII столетия и до рубежа XV–XVI вв. — времени жизни художника Альбертуса Пиктора (род. между 1440 и 1450 — ок. 1509), который присутствует в фильме как действующее лицо. Об анахронизмах и аисторизме «историографического кино» назовем интересную публикацию Артура Линдли «Аисторизм фильмов о средневековье» [Lindley, 1998]. Австралийский исследователь начинает обсуж-

---

² Об истории Средних веков в фокусе современного кинематографа см., например: [Lindley, 1998; Aberth, 2003, p. 215–243 (здесь о фильме И. Бергмана «Седьмая печать»); Meier, Slanička, 2007; Haydock, 2008, p. 41–46, 52–53 (о «Седьмой печати»); Bernau, Bildhauer, 2009; Finke, Shichtman, 2009; Bildhauer, 2011, passim, с обзором имеющейся литературы по теме — p. 223–224, n. 3–4].

³ Оригинальное название фильма *Det sjunde inseglet*, 1956, Svensk Filmindustri [SF], автор сценария и режиссер И. Бергман, оператор Г. Фишер, композитор Э. Нурдгрэн, художники П. Лунгрэн и М. Линдхольм, продюсер А. Эжелунд, в ролях: Г. Бьёрнстранд, Б. Экерот, Н. Поппе, М. фон Сюдов, Б. Андерссон, И. Гилль, Г. Линдблум, М. Ландгре и др. — 96 мин.

В основу сценария фильма положена одноактная пьеса «Роспись по дереву» (“*Trämålning*”), написанная Бергманом для студентов театральной школы, где он в то время преподавал. Фильм был создан в 1956 г., а премьерный показ состоялся в феврале следующего года, поэтому «Печать» обыкновенно датируют 1957 г. О личной жизни режиссера в этот период см. в новой биографической книге Тумаса Шёберга: [Шёберг, 2015: 300, 309].

дение заявленной темы с классического образца — фильма Бергмана «Седьмая печать», который, по мнению Линдли, «only nominally “medieval”». Мы полагаем, что с этой оценкой вполне согласятся и историки, и искусствоведы.

После своей долгой одиссеи крестоносец Антониус Блок — протагонист драмы⁴ — вернулся на родину и теперь держит путь домой, в свой родовой замок, где его ждет верная Пенелопа — супруга Карин. Годы, проведенные в Святой земле в сражениях за Гроб Господень, не дали Блоку искомого душевного успокоения и утверждения в вере, напротив, перипетии похода на Восток опустошили его духовно, подорвали в нем основы веры. И вот однажды утром к нему является Ангел Смерти (*Döden*), чтобы забрать его с собой: «Я давно уже следую за тобой (*Jag har redan länge gått vid din sida*)», — произносит черный вестник. Но рыцаря не пугает его появление: «Я знаю... Телу страшно, но сам я не боюсь». Рыцарь Блок предлагает Смерти сыграть партию в шахматы, чтобы заполучить отсрочку на некоторое время. Ставка в этой игре — собственная жизнь рыцаря: «Условие такое — я буду жить, пока не проиграю тебе (*Villkoret, är att jag får leva så länge jag står dig emot*)». Ангела Смерти удивляет такое пари, однако он соглашается, и игроки садятся за шахматную доску. Таков зачин повествования.

Эта шахматная партия рыцаря со Смертью длится с двумя перерывами в течение одного дня. Действие фильма начинается утром на пустынном побережье (эпизод был снят у скал Ховс Халлар): мрачные тучи на западе скрывают свет небес, темный ворон (или коршун?) завис неподвижно в небе — суровый предвестник появления Ангела Смерти, ожидающий свою кровавую трапезу, на серых прибрежных камнях отдыхают усталый рыцарь и его оруженосец, шум морских волн, первые лучи солнца, встающего далеко за горизонтом, и расседланные кони, пьющие морскую соленую воду. Это мрачная мистическая картина пролога. А заканчивается фильм светлой сценой эпилога ранним утром другого дня: после бури, которая свирепствовала ночью, море безмятежно, небо чисто, восходит солнце, его лучи освещают все побережье, из героев, вчерашних спутников рыцаря Блока, спаслась лишь чета бродячих актеров да их маленький ребенок.

---

⁴ Рыцарь Антониус Блок, конечно же, главный герой «Печати», несмотря на то что в заглавных титрах фильма имя Макса фон Сюдова указано лишь четвертым.

«Седьмая печать» начинается с эпитафии из «Апокалипсиса» о снятии *седьмой печати* с Книги жизни: «И когда агнец снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса... И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить» [Откр. 8: 1, 6]. Снятие седьмой печати предвещает мировую трагедию. И фильм Бергмана открывает эпизод, наводящий «апокалиптический» ужас: картина предгрозового неба, за которым скрыт свет. Это ощущение грозящей катастрофы подготавливается и музыкально: напряженное, тоже ужасающее *crescendo*, разрешающееся громовыми аккордами оркестра с хоральным вступлением: «То был день гнева!» В эпизоде-интродукции можно усмотреть отсылку к Карлу Теодору Дрейеру (1889–1968) — великому современнику, который был старше Бергмана на поколение, и его фильмы оказали влияние на кинопоэтику Бергмана⁵. «День гнева» (*Vredens dag*) — так называется картина Дрейера, созданная в 1943 г., пролог которой начинается с прелюдии с нотными знаками средневековой секвенции, и звучат слова повествователя: «День гнева, о день скорби!..»

В музыке композитора Эрика Нурдгрена (1913–1992) к бергмановской «Седьмой печати» можно отыскать «вариации» или, правильнее сказать, музыкальные «интертекстуальные цитации» из средневековой секвенции «*Dies irae*», из вердиевского «*Requiem*» (1874, *Dies irae* и *Tuba Mirum* из второй части *Sequentia*), из известной (и тогда, в 1950-е годы, еще не приобретшей статус классической, но вполне современной) кантаты Карла Орфа (1895–1982) «*Carmina Burana*», написанной немецким композитором в 1934–1936 гг.⁶ (о музыке в произведениях Бергмана см.: [Steene, 1972, p. 51–56, 61–62; Bird, 1996; Калинина, 2010; Azzam Gó-

⁵ Отзывы Дрейера о творчестве Бергмана были сдержанными (см.: [Андропова, 2014, с. 327]; ср.: [Андропова, 2014, с. 261–262, 312]). Впрочем, датский режиссер высоко оценил фильм «Молчание» (1963), назвав его «настоящей удачей», «настоящим шедевром» и отметив «отличительный индивидуальный стиль» Бергмана-художника, хотя Дрейер признавался, что смотрел мало других его картин [Дрейер, 2016, с. 139] (а ведь к началу 1960-х Ингмар Бергман снял уже более 20 фильмов, причем среди них были и нашумевшие, призовые фильмы, и признанные знатоками киноискусства шедевры: «Лето с Моникой» (1953), «Седьмая печать», «Земляничная поляна» (1957), «Лицо», «Сквозь мутное стекло» (1961) и др.).

⁶ О том, что кантата К. Орфа оказала существенное влияние на замысел «Печати», позднее признавался сам режиссер: «Однажды, когда я слушал заключительный хорал “Кармины Бураны”, меня осенило — это станет моим следующим фильмом!» [Бергман, 1997, с. 232].

mez, 2013; 2014, s. 238–301; Калинина, 2015, с. 16–19; Williams, 2015; Luko, 2016]).

* * *

По мнению Николаса Хэйдока, эта картина Бергмана «оказала в последующие пятьдесят лет самое большое влияние на все фильмы о Средневековье» ([Haydock, 2008, p. 40], ср.: [Vercruyssen, 2014, p. 65]). И с этим мнением историка литературы и искусства, пожалуй, можно согласиться, если речь идет о внешней, скажем так, феноменологической, стороне картины, но что касается содержательно-символического аспекта, то этот фильм оказывается стоящим особняком.

Как мы уже отметили, «Седьмую печать» можно лишь условно отнести к жанру исторического кино. Здесь, как и во всех «историкографических» картинах Бергмана, исторические реалии являются внешним фоном, на котором разворачивается драма рыцаря. В фильме нет ничего от предождаемой идеализации культуры рыцарского Средневековья, к чему зритель привык в исторических романах и фильмах, нет никакой внешней героики и привычной атрибутики исторических произведений о Средневековье: ни романтики, ни приключений, ни восточной экзотики, связанной с Крестовыми походами, битвами европейских миссионеров за Гроб Господень, рыцарскими турнирами, пирами, замками, рыцарским служением даме сердца и прочими давно ставшими устойчивыми клише в нашем восприятии европейского рыцарского Средневековья через романтическую историческую литературу и кинематограф. Рыцарь Блок не вступает в схватки, он вообще ни на кого не поднимает и не обрушивает свой меч.

Каким образом рыцарь и оруженосец оказываются на побережье родной шведской земли, автор не разъясняет, да это и не суть важно⁷. Главный герой ничего не рассказывает о своих долгих

---

⁷ Как заметил по этому поводу (явно *cum grano salis*) А. Линдлей, «и, конечно, Антониус и Йонс высадились на этот берег *очевидно без корабля или какого-либо иного реалистичного транспортного средства* (курсив наш. — А. С., Е. С.), что было вызвано, как и сама Смерть, потребностью в аллегории, и они оказались в 1340-х годах, которые воссозданы скорее по мистериям и гравюрам на дереве и по более ранней пьесе Бергмана, нежели на основании каких-либо, пусть и неточных, исторических источников» («And, of course, Antonius and Jons have landed on this beach *conspicuously without ship or other realistic means of transport* (курсив наш. — А. С., Е. С.), called there, like Death himself, by the needs of allegory, and land-

странствиях на Восток — к Гробу Господню. И только намеками режиссер дает понять зрителю, что приключилось с Антониусом Блоком и Йонсом за эти долгие десять лет: через всю голову оруженосца белеет шрам — от его левого глаза по диагонали через макушку (эту деталь грима Бергман описывает в начале сценария к фильму), в новом храме, где остановились путники, Йонс ведет беседу с художником Пиктором и с иронией рассказывает ему о тех ужасах, которые ему вместе со своим господином довелось пережить во время крестового похода: «Мы с хозяином были в чужих краях и только вернулись. Смекаешь, о чем речь, малыш Пиктор?.. Десять лет мы сидели в Святой земле. Нас кусали змеи, жалила мошкара, терзали звери, истребляли язычники, от женщин мы вшивели, от лихорадки гнили. И все это во славу Господню... Я тебе скажу, что наш крестовый поход был настолько глуп, что только настоящий идеалист мог до него додуматься (Jag ska säga dig att vårt korståg var så dumt så bara en riktig idealist kunde ha funnit på det⁸)».

Но еще более красноречиво, нежели шрам на голове оруженосца или его жуткие байки о перипетиях крестового похода, об ужасах и — главное — бессмысленности всего этого предприятия говорит выражение лица Антониуса Блока. Мертвенно бледное, напряженное и суровое лицо рыцаря, и во взгляде, отражающем его внутреннее состояние, застыл вопрос: во имя чего было затрачено столько усилий?

Драма у Бергмана начинается с окончания паломничества героя в страну Востока. Но никакого трансцендентального наслаждения победой воин-крестоносец не испытывает. Рыцарь, который был некогда воодушевлен призывными речами священника, ныне, используя определение Александра Секацкого, утратил *Дух Воинственности* [Секацкий, 1999, с.26–36]. Возвратившись на родину, Блок понимает, что лишен главной опоры, что то целое, которое определяло его экзистенциальное состояние, распалось. В сцене *ложной исповеди* (перед фигурой Ангела Смерти) рыцарь

---

ed in a notional 1340s derived more from mystery plays and woodcuts — and an earlier Bergman play — than from any but the flimsiest historical records» [Lindley, 1998].

⁸ По поводу слова «идеалист» (*hic*: “riktig idealist”) в тезаурусе классического Средневековья (да к тому же в устах простолюдина-оруженосца, уж больно смахивающего на сервантесовского Санчо Панса — его «старшего собрата») см. ироничное замечание Линдлея: «Комментарий Йонса... основывается на современном значении слова “идеалист”, недоступном человеку XIV века» [Lindley, 1998, п. 3].

признается: «Я хочу исповедаться искренне, насколько я могу, но мое сердце пусто. Пустота как зеркало, обращенное к моему лицу. Я смотрю на себя, и меня охватывают отвращение и ужас (Jag vill bikta mig så uppriktigt jag kan, men mitt hjärta är tomt. Tomheten är en spegel vänd mot mitt eget ansikte. Jag ser mig själv och grips av vedervilja och skräck)».

Изолированный от мира, наедине со своими сомнениями герой понимает, что все происшедшее с ним было никчемным и что он должен еще осознать *нечто*, что позволило бы ему обрести эссенциальную глубину. Поэтому история крестonosца не важна, вернее, его прошлое (являющееся в нынешнем понимании самого героя пустой круговертью, лишенной всякого смысла) представляет интерес именно потому (на контрасте), что оно не имеет значения в сравнении с настоящим и предстоящим, ибо главное должно случиться сейчас — перед лицом смерти. Встреча с черным Ангелом, с которой начинается картина, была ожидаема Блоком, рыцарь был уже давно готов к ней.

Существует немало работ, авторы которых усматривают в «Седьмой печати» и ряде других картин Бергмана влияние идей философов-экзистенциалистов XX в. — М. Хайдеггера (1889–1976) и Ж.-П. Сартра (1905–1980), но в первую очередь, конечно, мощное влияние «прародителя» всех экзистенциалистов — датского мыслителя Сёрена Кьеркегора (1813–1855). Здесь мы не станем включать в дискуссию об истоках и степени влияния экзистенциалистской философии на мировоззрение и творчество Ингмара Бергмана, ибо это отдельная тема и она требует специального обсуждения. Укажем наиболее значительные исследования, которые оказались нам доступны: [Aristarco, 1966; Ketcham, 1986; Lauder, 1987, p. 44–56; 1989; Steene, 2005; Hubner, 2007, p. 47–69; Singer, 2008, p. 173–175; 2009; Livingston, 2009 (с литературой по теме); Manqué 2011; Williams, 2015]. Одна из глав новой книги Дэна Уильямса называется «Сартровская теория воображения и “Седьмая печать”», в которой «историографическая» картина И. Бергмана рассматривается через понятие *l'imaginaire* Ж.-П. Сартра [Williams, 2015, p. 67–95]. Экзистенциалистские проблемы *одиночества* и *брошенности* резонируют в этом произведении Бергмана: здесь главный герой оказывается один на один с самим собой, со своим сомнением, с миром.

Дело истинного рыцаря — *служение*: сюзерену, Богу, даме сердца, идее, Отчизне. (Возможно, что и в таком представлении тоже есть идеализация сути средневекового рыцарства.) Но Антониус Блок — *рыцарь сомнений и поиска*, он «неправильный» рыцарь. В этом смысле рыцарь всегда одинок, как на знаменитой гравюре Альбрехта Дюрера (1471–1528) «Рыцарь, смерть и дьявол» (*Ritter, Tod und Tüfel*), созданной в 1513 г., всего на два десятилетия позднее предполагаемой даты фрески «Смерть, играющая в шахматы» (*Döden spelar schack*) Альбертуса Пиктора.

И всегда спутниками одинокого рыцаря будут испытания и смерть, отсутствие твердой веры и искания. И всегда *впереди* — «воронье и гробы».

* * *

«Седьмая печать» — самая «панмортальная» картина Бергмана. В мире, который изображает режиссер, смерть царит повсюду. «Гора трупов» в картине начинается с иссохшего трупа у дороги, к которому обращается с вопросом Йонс. Умирают многие герои, с которыми рыцарь и его оруженосец в этот день встречаются на пути: лицедей Скат, девица, обвиненная в связи с дьяволом, занимавшийся воровским промыслом и зараженный чумой Раваль, а в финале картины — почти все спутники Блока и он сам. Образы смерти мелькают в церковных фресках и на подмостках (в качестве театральной маски смерти актер Скат надевает бутафорский череп). Герои фильма ведут разговоры о чуме и смерти. И сама олицетворенная Смерть (в мужском обличи) — один из главных героев «Печати» и, заметим, один из самых впечатляющих, самых оригинальных образов смерти в кинематографе и изобразительном искусстве (специально об образе и символике смерти в «Седьмой печати» из недавних работ назовем: [Wang, 2009; Shabi, 2013]).

Вот как описывает Бергман в сценарии появление Ангела Смерти: «За его (Антониуса Блока. — А. С., Е. С.) спиной стоит человек в черном одеянии. Его лицо очень бледно, и он держит руки спрятанными в широкие складки плаща» (рисунок). Ангел Смерти сопровождает Блока и его спутников на протяжении их пути. Он появляется в «Седьмой печати» семь раз. Первое явление — в прологе фильма, когда начинается партия в шахматы рыцаря и Смерти. Во второй раз — в сцене ложной исповеди и разоблачения рыцарем коварного «исповедника». В третий раз — для продолжения

партии в шахматы на пригорке за селом. В четвертый раз Ангел Смерти появляется в лесу с пилой в руках, у дерева, на которое забрался хитроватый актер Скат. Перед этим Скат прикинулся мертвым, дабы обдурить ревнивого кузнеца Плуга и всю честную компанию, но Смерть спиливает дерево и забирает с собой актера (в эпилоге фильма он оказывается в группе ведомых в «пляске смерти» героев; обсуждение см. ниже). Пятый случай: появление Ангела Смерти ночью в эпизоде перед сожжением девушки, обвиненной в связи с дьяволом, и после этого — при завершении шахматной партии в лесу. В шестой раз черный вестник появляется в замке Блока ранним утром следующего дня, чтобы увести с собой героев. Наконец, в эпилоге картины (в видении Йофа) Смерть предводительствует рыцарем и его спутниками⁹.

В сцене *Dödsdansen* (см. рисунок) — седьмой случай присутствия Ангела Смерти в картине — Йоф видит вдалеке *семь* фигур (включая самого черного вожатого), которые движутся в танце по линии горизонта от рассвета в сторону «темной страны» (*mörka landen*): то ли на небеса (фигуры поднимаются наверх), то ли в никуда.

Рисунок. Кадры из к/ф «Седьмая печать» (*Det Sjunde Inseglet*), реж. Ингмар Бергман, 1956. Образ Ангела Смерти (*Döden* / Б.Экерут) [00:04:06]; Финальная сцена «Пляска смерти» (*Dödsdansen*) [01:35:30].

* * *

Как и в этом финальном эпизоде, в предыдущем — в замке Антониуса Блока — присутствуют тоже *семь* (NB!) персонажей, вклю-

⁹ Примечательно, что исполнитель роли Смерти Бенгт Экерут задействован в «Печати» и как повествователь: в начале картины за кадром он читает стихи из «Апокалипсиса».

чая Ангела Смерти. Но не все из героев, перед которыми он предстает в замке, оказываются в цепочке шествующих с ним в *mörka landen* (см. рисунок). Среди участников *Dödsdansen* нет жены рыцаря Карин и нет девушки-крестьянки, которую спас оруженосец Йонс. Почему они, стоящие в сцене в замке *первыми* перед лицом Ангела Смерти, не были им взяты?

В эпилоге картины акробат Йоф говорит жене, что он видит пляску смерти: «Миа! Я вижу их, Миа! Я вижу их! Там, на фоне темного грозового неба. Они все там. Кузнец и Лиза, и рыцарь, и Раваль, и Йонс, и Скат. И суровый господин Смерть (*den stränge Herren Döden*) приглашает их на танец, велит взяться за руки и чередой двигаться в танце. И впереди идет суровый господин Смерть с косой и песочными часами, а позади Скат с лютней упирается. В торжественном танце они удаляются от рассвета в сторону темной страны, дождь окропляет их лица и смывает со щек соленые слезы... (*De träder bortåt, bort från gryningen i en högtidlig dans, bort mot de mörka landen, medan regnet sköljer över deras ansikten, tvättar deras kinder från tårarnas salt...*)».

Реакция жены актера: «Опять ты со своими видениями и грезами (*Du med dina syner och drömmar*)». Давно свыкшаяся с чудными галлюцинациями и выдумками своего мужа, Миа улыбается снисходительно, как понимающая, любящая жена, держа на руках их младенца-сына. Про «торжественный танец», «темную страну» и дождь, «смывающий со щек соленые слезы» у участников танцующей процессии, Йоф, конечно, присочинил. Но по сути-то, как понимает зритель, эти его «*syner och drömmar*» правдивы, действительны. Заметим, что параллелью к этой сцене видений Йофа в эпилоге является эпизод в начале картины, когда зритель только знакомится с этим героем. Так же после пробуждения утром предыдущего дня актеру привиделись Богородица с младенцем, гуляющие на солнечной поляне. Об этом чудесном явлении Йоф тут же рассказывает Мие, опять же приукрашивая свой рассказ. Но в обоих случаях грезы Йофа реальны.

Спустя 30 лет после создания фильма И. Бергман в книге «Латерна магика» (1987) рассказывал о том, как была снята финальная сцена «Седьмой печати»: «Эпизод танца Смерти под темными тучами снимался в бешеном темпе уже после того, как большинство артистов разошлось. Техников, электриков, одного гримера и двух

дачников, совершенно не понимавших, что происходит, обрядили в костюмы приговоренных к смерти, установили “немую” камеру и успели заснять кадр до того, как разошлись тучи» [Бергман, 1989, с. 238]. Схожий рассказ с некоторыми дополнительными подробностями мы находим и в книге Бергмана «Картины» (1970): «Заключительная сцена, где Смерть, танцую, уводит за собой странников, родилась в Ховс Халлар. Мы уже все упаковали, приближалась гроза. Вдруг я увидел удивительную тучу. Гуннар Фишер вскинул камеру. Многие актеры уже отправились на студию. Вместо них в пляс пустились техники и какие-то туристы, не имевшие ни малейшего представления, о чем идет речь. Столь известный потом кадр сымпровизирован за несколько минут» [Бергман, 1997, с. 235].

Режиссер вспоминает, что идея знаменитой сцены пришла к нему спонтанно, поскольку фон оказался подходящим. Но этот его рассказ о съемках «танца Смерти» касается только «технической» стороны дела: часть актеров в тот момент уже покинула съемочную площадку, поэтому пришлось снимать случайных людей, и были наряжены в костюмы те, кто оказался под рукой. Но значит ли это, что в выборе героев, которые в финальной сцене забраны или не забраны Смертью, у автора не было строгого художественного расчета? Разумеется, нет. В обеих названных книгах — «Картины» и «*Laterna magica*», составляющих мемуарную дилогию, — Бергман припоминает разного рода «ляпы» и технические накладки, которые содержит этот (по его собственной оценке) «неровный, но дорогой моему сердцу фильм, ибо делался он в наимпримитивнейших условиях, зато с огромным жизнелюбием и желанием» [Бергман, 1989, с. 238]. В «Латерна магика» режиссер приводит примеры таких «небрежностей» в фильме (не без авторской самоиронии): «В ночном лесу, где казнят Ведьму, за деревьями можно разглядеть окна многоэтажек Росунды. Процессия флагеллантов двигалась по участку, расчищавшемуся под строительство новой лаборатории». И за этим следует занимательная история о том, как была снята сцена *Dödsdansen* [Бергман, 1989, с. 238]¹⁰. Рассказы ре-

¹⁰ Ср. также с легкой усмешкой (и гордостью!) воспоминание Бергмана о съемках «Седьмой печати» в «Картинах»: «“Седьмая печать” — одна из немногих картин, по-настоящему близких моему сердцу. Не знаю, собственно, почему. *Произведение это поистине не без пятен. В нем хватает ляпов, заметна спешка* (какова самокритика режиссера! Курсив наш. — А. С., Е. С.). Но мне кажется, в фильме отсутствуют признаки невроза, он проникнут жизненной силой

жиссера о том, как была «сымпровизирована за несколько минут» известная сцена эпилога, вовсе не объясняют, почему он в финальной сцене включил в хоровод Смерти одних персонажей и не включил других.

Гибель двух участников *Dödsdansen* представляется, так сказать, обоснованной: это лицедей Скат (театральным жестом — бутафорским ножом в сердце — он убивает себя и тем самым хочет перехитрить своих спутников, прикинувшись мертвым) и вор Раваль, в прошлом «пудривший мозги» прихожанам своими проповедями и призывами к крестовому походу в Святую землю, а в конце жизни, видимо, повзрослев, ставший типичным мародером и насильником. Казалось бы, и поделом им, этим лицемерам (хотя недотепу Ската все-таки жаль, но, как говорится, сам напросился: нечего было играть со Смертью). В фильме есть еще одна «попутная» смерть, которую мы ранее уже упоминали. Той смертоносной ночью в лесу путники становятся очевидцами казни, которая происходит в присутствии (но не при соучастии) Ангела Смерти: сожжение на костре «ведьмы» по приговору церковников. Однако и эта героиня не шествует с остальными в *Dödsdansen* в финале картины. Неужели Бергман хотел показать, что ужасающая смерть юной «грешницы» не относится к плодам жатвы черного вестника? Право же, мы не знаем, как судить об этой «избирательности» Смерти (= логике самого Бергмана) в «Печати» и запишем пока это в неразрешенные вопросы.

Чему служит эпилог (сцена с пробуждением семьи актеров утром второго дня)? Тому ли, чтобы зритель понял, что они остались спасены? Так ведь это было ясно, когда в своей кибитке они ночью удирали из леса, где шла «жатва смерти». По-видимому, художнику важно было показать в эпилоге то, что «пригрезилось» Йофу: кто из спутников был избран смертью.

«Они *все* там (*De är där allihop*)», — говорит Йоф и перечисляет *всех* тех, кого видит на фоне розового неба. Вероятно, актер не смог бы «распознать» (и поэтому не смог бы назвать?) жену рыцаря, ибо никогда ее не видел. Допустим, что так. Но он знаком с молодой крестьянкой, их вчерашней спутницей, которую привел Йонс. Почему Йоф не опознает и не называет ее? Потому что ни Карин, ни

и волей. Да и тему свою разрабатывает с радостью и страстью. <...> “Седьмая печать” нигде не жмет и не натирает. <...> Я осмелился на то, на что не осмелился бы сегодня, и это уравнивает небрежности» [Бергман, 1997, с. 235–236].

этой девушки-крестьянки нет среди семи фигур танцующей процессии. Так почему именно они не попадают в «жатву смерти»?

С появлением Ангела Смерти в замке девушка в ужасе встает из-за стола и закрывает собой жену рыцаря Карин. Далее они обе оказываются стоящими впереди всех остальных перед лицом вошедшего — так в кадре. По сути же, они *вне* этой компании, ибо Смерть забирает всех тех, кто оказывается стоящим за их спинами. Мы понимаем это так: определяющими чертами жены рыцаря являются *вера* и *верность*, в отличие от жены кузнеца (простоватый Плуг и Лиза — еще одна парная параллель Антониусу Блоку и Карин, равно как и чета бродячих актеров Йоф и Миа).

В простушке-крестьянке (героиня Гуннель Линдблум) коренятся *вера* и *страх* (в отличие от ее бесстрашного и гордого спасителя, оруженосца Йонса: «Молчу. Но не смиряюсь», — произносит он свою последнюю фразу перед Ангелом Смерти). В сцене в ночном лесу молодая крестьянка искренне сопереживает и порывается помочь умирающему в муках Равалю, который прежде хотел расправиться с ней и сделал бы это, если бы за нее не заступился Йонс. В финале девушка опускается на колени пред Ангелом Смерти, фигура которого (перед кадром) надвигается на героиню, и тень от этой фигуры (тень смерти) прикрывает половину лица девушки. С восхищенным чувством и предожиданием (смерти = избавления от страха) она произносит: «Свершилось» (*Det är fullbordat*) — и закрывает глаза. Надо понимать, что это последнее слово в последней сцене свидетельствует, что для присутствующих героев (во всяком случае, для самой девушки) все *свершилось* — все окончилось, что в этот момент она и ее спутники избавляются от земной юдоли...

Однако ни эта блаженная крестьянка, ни жена рыцаря не включены в *Dödsdansen*. То есть Смерть пред ними отступает. Почему же они остаются в живых? Не потому ли, что фундаментальные *вера* и *верность* — определяющие качества обеих богобоязненных героинь? И в заключение еще один вопрос: а такой ли смысл вкладывал в эти финальные сцены сам автор «Седьмой печати»? Вот это и остается загадкой.

* * *

Хорхе Луис Борхес как-то сказал, что «скандинавы не раскрывают своих тайн, подобно образу, мелькнувшему в сновидении»

(это суждение из эссе «Последнее плавание Улисса» взято нами в качестве эпиграфа к статье).

И когда Бергман снял «Седьмую печать», явилась еще одна скандинавская тайна. Сам режиссер признавался [Бергман, 1997, с. 236–237], что ему всегда были симпатичнее те наивность и вера, которые присущи бродячим актерам Йофу и Мие, нежели сомнения и мучительный поиск рыцаря Блока. Однако и в этом бергмановском признании все равно не раскрывается *тайна* картины (ее наличие ощутимо, но незримо). Этим признанием режиссер выразил свои симпатии (другой вопрос, насколько он это сделал откровенно и правдиво), но не дал тем самым разъяснения.

Наши соображения, предложенные в финале этого краткого очерка, — один из вариантов прочтения текста картины независимо от замысла и даже объяснений самого Бергмана. И это лишь одна из попыток приоткрыть завесу над сновидческой тайной, присутствующей (но открыто не проявленной) в этом произведении великого шведского мастера.

ЛИТЕРАТУРА

- Андропова А. Карл Теодор Дрейер. Великий датчанин. СПб.: Свое издательство, 2014. 437 с. URL: <http://kaidan.org/files/Carl%20Dreyer.pdf> (дата обращения: 27.08.2016).
- Бергман И. Латерна магика: Воспоминания / пер. со швед. А. Афиногеновой. М.: Искусство, 1989. 286 с.
- Бергман И. Картины / пер. со швед. А. Афиногеновой. М.; Таллин: Музей кино; Aleksandra, 1997. 440 с.
- Дрейер К. Т. О кино: Статьи и интервью / пер. с дат. Е. Красновой и др. М.: Новое издательство, 2016. 256 с.
- Калинина Е. А. Музыка в творчестве Ингмара Бергмана: дис. ... канд. искусствоведения. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 2010. 245 с.
- Калинина Е. А. Музыка И. С. Баха в творчестве Ингмара Бергмана // Проблемы музыкальной науки. 2015. № 1 (18). С. 16–19.
- Секацкий А. Соблазн и воля: Проза, эссеистика. СПб.: Борей-Арт, 1999. 348 с.
- Шёберг Т. Ингмар Бергман. Жизнь, любовь и измены / пер. со швед. Н. Федоровой. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 480 с.
- Aberth J. A Knight at the Movies: Medieval History on Film. New York; London: Routledge, 2003. 336 p.
- Aristarco G. Bergman et Kierkegaard // Études Cinématographiques. 1966. Nr. 46–47. P. 15–30.

- Azzam Gómez M. La música en el cine de Ingmar Bergman. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2013.
- Azzam Gómez M. Die Musik in Ingmar Bergmans Filmen // Kieler Beiträge zur Filmmusikforschung. Bd. 11. 2014. S. 278–301.
- Bernau A., Bildhauer B. (eds.). Medieval Film. Manchester: Manchester University Press, 2009. 241 p.
- Bildhauer B. Filming the Middle Ages. London: Reaktion, 2011. 264 p.
- Bird M. Music as Spiritual Metaphor in the Cinema of Ingmar Bergman // Kinema: A Journal for Film and Audiovisual Media. Spring. 1996. URL: <http://kinema.uwaterloo.ca/article.php?id=315&feature> (дата обращения: 25.08.2016).
- Finke L. A., Shichtman M. B. Cinematic Illuminations: The Middle Ages on Film. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2009. 464 p.
- Haydock N. Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages. Jefferson, N. C.; London: McFarland & Company, 2008. 234 p.
- Hubner L. The Films of Ingmar Bergman. Illusions of Light and Darkness. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 189 p.
- Ketcham Ch. B. The Influence of Existentialism on Ingmar Bergman: An Analysis of the Theological Ideas Shaping a Filmmaker's Art. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press, 1986. 392 p.
- Lauder R. E. Ingmar Bergman: The Filmmaker as Philosopher // Philosophy and Theology. 1987. Vol. 2, Nr. 1. P. 44–56.
- Lauder R. E. God, Death, Art, and Love: The Philosophical Vision of Ingmar Bergman. New York: Paulist Press, 1989. P. 198 p.
- Lindley A. The Ahistoricism of Medieval Film // Screening the Past. 1998. Vol. 3. URL: http://www.screeningthepast.com/2014/12/the-ahistoricism-of-medieval-film/_ednref1 (дата обращения: 24.08.2016).
- Livingston P. Cinema, Philosophy, Bergman: On Film as Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2009. 215 p.
- Luko A. Sonatas, Screams, and Silence. Music and Sound in the Films of Ingmar Bergman. New York; London: Routledge, 2016. 292 p.
- Manqué A. The Often Overlooked Influence of Soren Kierkegaard on Ingmar Bergman's *The Seventh Seal* // Indifferentia ad fata. 2011. June. URL: <http://queenofthestoned.blogspot.ru/2011/06/often-overlooked-influence-of-soren.html> (дата обращения: 24.08.2016).
- Meier M., Slanička S. (hrsg.). Antike und Mittelalter in Film: Konstruktion — Dokumentation — Projektion. Köln: Böhlau Verlag Köln, 2007. 473 s.
- Singer I. Cinematic Mythmaking: Philosophy in Film. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2008. 245 p.
- Singer I. Ingmar Bergman, Cinematic Philosopher: Reflections on His Creativity. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2009. 256 p.
- Sitney P. A. Moments of Revelation: Dreyer's Anachronistic Modernity // Modernist Montage: The Obscurity of Vision in Cinema and Literature. New York: Columbia University Press, 1990. P. 55–73.
- Steen B. (ed.). Focus on 'The Seventh Seal'. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1972. 182 p.

- Steene B. Ingmar Bergman: A Reference Guide. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 1150 p.
- Vercruyse T. The Dark Ages Imaginary in European Films. Leuven: Faculteit Sociale Wetenschappen, 2014. 353 p. URL: <http://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/460775/1/Vercruyse+The+Imaginary+Dark+Ages+in+European+Films.pdf> (дата обращения: 02.09.2016).
- Wang D. M. Ingmar Bergman's Appropriations of the Images of Death in *The Seventh Seal* // Medieval and Early Modern English Studies. 2009. Vol. 17. No. 1. URL: <http://hompi.sogang.ac.kr/anthony/mesak/mes171/DeniseWang.pdf> (дата обращения: 24.08.2016).
- Williams D. Klein, Sartre and Imagination in the Films of Ingmar Bergman. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 236 p.

REFERENCES

- Andronova A. *Karl Teodor Dreier. Velikii datchanin* [*Carl-Theodor Dreyer: A Great Dane*]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 2014. 437 p. Available at: <http://kaidan.org/files/Carl%20Dreyer.pdf> (accessed: 27.08.2016). (In Russian)
- Bergman I. *Laterna magika: Vospominaniia* [*The Magic Lanter. An Autobiography*]. Transl. from Swedish by A. Afinogenova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. 286 p. (In Russian).
- Bergman I. *Kartiny* [*Pictures*]. Transl. from Swedish by A. Afinogenova. Moscow, Tallin, Musei kino, Aleksandra Publ., 1997. 440 p. (In Russian).
- Dreyer C. Th. *O kino: Stat'i i interv'iu* [*On the cinema: Articles and Interviews*]. Transl. from Danish by E. Krasnova. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2016. 256 p. (In Russian).
- Kalinina E. A. *Muzyka v tvorchestve Ingmara Bergmana* [*Music in the works of Ingmar Bergman*]. PhD thesis, art history. (Speciality 17.00.02 — “Muzikalnoye iskusstvo”). Moscow, Moscow P.I. Tchaikovsky State Conservatoire, 2010. 245 p. (In Russian).
- Kalinina E. A. Muzyka I. S. Bakha v tvorchestve Ingmara Bergmana [The Music of J. S. Bach in the Work of Ingmar Bergman]. *Problemy muzykal'noi nauki*, 2015, no. 1 (18), pp. 16–19 (In Russian, with a summary in English).
- Sekatsky A. *Soblazn i volia: Proza, esseistika* [*Temptation and Will: Prose, Essays*]. St. Petersburg, Borey-Art Publ., 1999. 348 p. (In Russian).
- Sjöberg T. *Ingmar Bergman. Zhizn', liubov' i izmeny* [*Life, Love and Betrayals*]. Transl. from Swedish by N. Fyodorova. Moscow, Publisher ACT: CORPUS, 2015. 480 p. (In Russian).
- Aberth J. *A Knight at the Movies: Medieval History on Film*. New York, London, Routledge Publ., 2003. 336 p.
- Aristarco G. Bergman et Kierkegaard. *Études Cinématographiques*, 1966, no. 46–47, pp. 15–30.
- Azzam Gómez M. *La música en el cine de Ingmar Bergman*. Salamanca, Ediciones Universidad de Salamanca, 2013.

- Azzam Gómez M. Die Musik in Ingmar Bergmans Filmen. *Kieler Beiträge zur Filmmusikforschung*, Bd. 11, 2014, pp. 278–301.
- Bernau A., Bildhauer B. (eds.). *Medieval Film*. Manchester, Manchester University Press, 2009. 241 p.
- Bildhauer B. *Filming the Middle Ages*. London, Reaktion Publ., 2011. 264 p.
- Bird M. Music as Spiritual Metaphor in the Cinema of Ingmar Bergman. *Kinema: A Journal for Film and Audiovisual Media*. Spring, 1996. Available at: <http://kinema.uwaterloo.ca/article.php?id=315&feature> (accessed: 25.08.2016).
- Finke L. A., Shichtman M. B. *Cinematic Illuminations: The Middle Ages on Film*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 2009. 464 p.
- Haydock N. *Movie Medievalism: The Imaginary Middle Ages*. Jefferson, N. C., London, McFarland, Company, 2008. 234 p.
- Hubner L. *The Films of Ingmar Bergman. Illusions of Light and Darkness*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2007. 189 p.
- Ketcham Ch. B. *The Influence of Existentialism on Ingmar Bergman: An Analysis of the Theological Ideas Shaping a Filmmaker's Art*. Lewiston, New York, Edwin Mellen Press, 1986. 392 p.
- Lauder R.E. Ingmar Bergman: The Filmmaker as Philosopher. *Philosophy and Theology*, 1987, vol. 2, no. 1, pp. 44–56.
- Lauder R. E. *God, Death, Art, and Love: The Philosophical Vision of Ingmar Bergman*. New York, Paulist Press, 1989. 198 p.
- Lindley A. The Ahistoricism of Medieval Film. *Screening the Past*, 1998, vol. 3. Available at: http://www.screeningthepast.com/2014/12/the-ahistoricism-of-medieval-film/_ednref1 (accessed: 24.08.2016).
- Livingston P. *Cinema, Philosophy, Bergman: On Film as Philosophy*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 215 p.
- Luko A. *Sonatas, Screams, and Silence. Music and Sound in the Films of Ingmar Bergman*. New York, London, Routledge Publ., 2016. 292 p.
- Manqué A. The Often Overlooked Influence of Soren Kierkegaard on Ingmar Bergman's *The Seventh Seal*. *Indifferentia ad fata*, 2011. June. Available at: <http://queenofthestoned.blogspot.ru/2011/06/often-overlooked-influence-of-soren.html> (accessed: 24.08.2016).
- Meier M., Slanička S. (hrsg.). *Antike und Mittelalter in Film: Konstruktion — Dokumentation — Projektion*. Köln, Böhlau Verlag Köln, 2007. 473 p.
- Singer I. *Cinematic Mythmaking: Philosophy in Film*. Cambridge, Mass., London, MIT Press, 2008. 245 p.
- Singer I. *Ingmar Bergman, Cinematic Philosopher: Reflections on His Creativity*. Cambridge, Mass., London, MIT Press, 2009. 256 p.
- Sitney P. A. Moments of Revelation: Dreyer's Anachronistic Modernity. *Modernist Montage: The Obscurity of Vision in Cinema and Literature*. New York, Columbia University Press, 1990, pp. 55–73.
- Steene B. (ed.). *Focus on 'The Seventh Seal'*. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall Publ., 1972. 182 p.

- Steene B. *Ingmar Bergman: A Reference Guide*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2005. 1150 p.
- Vercruyse T. *The Dark Ages Imaginary in European Films*. Leuven, Faculteit Sociale Wetenschappen, 2014. 353 p. Available at: <http://lirias.kuleuven.be/bitstream/123456789/460775/1/Vercruyse+The+Imaginary+Dark+Ages+in+European+Films.pdf> (accessed: 02.09.2016).
- Wang D.M. Ingmar Bergman's Appropriations of the Images of Death in The Seventh Seal. *Medieval and Early Modern English Studies*, 2009, vol. 17, no. 1. Available at: <http://hompi.sogang.ac.kr/anthony/mesak/mes171/Denise-Wang.pdf> (accessed: 24.08.2016).
- Williams D. *Klein, Sartre and Imagination in the Films of Ingmar Bergman*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 236 p.

Синицын Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры культурологии, искусств и гуманитарных наук,
Русская христианская гуманитарная академия,
Россия, 191011, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15;
доцент кафедры еврейской культуры, философский факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Синицына Евгения Владимировна

ассистент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
филологический факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
E-mail: e.sinitsyna@spbu.ru

Alexander Sinitsyn

Candidate of Historical Sciences, associate professor,
Department of Culturology, Arts and Humanities,
The Russian Christian Academy for the Humanities
15, Naberezhnaja reki Fontanki, St. Petersburg, 191011, Russia;
Department of Jewish Culture, Institute of Philosophy,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Eugenia Sinitsyna

Lecturer, Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.sinitsyna@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 06.07.2016. Принята к публикации 30. 08.2016

ИЗ ИСТОРИИ СКАНДИНАВИСТИКИ

УДК 811.113.6

А. В. Савицкая

Санкт-Петербургский государственный университет

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. МАСЛОВОЙ-ЛАШАНСКОЙ (1916–1990)

14 июня 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сарры Семеновны Масловой-Лашанской, одного из основоположников отечественной скандинавистики и фактического основателя шведского отделения в Ленинградском (позднее Санкт-Петербургском) государственном университете. Ею были разработаны все основные теоретические курсы, которые и сегодня читаются на шведском отделении, создана методика преподавания практического шведского языка, а также написаны учебники, которые являются незаменимыми пособиями для современных студентов («Шведский язык. Часть 1», «Лексикология шведского языка» и «Учебник шведского языка» в соавторстве с Н. Н. Толстой). За годы работы в университете она подготовила более 200 специалистов по шведскому языку, которые с благодарностью вспоминают своего Учителя. С. С. Маслова-Лашанская была большим ученым, доктором филологических наук. Ее научное наследие включает целый ряд статей, посвященных вопросам эволюции лексического состава шведского языка, процессам наименования, а также употреблению предлогов в шведском языке. Сфера ее научных интересов включала и лексикографию. Она внесла большой вклад в создание двуязычных словарей, в частности была основным автором Большого русско-шведского словаря, вышедшего в 1976 г., и автором «Краткого грамматического очерка шведского языка» в первом Большом шведско-русском словаре, выпущенном в нашей стране. С. С. Маслова-Лашанская обладала замечательными личными качествами: глубокой порядочностью и принципиальностью, невероятным трудолюбием и добросовестностью, удивительной скромностью и требовательностью к себе, доброжелательным отношением к людям.

Ключевые слова: С. С. Маслова-Лашанская, шведское отделение СПбГУ, учебники шведского языка, лексикография, номинация, полисемия, предлоги.

Anna Savitskaja

St. Petersburg State University

MARK THE CENTENARY OF THE BIRTH OF S. S. MASLOVA-LASJANSKAJA (1916–1990)

14 June 2016 marked the centenary of Sarah Semenovna Maslova-Lasjanskaja, one of the founders of our national Scandinavian studies and the real founder of the Swedish

Department of Leningrad (later Saint-Petersburg) State University. She developed all basic theoretical courses that are still delivered at the Swedish Department, created the teaching methods of the practical Swedish language as well as wrote the text-books that are still indispensable for current students (Swedish Language part 1. Swedish Lexicology co-authored by N. N. Tolstaja, Swedish Language Book).

Working for the university she qualified more than 200 specialists in Swedish Linguistics, who always remember with gratitude their Teacher. S. S. Maslova-Lasjanskaja was a prominent scholar, Doctor of Philology. Her scientific heritage includes a great number of articles devoted to some problems of Swedish vocabulary, naming processes, as well as the use of prepositions in the Swedish language. Swedish Lexicology also was a part of her scientific interests. She made an invaluable contribution to the creation of bilingual dictionaries, namely she was the main author of the Great Russian-Swedish Dictionary published in 1976, and the author of "the Short Essay of Swedish Grammar" in the first Great Swedish-Russian Dictionary published in our country. S. S. Maslova-Lasjanskaja possessed remarkable personal qualities: outstanding human decency and adherence to principles, unbelievable industry and honesty, amazing modesty and self-discipline. As well as friendly attitude to people.

Keywords: S. S. Maslova-Lasjanskaja, Swedish Department of SPSU, the Swedish language text-books, lexicology, naming, polysemy, prepositions.

14 июня 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сарры Семеновны Масловой-Лашанской, одного из основоположников отечественной скандинавистики и фактического основателя шведского отделения в Ленинградском (позднее Санкт-Петербургском) государственном университете, с которым была связана вся ее жизнь.

Сарра Семеновна поступила на немецкое отделение филологического факультета в 1932 г. и прошла прекрасную филологическую школу. В. П. Берков в своих воспоминаниях отмечает, что профессор Е. Г. Эткинд, вынужденный в свое время покинуть Советский Союз и долго проработавший в Париже, писал, что «был знаком с преподаванием филологии в десятках зарубежных университетов, но лучше всего она преподавалась в стенах филологического факультета Ленинградского университета до войны» [Берков, 2011, с. 601]. В 1937 г. на факультете создали аспирантуру, в частности и по специальности «Скандинавистика», выпускников по которой к тому времени еще не было, и Сарра Семеновна, уже серьезно интересовавшаяся скандинавскими языками, поступила в аспирантуру по этой специальности. Параллельно с обучением в аспирантуре Сарра Семеновна сразу начала вести отдельные занятия в шведской группе. В 1941 г. она защитила написанную под

руководством профессора С. Д. Кацнельсона диссертацию «Падежи косвенного объекта в скандинавских языках». Это масштабное диахроническое исследование стало одной из первых крупных отечественных работ по скандинавистике и первой в стране кандидатской диссертацией по данной специальности.

Во время Великой Отечественной войны Сарра Семеновна, будучи офицером Советской армии, участвовала в обороне Ленинграда, а по окончании войны сразу вернулась в университет и вскоре стала ведущим преподавателем шведского отделения.

Несмотря на то что первая шведская группа была сформирована в университете еще в 1935 г., фактическим основателем отделения и отечественной шведистики в целом можно по праву считать именно Сарру Семеновну Маслову-Лашанскую. Для полноценного обучения шведскому языку как специальности поначалу не хватало теоретических курсов. Все эти курсы были со временем разработаны Саррой Семеновной. Она подготовила и читала курсы по истории шведского языка, теоретической грамматике, теоретической фонетике и лексикологии, к ним впоследствии добавился ряд спецкурсов и семинаров. Следует отметить, что в 1940–1950-е годы необходимой литературы на русском языке почти не существовало, поэтому подготовка курсов стала возможной исключительно благодаря широчайшей лингвистической эрудиции и колоссальному трудолюбию Сарры Семеновны. Заботясь о студентах и других будущих исследователях скандинавских языков, она в 1949 г. даже перевела на русский язык книгу Э. Вессена «Скандинавские языки» (Wessén E. De nordiska språken), благодаря чему краткая история скандинавских языков стала доступной для русского читателя. В 1953 г. увидел свет один из главных трудов С. С. Масловой-Лашанской — книга «Шведский язык. Часть 1». В предисловии она скромно указала, что ставила перед собой практическую задачу, состоявшую в том, «чтобы помочь изучающему шведский язык и дать ему в систематизированном виде сумму необходимых знаний о строе этого языка» [Маслова-Лашанская, 1953, с. 3]. Однако в книге объемом 320 страниц, наряду со всесторонним описанием системы шведского языка, рассматривается целый ряд важных теоретических вопросов, благодаря чему она и по сей день упоминается в большинстве отечественных исследований в области шведского языка.

На протяжении всей жизни Сарра Семеновна, невзирая на свойственные тому времени трудности, внимательно следила за новинками шведской теоретической литературы и неустанно совершенствовала свои курсы. Одним из результатов этой работы стала замечательная книга «Лексикология шведского языка», вышедшая первым изданием в 1974 г. Эта книга в полном соответствии с традициями отечественной лингвистической школы написана на высоком теоретическом уровне и снабжена богатым иллюстративным материалом, взятым из шведских словарей и произведений художественной литературы, т. е. отражающим определенный этап развития языка. Такой подход автора предопределил тот факт, что книга по-прежнему не утратила своей актуальности и продолжает оставаться главным пособием по лексикологии для всех университетов, где преподается шведский язык. Следует также добавить, что в «Лексикологии» был тонко подмечен ряд тенденций, которые впоследствии получили дальнейшее развитие в языке, подтвердив прозорливость ее автора.

Помимо теоретических курсов Сарра Семеновна, особенно поначалу, вела много практических занятий, что тоже представляло большие трудности ввиду отсутствия словарей и учебников. Много внимания уделяла Сарра Семеновна методике преподавания практического языка. Ею была составлена программа, которая лежит в основе современной программы практического курса шведского языка кафедры скандинавской и нидерландской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. А в 1981 г. ею в соавторстве с Н. Н. Толстой был выпущен «Учебник шведского языка», получивший широкое признание. Учебник выдержал уже несколько переизданий и по-прежнему очень востребован. Одним из его главных достоинств, безусловно, является тщательно продуманное описание фонетики и грамматики, составленное Саррой Семеновной.

Нехватка учебных материалов особенно остро ощущалась на семинарах по истории шведского языка: отсутствовало необходимое количество экземпляров древнешведских текстов, а множительной техники тогда еще не было, как не было учебников на русском языке и соответствующих двуязычных словарей. Чтобы хоть в какой-то степени восполнить этот пробел, С. С. Маслова-Лашанская в соавторстве с А. В. Савицкой выпустила в 1986 г.

небольшую брошюру «Учебные задания по истории шведского языка: древнешведский период». Важнейшим компонентом пособия является компактная информация о строе древнешведского языка, мастерски написанная Саррой Семеновной.

Сарра Семеновна была не только прекрасным преподавателем и методистом, но и большим ученым. В 1974 г. она защитила докторскую диссертацию «Номинация и полисемия в шведском языке». К сожалению, монография по ее диссертации опубликована не была. Публиковать научные труды в то время было непросто, и когда Сарре Семеновне предложили опубликовать либо монографию, либо учебник по лексикологии, она сразу сделала выбор в пользу учебника, сказав, что для студентов это важнее. Однако познакомиться с научным наследием С. С. Масловой-Лашанской все-таки можно: осталось много написанных ею статей и тезисов докладов, с которыми она с успехом выступала на многочисленных конференциях.

Темой, увлекавшей Сарру Семеновну как до написания докторской диссертации, так и после, было употребление шведских предлогов, что неудивительно, поскольку данная тема отличается непрерывной эволюцией и представляет безусловный интерес для человека, следящего за развитием языка. Уже в 1949 г. Сарра Семеновна опубликовала статью «К вопросу о значениях предлогов в современном шведском языке», которая явилась естественным продолжением темы ее кандидатской диссертации, посвященной диахроническому исследованию падежей. В 1960–1970-е годы Сарра Семеновна неоднократно выступает с докладами по предложной тематике и пишет ряд статей, например «Из наблюдений над предложной синонимией в шведском языке» (1963), «Семантические взаимоотношения локальных предлогов в шведском языке» (1969), «К вопросу о темпоральных значениях предлогов: на материале шведского языка» (1971), «Роль семантических факторов в формировании падежно-предложной системы континентальных скандинавских языков» (1977). А в 1985 г. выходит статья «Методы семантического анализа предлогов (шведский материал)», которую, вероятно, можно считать итоговой. На основе богатого опыта собственных исследований автор рассматривает в ней различные подходы к анализу предложной семантики, в каждом случае выделяя те или иные преимущества и недостатки. Статья написана

на высоком теоретическом уровне и снабжена интересным иллюстративным материалом. Знакомство с ней будет, безусловно, полезно тем, кто занимается изучением шведских предлогов или соответствующими лексикографическими исследованиями.

В центре научных интересов Сарры Семеновны на протяжении всей жизни находились также вопросы, связанные с лексикой шведского языка. Уже в 1950-е годы она опубликовала в «Ученых записках ЛГУ» две значимые статьи общего характера: «Из истории словарного состава и основного словарного фонда шведского языка» (1952) и «Из заметок по шведской лексикологии» (1958). Со временем она стала уделять особое внимание проблемам полисемии и омонимии, а также способам пополнения словарного состава шведского языка — процессам номинации и словообразования. Как уже отмечалось, публиковать научные труды в то время было непросто, однако непосредственно перед защитой докторской диссертации и после нее Сарра Семеновна опубликовала целый ряд статей, свидетельствующих о глубоком погружении автора в данную тематику. Так, в небольшой статье «О процессе номинации» (1973) Сарре Семеновне удалось осветить подавляющее большинство способов создания новой лексики, от выбора мотивирующего признака до словообразовательных процессов, создания фразеологизмов и переноса наименования. Среди работ этого периода можно также назвать статьи «Опыт анализа многозначных слов: обозначения атмосферных осадков и водных потоков в шведском языке» (1978), «Метафорическая деривация» (1979), «Некоторые вопросы лексемообразования: на материале шведского языка в сопоставлении с русским» (1980), «Номинация и номинационно-релевантные семы: на материале шведского языка в сопоставлении с русским» (1981), «О типах номинационной структуры слов в шведском языке» (1983). Особо хотелось бы остановиться на последней статье Сарры Семеновны — «О синтаксической функции словообразования в шведском языке», опубликованной в 1991 г., уже после смерти автора. Статья посвящена одному из ключевых вопросов шведского словообразования и включает две части: «Синтаксическое словосложение» и «Синтаксическая деривация». При чтении этой работы вновь поражаешься умению Сарры Семеновны почувствовать важные и перспективные тенденции в развитии языка, собрать интересный иллюстративный материал

и исключительно компактно обобщить его, задействовав при этом солидную теоретическую базу. Думается, что эта последняя статья с особой убедительностью показывает масштаб С. С. Масловой-Лашанской как ученого.

Большой вклад внесла Сарра Семеновна также в создание словарей. Интерес к лексикографии появился у нее рано, возможно, потому, что при изучении шведского языка и на начальном этапе его преподавания она столкнулась с практически полным отсутствием полноценных двуязычных словарей. Уже в 1961 г. Сарра Семеновна пишет статью «Заметки о русско-шведских словарях», в которой подробно анализирует существующие на тот момент словари, отмечая их достоинства и недостатки. Статья включает три раздела: «Отбор лексики для словника», «Подбор эквивалентов», «Пояснения и пометы». Предлагаемый в статье детальный и разноплановый сопоставительный анализ трех словарей, безусловно, свидетельствует о серьезной лексикографической подготовке автора. Завершается статья важными выводами теоретического характера, адресованными составителям будущих русско-шведских словарей. Трудно сказать, думала ли тогда Сарра Семеновна, что вскоре возглавит работу по подготовке такого словаря, но, зная, с каким увлечением она в дальнейшем занималась лексикографической деятельностью, можно предположить, что она во всяком случае уже вынашивала эту идею.

Первый Большой русско-шведский словарь вышел в 1976 г. Работал над его составлением коллектив авторов, но основную лепту в его создание внесла С. С. Маслова-Лашанская. Один из крупнейших отечественных лексикографов профессор В. П. Берков отмечал, что «в этом словаре есть новые, оригинальные лексикографические решения, и все они были разработаны Саррой Семеновной» [Берков, 2011, с. 601]. Ею же было написано подавляющее число статей, а также прекрасный очерк «Некоторые сведения о грамматике и фонетике шведского языка». По прошествии двадцати лет словарь все чаще стали подвергать критике за далеко не всегда удачный выбор шведских эквивалентов. Однако этому имелося простое объяснение — над словарем работали почти исключительно русские авторы, что было «приметой времени» и о чем горько сожалела в процессе работы Сарра Семеновна. Но в 1970-е годы появление этого словаря стало настоящим праздником для отече-

ственных шведистов и подняло изучение шведского языка на новый уровень.

С. С. Маслова-Лашанская является также одним из авторов вышедшего в 1988 г. маленького словаря «Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках)», где ею написана шведская часть. Этот словарь по-прежнему служит хорошим подспорьем для тех, кто занимается вопросами сопоставительной фразеологии.

Нельзя не упомянуть о том, что Саррой Семеновной был в свое время написан компактный, но вместе с тем включающий все необходимые сведения «Краткий грамматический очерк шведского языка» к шведско-русскому словарю Д. Э. Милановой. Первое издание этого словаря вышло в 1949 г., и впоследствии он неоднократно переиздавался (последнее переработанное издание вышло в 1973 г.), что позволяло Сарре Семеновне совершенствовать очерк. До появления «Учебника шведского языка» этот очерк являлся одним из лучших базовых пособий по шведской грамматике. Словарь Д. Э. Милановой имел целый ряд недостатков, опять-таки в силу того, что создавался в непростое для работы с иностранным языком время. Сознывая это, Сарра Семеновна, когда во второй половине 1980-х годов появился более широкий доступ к шведским словарям и информантам, стала мечтать о создании нового большого шведско-русского словаря. Она даже собрала коллектив авторов и, невзирая на проблемы со здоровьем, начала эту работу, уделяя ей все свободное время. Однако со смертью Сарры Семеновны работа над словарем остановилась — без нее остальные авторы не чувствовали себя в силах завершить начатое ею дело.

Заслуги Сарры Семеновны, как это часто случается, не были при ее жизни оценены в полной мере (в официальном смысле слова). Отчасти это объяснялось выпавшим на ее долю временем и сопряженными с ним проблемами, а отчасти ее личными качествами — удивительной скромностью, глубокой порядочностью, стремлением всем помочь и уступить дорогу. Имея ученую степень доктора наук, она так и не стала профессором, хотя по сути была Профессором с большой буквы. Ее роль в становлении шведского отделения университета и отечественной шведистики трудно переоценить. За годы работы в университете она выпустила более 200 специалистов по шведскому языку, для которых она

всегда была примером в высшей степени добросовестного отношения к делу и доброжелательного отношения к людям. В том, с какой благодарностью выпускники разных лет вспоминают своего Учителя, было легко убедиться, когда кафедра отмечала 80-летие и 90-летие со дня рождения Сарры Семеновны. Каждый раз собиралось много народу, некоторые специально приезжали из других городов, и все выступавшие говорили о Сарре Семеновне с огромным уважением и теплотой, и уж тут ее заслуги были, безусловно, оценены по достоинству. Тем, кому выпало счастье учиться у Сарры Семеновны Масловой-Лашанской или работать вместе с ней, до сих пор не хватает ее присутствия на кафедре, и как крупнейшего специалиста, и как замечательного человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П. Работы по языкознанию. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 651 с.
- Маслова-Лашанская С. С. Шведский язык. Часть 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. 319 с.

REFERENCES

- Berkov V. P. *Raboty po iazykoznaniiu* [Works on Linguistics]. St. Petersburg, Philologicheskii fakultet SPbU, 2011, p. 651. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaya S. S. *Shvedskii jazyk* [The Swedish Language]. Part 1. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1953. 319 p. (In Russian)

Савицкая Анна Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Anna Savitskaja

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology
St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia 199034
E-mail: anna.savitskaja@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.06.2016, принята к публикации 30.08.2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Tjeerd de Graaf</i> . DUTCH, FRISIAN AND LOW GERMAN: THE STATE LANGUAGE OF THE NETHERLANDS AND ITS RELATIONSHIP WITH TWO GERMANIC MINORITY LANGUAGES. Part 2.....	155
<i>Е. В. Краснова</i> . ДАТСКИЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА, СОЗДАННЫЕ ПО МОДЕЛИ V+N	170
<i>А. А. Яковлева</i> . НАЦИОНАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ, ИЛИ ЗЕРКАЛО ГОЛЛАНДСКОЙ ДУШИ.....	178
<i>Agnija Platace</i> . ENGLISH LOANS IN LATVIAN AND NORWEGIAN SPORTS COLUMNS IN THE POST-WAR PERIOD	190
<i>Д. Д. Пиотровский</i> . ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	200
<i>Е. М. Чекалина</i> . ШВЕДСКИЕ ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ FÅ И КОММА	212

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Anna Bohlin</i> . FREDERIKA BREMER: PROTESTANTISK PILGRIM I PALESTINA ÅR 1859.....	233
<i>Jelica Novaković-Lopušina</i> . HET BEELD VAN MIDDEN- EN OOST-EUROPA IN DE MODERNE NEDERLANDSE POËZIE	250
<i>Н. Ю. Гвоздецкая</i> . HUNGRVAKA («ПРОБУЖДАЮЩАЯ ГОЛОД»): ОТ САГИ К ХРОНИКЕ И ЖИТИЮ?	266

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>J. Grave</i> . NOMADISCHE NEERLANDISTIEK.....	280
<i>А. А. Синицын, Е. В. Синицына</i> . ЖАТВА СМЕРТИ В «СЕДЬМОЙ ПЕЧАТИ» И. БЕРГМАНА (к 60-летию создания картины)	290

ИЗ ИСТОРИИ СКАНДИНАВИСТИКИ

<i>А. В. Савицкая</i> . К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. МАСЛОВОЙ-ЛАШАНСКОЙ (1916–1990)	310
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Tjeerd de Graaf</i> . DUTCH, FRISIAN AND LOW GERMAN: THE STATE LANGUAGE OF THE NETHERLANDS AND ITS RELATIONSHIP WITH TWO GERMANIC MINORITY LANGUAGES. Part 2.....	155
<i>Elena Krasnova</i> . DANISH COMPOUND WORD, BASED ON V+N-MODEL	170
<i>Alexandra Yakovleva</i> . NATIONAL-GEOGRAPHICAL STEREOTYPES, OR THE MIRROR OF THE DUTCH SOUL	178
<i>Agnija Platace</i> . ENGLISH LOANS IN LATVIAN AND NORWEGIAN SPORTS COLUMNS IN THE POST-WAR PERIOD	190
<i>Dmitry Piotrovskii</i> . THE HISTORICAL SYNTAX ON THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT OF LINGUISTICS	200
<i>Elena Chekalina</i> . THE SWEDISH PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS WITH THE VERBS <i>FÅ</i> AND <i>KOMMA</i>	212

LITERATURE STUDY

<i>Anna Bohlin</i> . FREDERIKA BREMER: PROTESTANTISK PILGRIM I PALESTINA ÅR 1859.....	233
<i>Jelica Novaković-Lopušina</i> . HET BEELD VAN MIDDEN- EN OOST-EUROPA IN DE MODERNE NEDERLANDSE POËZIE	250
<i>Natalya Gvozdetskaya</i> . 'HUNGRVAKA': ON THE WAY FROM THE SAGA TO THE CHRONICLE AND HAGIOGRAPHY?	266

CULTURE AND CULTURAL RELATIONS

<i>J. Grave</i> . NOMADISCHE NEERLANDISTIEK.....	280
<i>Alexander Sinitsyn, Eugenia Sinitsyna</i> . THE REAPING OF DEATH IN "THE SEVENTH SEAL" BY INGMAR BERGMAN (to commemorate the 60th anniversary of the film creation).....	290

FROM THE HISTORY OF SCANDINAVIAN STUDIES

<i>Anna Savitskaja</i> . MARK THE CENTENARY OF THE BIRTH OF S. S. MASLOVA-LASJANSKAJA (1916–1990).....	310
--	-----

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Подписано в печать 25.04.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,88. Тираж 97 экз. (1-й завод). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
publishing@spbu.ru
publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
в Доме университетской книги
Менделеевская линия, д. 5
тел.: +7(812) 329 24 71
часы работы 10.00–20.00 пн. — сб.,
а также на сайте publishing.spbu.ru